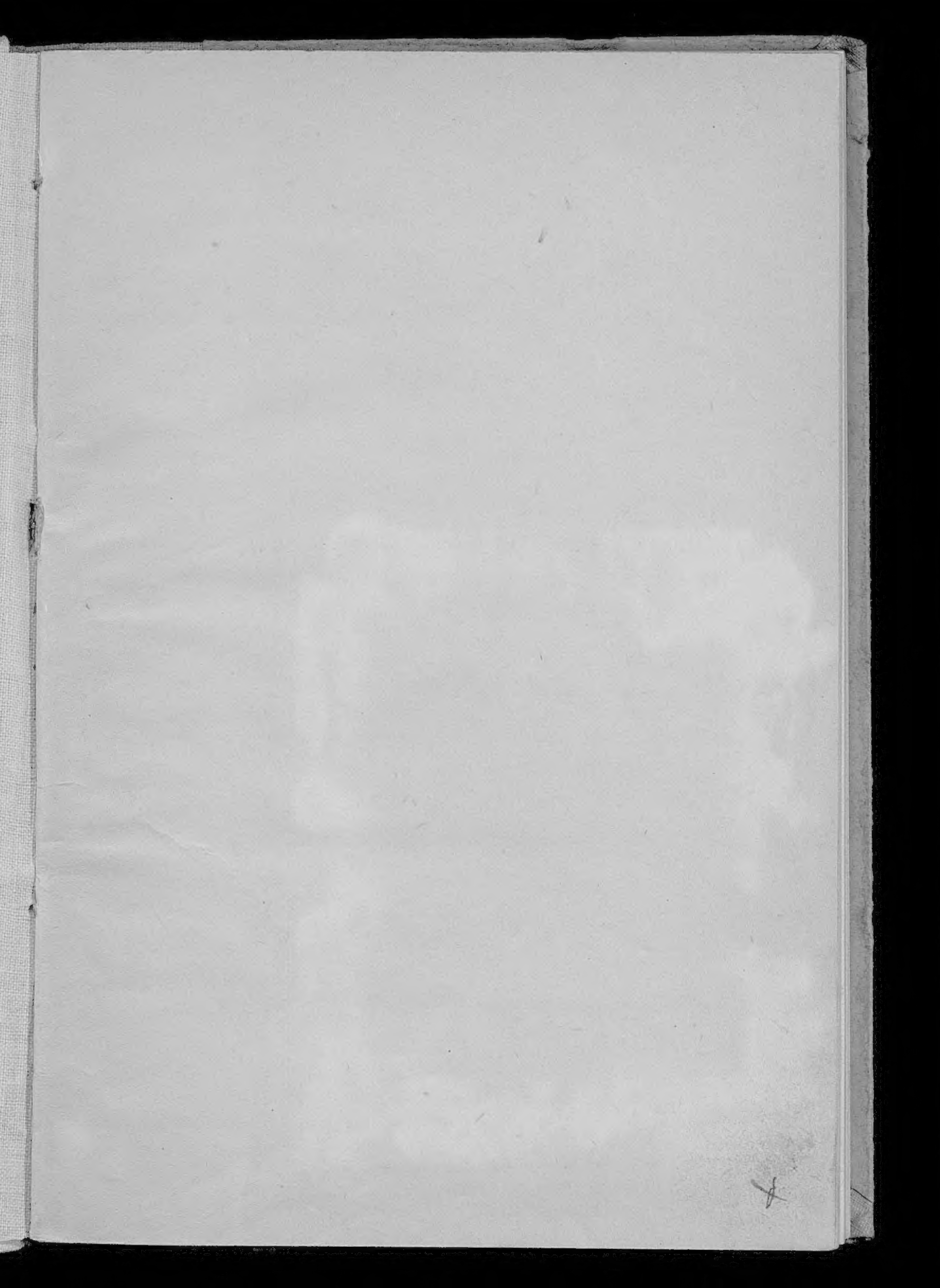
Первов П. Д.

Из истории Геродота

1905



Изъ Исторіи Геродота.

ПЕРСЫ. ЕГИПТЯНЕ. СКИѲІЯ.

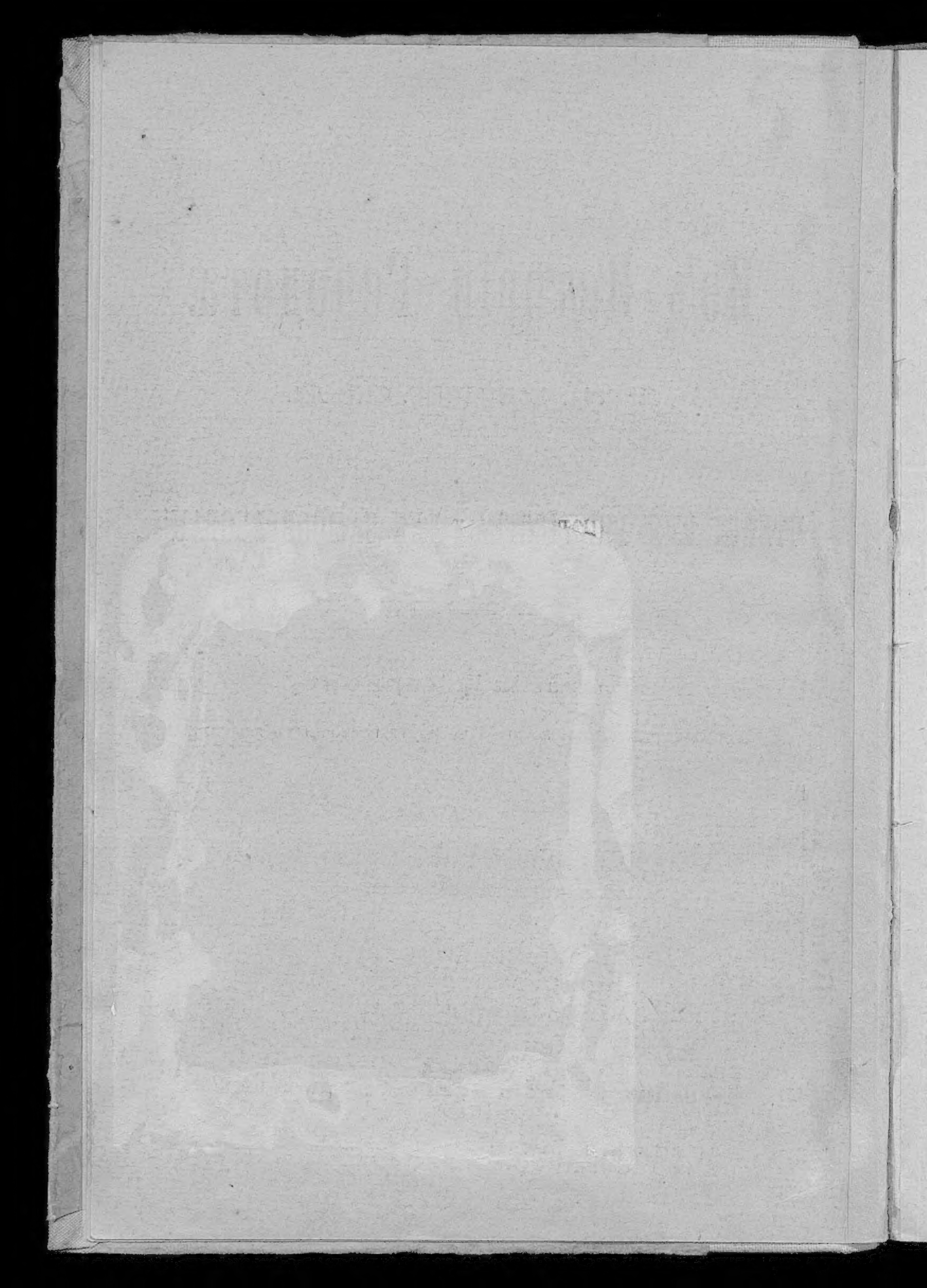
ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА и ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Составилъ **П. Д. Первовъ**,

преподаватель Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.

Цѣна 60 коп.

МОСКВА.
Городская Типографія, Тверская, Козицкій пер., д. Городского Общества
1905.



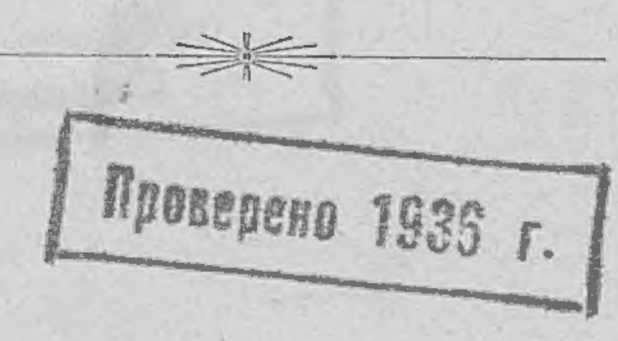
Изъ Исторіи Геродота.

ПЕРСЫ. ЕГИПТЯНЕ. СКИѲІЯ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

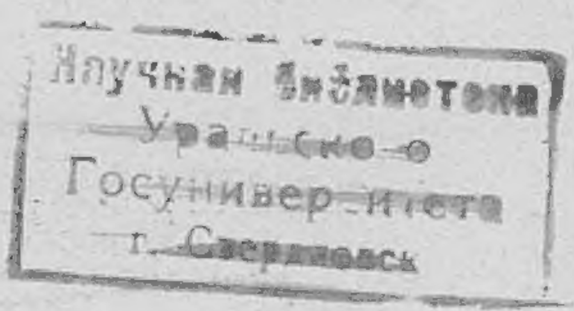
Составилъ **П. Д. Первовъ**,

преподаватель Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.



МОСКВА.
Городская Типографія, Тверская, Козицкій пер., д. Городского Общества.
1905.

Библиотека


Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

О ГЕРОДОТѢ.

I.

Въ юго-западномъ углу малоазійскаго побережья, противъ острова Коса, въ глубинѣ веселой бухты раскинулся небольшой городокъ Будрумъ, съ двумя тысячами жителей, турокъ и грековъ. Зеленѣющіе холмы усѣяны вѣтряными мельницами; всюду группы тутовыхъ деревьевъ и смоковницъ; надъ сплошною зеленью садовъ гордо выступаютъ развѣсистыя верхушки пальмъ; среди плоскихъ крышъ одиноко торчитъ остроконечный минаретъ. Съ южной стороны, на скалистомъ мысу, высится мощная громада полуразвалившагося замка св. Петра, съ нагроможденными другъ на друга массивными башнями и бастіонами. Въ мрачныхъ залахъ замка ютятся десятка два солдатъ турецкаго гарнизона; въ часовнѣ, среди двора его, сложены старые пушечные лафеты. Но было время, когда замокъ этотъ являлся грознымъ оплотомъ рыцарей-крестоносцевъ, державшихъ въ своихъ рукахъ все побережье и смѣло боровшихся съ оттоманской имперіей, пока наконецъ султанъ Солиманъ Великолѣпный не изгналъ іоаннитовъ изъ ихъ послѣдняго убѣжища, сосѣдняго острова Родоса. Мраморныя глыбы, изъ которыхъ сложены мощныя стѣны и башни замка, говорятъ о временахъ, еще болѣе отдаленныхъ. На постройку замка пошли остатки сооруженія, еще болѣе славнаго,—сооруженія, которому много вѣковъ дивился весь древній міръ, которое считалось однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Двѣ тысячи четыреста лѣтъ тому назадъ, по берегамъ очаровательной бухты, гдѣ нынѣ раскинулся жалкій Будрумъ, лежалъ одинъ изъ богатыхъ и многолюдныхъ городовъ древности—Галикарнасъ, эллинская колонія, столица небольшого государства, подвластнаго персидскому царю. Когда Ксерксъ двинулъ свои полчища на Элладу, среди его флота плыла на своихъ

кораблях и отважная Артемизія, царица галикарнасская. Она храбро сражалась въ битвѣ при Саламинѣ, и Ксерксъ, видѣвшій, какъ она потопила непріятельскій корабль, говорилъ про нее: «Мужчины у меня стали женщинами, а женщины мужчинами»! Это было въ 480 г. до Р. Х. Спустя сто съ небольшимъ лѣтъ въ Галикарнасѣ царствовала другая Артемизія, еще болѣе прославившая свой городъ. Она страстно любила своего мужа Мавзола и дивнымъ сооруженіемъ увѣковѣчила его память. Построенный ею на могилѣ мужа памятникъ поражалъ грандіозностью и великолѣпіемъ. Пышные надгробные памятники мы и нынѣ называемъ *мавзолеями*. Въ этомъ нарицательномъ имени увѣковѣчено воспоминаніе о самомъ прекрасномъ и грандіозномъ надгробномъ памятникѣ, какой только былъ извѣстенъ древнему міру. Мавзолей имѣлъ 70 саженъ въ окружности и болѣе 20 саженъ высоты; гигантскія лѣстницы вели на обширную террасу, на которой возвышалось четырехугольное зданіе, украшенное 36 іонійскими колоннами; надъ нимъ поднималась правильными уступами пирамида, увѣнчанная чудной колесницей съ колоссальными статуями Артемизіи и Мавзола. Лучшіе греческіе скульпторы (въ числѣ ихъ Скопасъ) трудились надъ украшеніемъ фронтоновъ, стѣнъ, лѣстницъ; греческое искусство здѣсь соперничало съ восточною роскошью. Послѣ осады Александра Македонскаго Галикарнасъ скоро утратилъ свое значеніе; мавзолей постепенно разрушался временемъ и землетрясеніями, и, когда, въ эпоху крестовыхъ походовъ, сюда явились рыцари-іоанниты, они на мѣстѣ мавзолея нашли уже груды мрамора и камни, которыми и воспользовались для сооруженія своего замка.

Въ этомъ-то городѣ, пережившемъ десятки вѣковъ, въ эпоху его процвѣтанія, за нѣсколько лѣтъ до того времени, когда царица его Артемизія I удивляла и персовъ и эллиновъ своимъ мужествомъ, родился Геродотъ, «отецъ исторіи». Мы очень мало знаемъ о его жизни. Эту участь, впрочемъ, раздѣляютъ съ нимъ почти всѣ великіе писатели и художники древности. Современники не заботились о составленіи біографій; а когда произведенія этихъ писателей дѣлались драгоцѣннымъ достояніемъ общества, когда имена ихъ дѣлались славными, когда комментаторы и грамматики принимались разыскивать преданія и составлять біографіи, тогда было уже поздно: достовѣрныхъ свидѣтельствъ уже не было, преданія уже были изукрашенными или искажен-

ными, приходилось прибѣгать къ догадкамъ и сопоставленіямъ. Біографію Геродота приходится разыскивать у византійскаго писателя, жившаго спустя тысячу четыреста лѣтъ послѣ Геродота. Это нѣкто Свида, жившій около 960 г. по Р. Х. и составившій лексиконъ. Полагаютъ, что онъ пользовался болѣе старинными словарями и комментаріями. Подъ словомъ «Геродотъ» въ словарѣ Свиды читаемъ: «сынъ Ликса и Дріо, галикарнасецъ знатнаго происхожденія; имѣлъ брата Ѳеодора, переселился на Самосъ изъ-за Лигдамида, третьяго послѣ Артемизіи тирана Галикарнаса. Ибо Писинделидъ былъ сынъ Артемизіи, а Лигдамидъ—сынъ Писинделида. На Самосѣ Геродотъ научился іонійскому нарѣчію и написалъ исторію въ девяти книгахъ, начавши ее отъ перса Кира и царя лидійскаго Кандавла. По возвращеніи въ Галикарнасъ и изгнаніи тирана, онъ увидѣлъ, что граждане питаютъ къ нему зависть, и добровольно отправился въ Ѳуріи, гдѣ умеръ и погребенъ на площади. Нѣкоторые утверждаютъ, что Геродотъ умеръ въ Пеллѣ. Повѣствованія его называются «музами». Въ томъ же словарѣ подъ именами «Паніасидъ» и «Гелланикъ» читаемъ, что эпическій поэтъ Паніасидъ, погибшій въ борьбѣ съ тираномъ Лигдамидомъ, приходился Геродоту двоюроднымъ братомъ или дядею по матери и что самъ историкъ нѣкоторое время жилъ при дворѣ македонскаго царя Аминты. Этотъ краткій разсказъ изъ Свиды породилъ огромную ученую литературу. Нѣмецкіе, англійскіе, французскіе ученые издавна начали сличать, спорить, опровергать, доказывать. Въ ученой литературѣ народились, какъ и всегда, двѣ школы: одни—главнымъ образомъ изъ уваженія къ древности—принимаютъ на вѣру все, что очевиднымъ образомъ не опровергнуто; другіе все заподозрѣваютъ, вездѣ видятъ противорѣчія и вымыселъ; наконецъ, третьи держатся золотой середины. Когда принялась за дѣло ученая критика, разсказъ Свиды оказался несостоятельнымъ чуть не во всѣхъ пунктахъ. Мать Геродота называлась Дріо, но тотъ же Свида въ томъ же словарѣ пишетъ: «иные разсказываютъ, что мать Геродота *Ройо* была сестрою Паніасида». «На Самосѣ Геродотъ научился іонійскому нарѣчію», повѣствуетъ Свида,—но и въ самомъ Галикарнасѣ въ V в., какъ доказываютъ сохранившіяся надписи, господствующимъ было нарѣчіе іонійское, такъ какъ большинство поселившихся въ немъ колонистовъ составляли іонійцы изъ Трезена въ Арголидѣ. Геродотъ не

могъ жить при дворѣ Аминты, потому что Аминта I умеръ въ 498 году, до рожденія Геродота. «На Самосѣ» Геродотъ «написалъ исторію въ девяти книгахъ»,—но дѣленіе на девять книгъ, очень искусственное и совершенно не согласующееся съ содержаніемъ, придумано позднѣе александрійскими грамматиками: ни самъ Геродотъ ни ближайшіе къ нему писатели (напр., Павзаній) въ своихъ ссылкахъ не помѣчаютъ этого дѣленія. Не могъ Геродотъ и «написать» всю «Исторію» на островѣ Самосѣ, до переселенія въ Ѳуріи. Въ 444 году аѳинскіе выходцы пустились въ дальнее плаваніе, въ южную Италію, чтобы основать эту колонію около развалинъ древняго Сибариса. Если Геродотъ былъ участникомъ этой экспедиціи, то его «Исторія» не могла быть къ этому времени оконченной, потому что онъ повѣствуетъ въ ней, между прочимъ, и о такихъ событіяхъ, которыя случились значительно позже этого времени. Знакомство автора съ Италіей уже видно въ первыхъ книгахъ «Исторіи», а Плиній, писатель I-го вѣка по Р. X., прямо заявляетъ, что все сочиненіе Геродота было написано въ Ѳуріяхъ. Новѣйшіе ученые съ особеннымъ усердіемъ занялись вопросомъ о времени и мѣстѣ написанія той или иной части повѣствованій Геродота. Съ большимъ остроуміемъ они сопоставляютъ отдѣльныя мѣста «Исторіи» и доказываютъ, что такой-то эпизодъ могъ быть описанъ только тогда-то и въ такомъ-то городѣ. Такимъ-то путемъ берлинскій академикъ Кирхгофъ доказываетъ, напр., что первая часть «Исторіи» (до 120 гл. III книги) написана въ Аѳинахъ, что послѣдующая часть (до половины V книги) написана въ Ѳуріяхъ. Въ V книгѣ историкъ говоритъ о пропилеяхъ въ аѳинскомъ акрополѣ, оконченныхъ въ 432 г. при Периклѣ,— отсюда Кирхгофъ дѣлаетъ заключеніе, что Геродотъ послѣ этого года вторично былъ въ Аѳинахъ. Свида говоритъ, что Геродотъ умеръ въ Ѳуріяхъ, а одинъ позднѣйшій географъ, Стефанъ Византійскій (въ V в. по Р. X.), приводитъ въ своемъ географическомъ словарѣ даже стихотворную эпитафію, которая будто была начертана въ Ѳуріяхъ на гробѣ историка. Кирхгофъ доказываетъ, что послѣднія книги, въ которыхъ Геродотъ затрогиваетъ нѣкоторые эпизоды изъ первыхъ годовъ пелопоннесской войны, могли быть написаны только въ Аѳинахъ; а такъ какъ «Исторія» осталась незаконченною и какъ будто оборванною, то Кирхгофъ приходитъ къ выводу, что Геродотъ и умеръ въ Аѳи-

нахъ, среди работы. Но всѣ подобныя соображенія являются лишь болѣе или менѣе правдоподобными догадками. Сопоставляя мелкіе и разрозненные факты, ученые изслѣдователи дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ дальнѣйшіе выводы; но эти выводы обыкновенно однимъ кажутся убѣдительными, другимъ нѣтъ.

Спорнымъ является и вопросъ о времени рожденія и смерти Геродота. У писателей 1-го вѣка до Р. Х., жившихъ спустя четыре столѣтія послѣ Геродота, встрѣчаемъ указанія, что Геродотъ родился «немного раньше персидскихъ войнъ» (такъ говоритъ Діонисій Галикарнасскій, землякъ Геродота) или «во времена Ксеркса» (свидѣтельство Діодора Сицилійскаго). Одна писательница, жившая еще позже, во времена Нерона, даже прямо опредѣляетъ годъ рожденія, указывая, что въ началѣ пелопоннесской войны Геродоту было 53 года; отсюда выходитъ, что Геродотъ родился въ 484 году. Но и эта точность есть лишь результатъ догадокъ. За отсутствіемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, компиляторы, въ родѣ этой писательницы (имя ея Памфила), составляли хронологію путемъ комбинацій и догадокъ. Былъ извѣстенъ годъ основанія колоніи Ѳуріи; предполагалось, что колонисты покидали родину въ цвѣтущемъ возрастѣ, а цвѣтущій возрастъ — это сорокъ лѣтъ; послѣ этого оставалось только отсчитать назадъ сорокъ лѣтъ. Годъ смерти Геродота опредѣляютъ изъ сопоставленія нѣкоторыхъ событій, упоминаемыхъ Геродотомъ, съ исторіей Ѳукидида, описавшаго пелопоннесскую войну. Геродотъ знаетъ событія, происшедшія, по разсказу Ѳукидида, въ 431 (изгнаніе эгинянъ съ ихъ острова, нападеніе ѳивянъ на Платеи) и 430 году (казнь спартанскихъ пословъ въ Аѳинахъ). Самое позднее событіе, на которое Геродотъ намекаетъ въ своемъ сочиненіи, есть вторженіе пелопоннесцевъ въ Аттику въ 428 году. На основаніи этихъ сопоставленій полагаютъ, что Геродотъ умеръ въ 428 году, не окончивъ своего труда.

Наиболѣе интересной чертой въ біографіи Геродота является преданіе о чтеніи имъ своихъ произведеній на общеэллинскомъ празднествѣ въ Олимпіи, а также въ Аѳинахъ, Коринѳѣ, Ѳивахъ. Лукіанъ Самосатскій, писатель II в. по Р. Х., разсказываетъ, что Геродотъ прочиталъ свое произведеніе въ Олимпіи, на площадкѣ храма, передъ многочисленными слушателями, собравшимися со всей Эллады, и что восхищенные слушатели наименовали девять книгъ «Исто-

ріи» именами музъ. Но этотъ разсказъ Лукіана не внушаетъ никакого довѣрія новѣйшимъ изслѣдователямъ. Они указываютъ, что дѣленіе «Исторіи» на девять книгъ установлено очень поздно, александрійскими грамматиками, что сочиненіе Геродота, непріятно затрогивающее нѣкоторыя эллинскія государства, не могло нравиться всѣмъ эллинамъ, что немыслимо было читать во время праздпества передъ массою публики такое огромное сочиненіе, что обычай читать на олимпійскихъ играхъ историческія сочиненія явился лишь нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Геродота и т. д. Въ хроникѣ Евсевія, христіанскаго писателя первой половины IV в., жившаго, значитъ, семь вѣковъ спустя послѣ Геродота, говорится, что Геродотъ читалъ свои книги въ Аѳинахъ, «въ совѣтѣ», и былъ удостоенъ за это почестей. Новѣйшіе изслѣдователи по нѣкоторымъ соображеніямъ не довѣряютъ и этому извѣстію, равно какъ еще менѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ о чтеніи исторіи въ Коринѳѣ и Ѳивахъ. Изслѣдователи приходятъ къ выводу, что Геродотъ могъ читать отрывки изъ своихъ исторій въ кругу близкихъ людей—и только.

Другимъ важнымъ вопросомъ въ біографіи Геродота является вопросъ о его путешествіяхъ. Здѣсь источникомъ нашихъ свѣдѣній служатъ уже не другіе древніе писатели, упоминавшіе о Геродотѣ, а самъ Геродотъ и его собственное сочиненіе. Правда, и здѣсь біографъ не всегда можетъ чувствовать твердую почву подъ ногами. Геродотъ часто употребляетъ выраженія: «мнѣ говорили», «говорятъ», «я слышалъ», «говорятъ сами туземцы» и т. д.; но было бы ошибочно и рискованно на основаніи подобныхъ выраженій заключать, что Геродотъ лично посѣтилъ описываемыя мѣстности, лично слышалъ разсказы туземцевъ и т. д. Но и за исключеніемъ подобныхъ сомнительныхъ мѣстъ, можно указать массу мѣстностей, несомнѣнно посѣщенныхъ Геродотомъ. Такъ прежде всего онъ хорошо былъ знакомъ со всѣмъ побережьемъ Малой Азіи. Онъ, несомнѣнно, обошелъ большинство городовъ Эллады, посѣтилъ многіе острова Эгейскаго моря, лично ознакомился съ различными мѣстностями Южной Италіи. Изъ Эллады онъ предпринялъ длинное путешествіе на сѣверъ, черезъ Македонію и Ѳракію, на сѣверное побережье Чернаго моря, въ страну скиѳовъ. Македонію историкъ посѣтилъ въ царствованіе Александра I, который умеръ въ 454 году. Особенно богато результатами

было путешествіе Геродота въ Египетъ. Онъ далъ самое точное описаніе этой страны, ея городовъ, произведеній, нравовъ, обычаевъ и религіи. Здѣсь онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, вверхъ по Нилу, и достигъ южныхъ предѣловъ Верхняго Египта, острова Элефантины. Съ величайшею любознательностью онъ разспрашивалъ обо всемъ жителей и преимущественно египетскихъ жрецовъ, которые больше всего могли сообщить ему свѣдѣній о религіи и исторіи Египта. На западѣ онъ проникалъ до Кирены, гдѣ разузнавалъ о Ливіи и ея жителяхъ. Между прочимъ, въ Египтѣ Геродотъ узналъ, что тамъ почитаютъ Геракла, который, по разсказамъ жрецовъ, родился за семнадцать тысячъ лѣтъ до воцаренія въ Египтѣ Амазиса. Геродота заинтересовалъ вопросъ о происхожденіи культа этого божества. «Желая добыть на этотъ счетъ болѣе точныя свѣдѣнія», говоритъ онъ, «я поплылъ въ Финикію, въ Тиръ, такъ какъ узналъ, что тамъ есть почитаемый всѣми храмъ Геракла». Въ Тирѣ жрецы сказали Геродоту, что храмъ Геракла сооруженъ въ эпоху основанія самаго города, за двѣ тысячи триста лѣтъ тому назадъ. Въ томъ же Тирѣ историкъ увидѣлъ другой храмъ Геракла,—этотъ Гераклъ назывался ѳазосскимъ. Чтобы изслѣдовать еще глубже вопросъ, Геродотъ посѣтилъ и островъ Ѳазосъ, гдѣ и нашелъ храмъ Геракла, сооруженный финикійскими колонистами. Такова была любознательность Геродота, заставлявшая его путешествовать изъ края въ край въ поискахъ за достовѣрными свѣдѣніями. На востокѣ Геродотъ посѣтилъ Вавилонъ и Ассирію. На основаніи собранныхъ въ Ассиріи матеріаловъ онъ хотѣлъ даже написать особую исторію Ассиріи, какъ объ этомъ онъ самъ говоритъ; намѣреніе, впрочемъ, осталось неисполненнымъ. Наконецъ, Геродотъ предпринялъ путешествіе и на южный берегъ Чернаго моря; здѣсь къ востоку онъ дошелъ до Колхиды, гдѣ получилъ свѣдѣнія о Каспійскомъ морѣ. Обширныя путешествія Геродота многому его научили, внушили духъ терпимости къ иноземцамъ и дали возможность обнять въ своей «Исторіи» почти весь извѣстный въ то время міръ.

II.

Цицеронъ назвалъ Геродота отцомъ исторіи. И дѣйствительно, во всей всемірной литературѣ, до насъ дошедшей,

Геродотъ первый по времени историческій писатель, который обладаетъ всѣми свойствами, отличающими историка отъ простого лѣтописца; онъ проводитъ черезъ все сочиненіе руководящую мысль, излагаетъ событія съ критической оцѣнкой, наблюдаетъ между событіями связь и руководствуется методомъ. До него исторія была лишь поэтическимъ сказаніемъ или лѣтописью. О древнѣйшихъ эпохахъ своей исторіи, о древнихъ войнахъ и герояхъ эллины узнавали изъ поэмъ Гомера, изъ эпическихъ сказаній кикликовъ, продолжавшихъ и дополнявшихъ Гомера. Съ VI лишь вѣка началась у эллиновъ проза, и первыми прозаическими писателями были лѣтописцы-логографы. Матеріалъ свой они брали изъ тѣхъ же эпическихъ сказаній, которыя они приводили въ хронологическій порядокъ. Они еще не умѣли подвергать его критической обработкѣ, не умѣли мирить противорѣчія въ сказаніяхъ и съ наивной вѣрой выдавали за факты вымыслы поэзіи. Обыкновенно логографы собирали всѣ сказанія, относящіяся къ одному какому нибудь городу или мѣсту, и, внося въ нихъ хронологическій порядокъ, составляли родословную мѣстныхъ героевъ съ изложеніемъ ихъ похожденій и подвиговъ. Всѣ логографы писали на іонійскомъ нарѣчіи, на которомъ писалъ потомъ и Геродотъ. Только на этомъ нарѣчіи и были пока прозаическія сочиненія От этихъ логографовъ до насъ дошли только имена и небольшіе отрывки. Первые логографы были уроженцами Милета и милетскихъ колоній. Первый логографъ Кадмъ, жившій въ VI в., написалъ миѳическую исторію основанія своего родного города, до насъ не дошедшую. Другой уроженецъ Милета, Гекатей, составилъ нѣсколько родословныхъ и написалъ сочиненіе «Вокругъ земли». Ферекидъ собралъ сказанія изъ исторіи Аттики и составилъ родословную аѳинскихъ героевъ; Харонъ составилъ лѣтопись своего родного города Лампсака, милетской колоніи. Такія же родословныя и лѣтописи составлялъ Гелланикъ, уроженецъ Митилены на островѣ Лесбосѣ и современникъ Геродота Онъ составилъ, между прочимъ, списокъ жрицъ, бывшихъ при храмѣ Геры въ Аргосѣ, съ краткими замѣтками о современныхъ имъ аргосскихъ событіяхъ. Логографы мало-по-малу вырабатывали историческій стиль и этимъ подготовили появленіе «Исторіи» Геродота. Геродотъ далеко оставилъ за собою логографовъ. Его кругозоръ неизмѣримо шире; онъ ознакомился съ огромной массой памятниковъ вещественныхъ и письмен-

ныхъ, узналъ множество устныхъ сказаній, разыскалъ много участниковъ и свидѣтелей описываемыхъ событій. Онъ внесъ критическую оцѣнку въ событія. Оцѣнка эта не могла быть строго научной, потому что науки тогда еще не было, но она опиралась на вѣрное сужденіе. Онъ провѣрялъ по возможности каждое свѣдѣніе и стремился вездѣ быть не только правдивымъ, но и точнымъ. Онъ всюду находитъ внутреннюю связь между событіями: факты у него идутъ не въ прихотливомъ безпорядкѣ, а вытекаютъ одни изъ другихъ; одни являются причиной, другіе слѣдствіемъ. Въ изложеніе событій онъ всюду вноситъ анализъ и разсужденіе. Онъ хорошо понимаетъ причины людскихъ удачъ и неудачъ, видитъ вліяніе нравовъ и обычаевъ на людскія учрежденія. Критически освѣщая событія и связывая ихъ въ живомъ разсказѣ, онъ умѣетъ быть поучительнымъ и занимательнымъ.

Источники, изъ которыхъ добывалъ Геродотъ свѣдѣнія, были очень разнообразны. Онъ шелъ различными путями къ истинѣ. Первый путь, наиболѣе достовѣрный,—это личныя наблюденія; второй по степени достовѣрности путь—это соображеніе и умозаключеніе; третій путь—разспросы, четвертый- слухи. Геродотъ лично осматривалъ города, храмы, памятники, разспрашивалъ туземцевъ, жрецовъ и переводчиковъ, лично измѣрялъ объемъ сооруженій и камней, собиралъ всюду преданія, наблюдалъ обычаи и учрежденія, бесѣдовалъ съ очевидцами мѣстностей и событій, разыскивалъ потомковъ прославившихся личностей, читалъ надписи, изучалъ съ помощью переводчиковъ персидскихъ и финикійскихъ писателей, собиралъ оракулы, пользовался ходившими по рукамъ сборниками такихъ оракуловъ, извлекалъ нужныя свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ записей, въ родѣ списка спартанскихъ царей, пользовался трудами своихъ предшественниковъ—эллинскихъ поэтовъ, лѣтописцевъ (особенно Гекатея) и географовъ. Изложеніе свое онъ разнообразитъ діалогами дѣйствующихъ лицъ; рѣчи эти, въ которыхъ отражается не персидское или лидійское міросозерцаніе, а чисто-эллинское, т. е. міросозерцаніе самого автора, выдуманы, но тогда было въ обычаѣ оживлять и разнообразить историческій разсказъ рѣчами дѣйствующихъ въ немъ лицъ.

Мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы стали мѣрить истину, добытую Геродотомъ, во всѣхъ случаяхъ на свой аршинъ. Чтобы правильно понимать тѣ страницы исторіи, гдѣ съ фактами перемѣшанъ вымыселъ, гдѣ къ исторіи при-

мѣшивается миѳологія, чтобы составить справедливое сужденіе о степени достовѣрности историка, мы должны перенестись въ ту эпоху и оцѣнивать исторію съ точки зрѣнія тогдашняго эллинскаго міросозерцанія. Геродотъ былъ человѣкомъ глубоко вѣрующимъ. Многое, что теперь намъ является басней и легендой, въ то время признавалось всѣми не только за правду, но и за священное преданіе. Чѣмъ больше историкъ углублялся въ сѣдую древность, изображая судьбы царствъ и народовъ, тѣмъ больше онъ встрѣчалъ легендарныхъ сказаній. Этимъ сказаніямъ всѣ вѣрили: въ нихъ дѣйствовали боги и герои; и Геродотъ, какъ сынъ своего вѣка, какъ человѣкъ религіозный, могъ только довѣрять этимъ сказаніямъ, а не провѣрять ихъ. Гдѣ онъ говоритъ о судьбахъ людей, о дѣлахъ рукъ человѣческихъ, тамъ онъ анализируетъ, разсуждаетъ, сравниваетъ, отвергаетъ неправдоподобное, дѣлаетъ выводы и заключенія. Гдѣ же дѣло касается боговъ и ихъ таинственнаго дѣйствія на міръ, тамъ историкъ только вѣруетъ. На нашъ взглядъ онъ перестаетъ здѣсь быть историкомъ; но для того вѣка, для эллинскаго міросозерцанія Геродотъ и въ этихъ случаяхъ оставался правдивымъ историкомъ, повѣствующимъ о томъ, что дѣйствительно было. Чудеса и невѣроятности въ этихъ древнихъ сказаніяхъ всѣми принимались за истину; то же думалъ и историкъ, искавшій вездѣ въ остальныхъ случаяхъ одной правды. Въ «Исторіи» Геродота мы встрѣчаемъ десятки именъ, которыя обыкновенно фигурируютъ въ эллинскихъ миѳахъ, въ произведеніяхъ Гомера и кикликовъ. По мѣрѣ углубленія въ древность, за царями у него слѣдуютъ герои, за героями боги. Спартанскіе цари восходятъ къ Кадму и Данаѣ, лидійскіе цари къ Гераклу; отъ Семелы, матери бога Діониса, Геродотъ насчитываетъ до своего времени 1600 лѣтъ; финикіяне у него заселяютъ островъ Ѳазосъ за пять поколѣній до рожденія въ Элладѣ Геракла, и т. д. Троянская война, похищеніе Іо, Европы, походъ аргонавтовъ, осада Ѳивъ семью героями, вторженіе въ Аттику амазонокъ,—все это для Геродота такія же подлинныя событія, какъ и посѣщеніе Креза Солономъ или походъ Кира на массагетовъ. При встрѣчѣ двухъ противорѣчивыхъ легендъ Геродотъ дѣлаетъ сравнительную оцѣнку ихъ и склоняется на сторону той, гдѣ находитъ больше правдоподобія. Таковы, напр., сказанія о Еленѣ. Геродотъ знаетъ о судьбѣ Елены изъ Гомера; но въ то же время онъ слышалъ отъ

египетскихъ жрецовъ, что во время троянской войны Елена скрывалась въ Египтѣ, и эллины напрасно, значитъ, требовали у троянъ выдачи ея. Цѣлую страницу посвящаетъ Геродотъ доказательствамъ, что Пріамъ, Парисъ и трояне ни въ какомъ случаѣ не стали бы подвергать родину опасности изъ-за одной женщины и, если бы Елена была въ Троѣ, выдали бы ее. Подобнымъ же образомъ Геродотъ хочетъ примирить, напр., два преданія о происхожденіи додонскаго прорицалища. Въ Додонѣ Геродотъ слышалъ, будто когда-то прилетѣла туда изъ египетскихъ Ѳивъ голубка и, сѣвши на дубъ, заговорила человѣческимъ голосомъ, совѣтуя учредить на этомъ мѣстѣ прорицалище. Геродотъ навелъ справки у ѳивскихъ жрецовъ. Тѣ ему разсказали, что всѣ прорицалища ведутъ свое начало отъ двухъ египетскихъ жрицъ, которыхъ нѣкогда увезли финикійскіе купцы въ Ливію и Элладу. Геродотъ пытается примирить эти преданія и разсуждаетъ такъ: египетскій языкъ жрицы казался додонянамъ чѣмъ-то непонятнымъ, въ родѣ языка птичьяго; потомъ жрица научилась туземному языку,—отсюда преданіе, что голубка заговорила по человѣчьи. Иногда Геродотъ не вѣритъ легендѣ. Это бываетъ, когда онъ имѣетъ дѣло съ мало правдоподобной иноземной легендой, т. е. съ такою, которая не входитъ въ кругъ его собственныхъ вѣрованій. Такъ онъ не вѣритъ разсказамъ о фениксѣ, о происхожденіи скиѳовъ отъ Зевса, о превращеніи людей въ волковъ у невровъ, о посѣщеніи преисподней египетскимъ царемъ Рампсинитомъ, о попыткѣ египтянъ принести Геракла въ жертву, о томъ, какъ египетскія статуи пали на колѣни передъ пришельцами—аѳинянами, и т. д.

Вся «Исторія» Геродота проникнута глубокою религіозностью. Передъ глазами историка пестрымъ калейдоскопомъ проходятъ люди и событія, но за всѣми этими треволненіями жизни, за всей этой суетой онъ видитъ руку Промысла. Человѣкъ свободенъ, цари по собственному почину затѣваютъ походы и войны, каждое событіе вызывается той или иной причиной, но первой причиной во всемъ и вездѣ является Божество, управляющее судьбами людей и царствъ. Многими способами боги проявляютъ свое дѣйствіе на міръ. Они въ сновидѣніяхъ внушаютъ людямъ планы, они объявляютъ свою волю въ оракулахъ и знаменіяхъ, они творятъ чудеса, для того чтобы вразумить людей; наконецъ, они и своимъ личнымъ присутствіемъ воодушевляютъ и поощряютъ

людей. Голосъ Аѳины слышался во время Саламинской битвы, Деметра помогала эллинамъ въ битвѣ при Платеяхъ, Креза избавилъ отъ смерти Аполлонъ, аѳинскому гонцу, спѣшившему въ Спарту за помощью, являлся въ лѣсу Панъ, и т. д. Геродотъ разсказываетъ цѣлый рядъ сновъ, которые видѣли Крезъ, Киръ, Астіагъ, Сеѳосъ, Датисъ, Ксерксъ и т. д. Сонъ, по понятію эллина, это таинственное общеніе человѣка съ богомъ, который такимъ путемъ предрекаетъ человѣку будущее и направляетъ его дѣйствія. Геродотъ разсказываетъ много чудесъ: у жрицы Аѳины передъ всякой большой бѣдой, грозящей городу, выростаетъ борода; въ храмѣ Геры въ Аргосѣ изъ груди статуи сверкнуло пламя, предупреждавшее, чтобы Клеоменъ не бралъ города; жена спартанскаго царя Аристона въ дѣтствѣ изъ безобразной вдругъ сдѣлалась очень красивой, и это чудо совершилось въ святилищѣ Елены по молитвѣ кормилицы, и т. д. Особенно часто боги предупреждаютъ людей съ помощью рѣдкихъ и грозныхъ явленій природы, каковы землетрясенія, затменія, засухи, бури, молніи и т. д. Съ особеннымъ благоговѣніемъ Геродотъ относится къ оракуламъ. Люди и народы должны неуклонно повиноваться волѣ боговъ, выражаемой въ оракулахъ, если не хотятъ нажить себѣ бѣдъ. Особенно ярко выражается религіозность историка въ представленіи о возмездіи боговъ за преступленія и пороки людей. «За тяжкими обидами слѣдуютъ отъ боговъ и тяжкія кары», говоритъ историкъ Это вѣрованіе оправдывается у него множествомъ примѣровъ, поучительныхъ для читателя. Камбизъ умираетъ отъ того меча, которымъ онъ поразилъ священнаго быка аписа; аѳиняне должны понести наказаніе за умерщвленіе персидскихъ глашатаевъ; Крезъ терпѣлъ за преступленіе его предка; жители Аполлоніи наказаны голодомъ за несправедливое ослѣпленіе пастуха, не умѣвшаго уберечь овецъ; за преступленіе спартанца Главка, пытавшагося поживиться чужимъ добромъ, погибло все его потомство, и т. д. Божество караетъ не только за преступленія, но и за гордость, кичливость, самомнѣніе; оно нарушаетъ покой счастливца, который среди благъ забываетъ о своемъ ничтожествѣ по сравненію съ божествомъ. Это представленіе о зависти боговъ къ излишнему людскому счастью составляло одну изъ особенностей эллинскаго міросозерцанія, такъ рѣзко въ этомъ случаѣ отличающагося отъ христіанскихъ понятій о Божествѣ. Судьба Креза, Поликрата, Ксеркса

и другихъ служитъ нагляднымъ подтвержденіемъ этого древняго вѣрованія. Другою особенностью эллинскаго міросозерцанія, раздѣляемаго и Геродотомъ, является вѣра въ непреложность опредѣленій судьбы. По понятіямъ эллиновъ, неизмѣнная и неумолимая власть Судьбы стояла выше даже воли боговъ. Судьба—это законъ природы, управляющій вещами, и воля боговъ должна быть съ нею въ согласіи.

Разсказы Геродота часто проникнуты глубокой нравственной идеей. Говоритъ ли онъ объ эллинахъ или о варварахъ, онъ никогда не забываетъ высшаго закона правды. Справедливое и честное вездѣ у него заслуживаетъ похвалу. Знакомство съ многими странами и народами сдѣлало его безпристрастнымъ и терпимымъ: онъ умѣетъ оцѣнить хорошее всюду, гдѣ бы оно ни встрѣчалось. Его симпатіи на сторонѣ аѳинянъ, но это потому, что они оказались героями и спасли отъ персовъ Элладу. Правдиво и безпристрастно оцѣниваетъ историкъ событія. Онъ не скрываетъ недостатковъ самихъ эллиновъ; хорошій варварскій обычай онъ часто предпочитаетъ эллинскому. Тонъ его разсказа совершенно ровный и спокойный; изложеніе простое, лишенное всякихъ прикрасъ и внѣшнихъ эффектовъ.

Научныя свѣдѣнія Геродота стоятъ конечно на уровнѣ вѣка. Съ нашей точки зрѣнія многія его свѣдѣнія оказываются ошибочными; но тогда всѣ, даже самые образованные люди такъ думали. Геродотъ даетъ намъ столько, сколько тогда люди знали. Земля, напр., по его представленію, есть плоскость, на которую опирается небесный сводъ; лѣтомъ солнце, совершая свой ежедневный путь, пересѣкаетъ небесную твердь какъ разъ пополамъ; зимой подъ вліяніемъ холодовъ оно уклоняется отъ этой дороги къ югу, и т. д. Онъ разсказываетъ объ индійскихъ муравьяхъ, которые ростомъ съ собаку, о львицахъ, которыя рождаютъ разъ во всю свою жизнь, о народѣ, не имѣющемъ языка и шипящемъ, какъ летучая мышь, о другомъ народѣ, который никогда не видитъ сновъ, о кошкахъ, кидающихся при пожарѣ прямо въ огонь, и т. д.

Руководящей идеей историка служитъ желаніе изобразить великую и славную борьбу Эллады съ Азіей. Излагая эту достопамятную борьбу, онъ сумѣлъ въ своемъ сочиненіи обнять исторію всѣхъ народовъ, извѣстныхъ въ то время эллинамъ. «Исторія» Геродота есть первый въ свѣтѣ опытъ всеобщей исторіи. Поставивъ себѣ задачей изложить борьбу

эллиновъ съ персами, историкъ начинаетъ съ указанія отдаленнѣйшихъ причинъ и поводовъ вражды между Европой и Азіей. Онъ разсказываетъ преданія объ Іо и Европѣ, о троянской войнѣ и о лидійскомъ царѣ Крезѣ, который первый покорилъ малоазійскихъ эллиновъ. Заговоривъ о Крезѣ, онъ считаетъ нужнымъ изложить и прежнюю исторію лидійскаго царства. Паденіе лидійскаго царства, разрушеннаго персами, даетъ историку поводъ перейти къ исторіи постепеннаго возвышенія персидскаго царства. Возвышеніе это началось съ момента сверженія мидійскаго ига,— такимъ образомъ историку пришлось заняться и исторіей Мидіи. Разрушивъ лидійское царство, Киръ предпринялъ походы на западъ для покоренія малоазійскихъ эллиновъ и на юговостокъ для покоренія Ассиріи и Вавилоніи. Пользуясь этимъ случаемъ, Геродотъ кратко знакомитъ насъ съ малоазійскими эллинами, съ Ассиріей и Вавилономъ. Разсказомъ о гибели Кира во время похода на массагетовъ заканчивается первая книга. Вторая книга начинается разсказомъ о преемникѣ Кира Камбизѣ, который довершилъ завоеванія отца своего присоединеніемъ Египта. Намѣтивъ нить разсказа, Геродотъ почти всю вторую книгу посвящаетъ подробному описанію Египта. Въ третьей книгѣ разсказывается о самомъ завоеваніи Египта, о смерти завоевателя, о воцареніи лже-Смердиса и потомъ Дарія, объ административныхъ реформахъ послѣдняго и о подавленіи возстаній, сопровождавшихъ вступленіе его на престолъ. Дарій задумалъ походъ на скиѳовъ. Это даетъ поводъ историку посвятить большую часть четвертой книги описанію скиѳовъ и сѣвернаго побережья Чернаго моря. Въ концѣ этой же книги описываются народы сѣвернаго побережья Африки, такъ какъ персы предприняли изъ покореннаго Египта походъ и въ эти мѣстности. Первыя четыре книги подготовляютъ, такъ сказать, почву для главнаго разсказа, занимающаго остальныя книги. Въ этихъ четырехъ книгахъ историкъ знакомитъ съ прошлымъ и настоящимъ врага Эллады, съ учрежденіями, нравами и планами варваровъ. Въ пятой книгѣ идетъ рѣчь о первыхъ завоеваніяхъ персовъ въ Европѣ,—о покореніи Ѳракіи и Македоніи, и затѣмъ о возстаніи малоазійскихъ эллиновъ, послужившемъ поводомъ къ нашествію варваровъ на Элладу. Въ шестой книгѣ разсказывается, какъ возстаніе эллиновъ было подавлено и какъ Дарій пытался поработить Элладу. Въ трехъ послѣднихъ

книгахъ разсказывается о походѣ Ксеркса и о геройской борьбѣ съ нимъ эллиновъ. Послѣднее событіе, разсказанное Геродотомъ,—это взятіе Сеста въ 478 году,—такимъ образомъ изложеніе не доведено до конца этой славной борьбы, которымъ обыкновенно считаютъ Кимоновъ миръ, заключенный въ 466 году.

I. Лидяне и персы.

Исторія Креза. По смерти Аліатта въ Лидіи воцарился сынъ его Крезъ, на тридцать пятомъ году жизни. Съ теченіемъ времени Крезомъ были покорены почти всѣ народы, живущіе по сю сторону рѣки Галиса [1]). Когда эти народы были подчинены и присоединены къ Лидіи, въ цвѣтущія и богатыя Сарды стали заходить изъ Эллады всякаго рода мудрецы, жившіе въ ту пору и навѣщавшіе страну. Въ числѣ ихъ былъ и аѳинянинъ Солонъ [2]), который, составивъ по порученію аѳинянъ законы для нихъ, десять лѣтъ потомъ былъ въ отлучкѣ, путешествуя подъ предлогомъ любознательности, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы его не вынудили отмѣнить тотъ или иной изданный имъ законъ. Сами аѳиняне не могли этого сдѣлать, такъ какъ они обязались великими клятвами десять лѣтъ соблюдать законы, которые дастъ имъ Солонъ

Итакъ, покинувъ ради этого родину, Солонъ посѣтилъ, между прочимъ, Амазиса въ Египтѣ и Креза въ Сардахъ. Послѣдній радушно принялъ его въ своемъ дворцѣ. На третій или четвертый день слуги, по повелѣнію Креза, повели

---

[1]) Лидійское царство при Крезѣ занимало такимъ образомъ западную половину малоазійскаго полуострова, отъ побережья Эгейскаго моря до рѣки Галиса, впадающей въ Черное море.

[2]) Посѣщеніе Креза Солономъ новѣйшіе ученые считаютъ легендой, выдуманной греками. Многочисленныя завоеванія быстро возвысили лидійское царство; счастливый, богатый и щедрый Крезъ возбуждалъ удивленіе современниковъ. Внезапное же паденіе лидійскаго царства привело въ ужасъ грековъ, и Крезъ сдѣлался для нихъ самымъ поразительнымъ примѣромъ бренности всего земного; съ тѣхъ поръ жизнь его стала для ихъ воображенія неисчерпаемой темой при созданіи легендъ и поучительныхъ разсказовъ. Ученые указываютъ, что, разъ законодательная дѣятельность Солона приходится на 594 г., то путешествіе его, значитъ, падаетъ на 593—583 гг., а межъ тѣмъ Крезъ вступилъ на престолъ лишь въ 570 г., т. е. 13 лѣтъ спустя послѣ возвращенія Солона изъ путешествія.

Солона по сокровищницамъ и показывали ему всѣ великія богатства царя. Когда тотъ увидѣлъ все и разсмотрѣлъ, насколько могъ, Крезъ обратился къ нему съ такими словами: «Гость аѳинскій! и до насъ дошла громкая молва о тебѣ—о твоей мудрости и путешествіяхъ: много земли ты исходилъ изъ любознательности, какъ философъ. И вотъ мнѣ пришло на умъ спросить тебя: удалось ли тебѣ видѣть счастливѣйшаго изъ людей?» Крезъ задалъ этотъ вопросъ въ увѣренности, что счастливѣйшій изъ людей это онъ самъ. Солонъ, ничего не подозрѣвая, отвѣтилъ ему по совѣсти: «Да, царь. Это аѳинянинъ Теллъ». Изумленный отвѣтомъ, Крезъ съ живостью спросилъ: «Почему же Телла ты считаешь счастливѣйшимъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Во-первыхъ, будучи гражданиномъ цвѣтущаго города, Теллъ имѣлъ прекрасныхъ и добродѣтельныхъ дѣтей и видѣлъ, какъ родились его внуки, всѣ оставшіеся въ живыхъ; во-вторыхъ, обладая достаточными, на нашу мѣрку, средствами, онъ имѣлъ славный конецъ жизни. Въ битвѣ аѳинянъ съ сосѣдями при Элевсинѣ онъ помогъ согражданамъ обратить въ бѣгство врага и умеръ прекрасною смертью; аѳиняне похоронили его на общественной счетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и воздали ему великія почести».

Этотъ разсказъ о великомъ счастьѣ Телла возбудилъ вниманіе Креза. Онъ спросилъ, кого Солонъ видѣлъ вторымъ послѣ Телла счастливцемъ, будучи увѣренъ, что самъ онъ занимаетъ, по меньшей мѣрѣ, второе мѣсто.—«Клеобиса и Битона», отвѣчалъ Солонъ: «у этихъ аргивянъ были достаточныя средства къ жизни и, кромѣ того, такая физическая сила, что они оба въ равной степени вышли побѣдителями на состязаніи. Объ нихъ разсказываютъ такую исторію. Разъ на праздникѣ Геры въ Аргосѣ мать ихъ обязательно должна была ѣхать въ храмъ на повозкѣ, а быки не подоспѣли съ поля во-время. Видя, что время не терпитъ, юноши сами впряглись въ ярмо и повезли повозку, на которой сидѣла ихъ мать. Сорокъ пять стадій [1]) пришлось имъ проѣхать до храма. Совершивъ этотъ подвигъ на глазахъ всего собранія, они наилучшимъ образомъ окончили свои дни: божество показало на нихъ, что человѣку лучше умереть, нежели жить. Столпившіеся кругомъ аргивяне восхваляли силу юношей; аргивянки прославляли мать за то, что

[1]) Стадій = 74 саж.; 45 стадій—это около $6\frac{1}{2}$ верстъ.

у ней такія дѣти. Мать же, восхищенная подвигомъ и похвалами, ставши передъ статуей, молила богиню послать ея дѣтямъ, Клеобису и Битону, наилучшій для человѣка удѣлъ зато, что они такъ почтили мать. Послѣ этой молитвы юноши, принявши участіе въ жертвоприношеніи и трапезѣ, заснули въ самомъ храмѣ и уже не вставали: таковъ былъ конецъ ихъ жизни. Аргивяне заказали ихъ статуи и пожертвовали въ Дельфы, считая этихъ юношей достойнѣйшими людьми».

Такимъ образомъ Солонъ удѣлилъ этимъ юношамъ второе мѣсто въ ряду счастливцевъ. Крезъ съ досадой спросилъ: «Любезный аѳинянинъ! а мое счастье неужели ты ставишь ни во что? ты не сравнялъ меня даже съ простыми людьми». Солонъ отвѣчалъ: «Крезъ! ты спрашиваешь о людской судьбѣ у человѣка, который знаетъ, что всякое божество завистливо и безпокойно. Многое приходится увидѣть на своемъ вѣку, чего не хотѣлъ бы видѣть; многое приходится испытать. Семьдесятъ лѣтъ я кладу предѣломъ жизни для человѣка; 26,250 дней въ этихъ семидесяти годахъ [1]), а ни одинъ день не приноситъ съ собой совершенно тѣхъ же событій, какъ и другой. Такимъ образомъ все въ человѣкѣ—случайность. Ты, Крезъ, очевидно, очень богатъ, ты—царь многихъ народовъ. Но на твой вопросъ я отвѣчу не прежде, чѣмъ узнаю, что ты хорошо окончилъ свой вѣкъ. Великій богачъ не счастливѣе бѣдняка, живущаго со дня на день, если ему не суждено, при всѣхъ его благахъ, хорошо окончить жизнь. Многіе очень богатые несчастны, многіе люди съ среднимъ достаткомъ счастливы. Великій богачъ, не пользующійся счастьемъ, въ двухъ только отношеніяхъ стоитъ выше счастливца, а послѣдній превосходитъ перваго во многомъ. У перваго больше возможности удовлетворить страсть и перенести большую потерю, съ нимъ приключившуюся; второй не можетъ такъ легко удовлетворять страсти и переносить потери, какъ первый, но зато самое счастье ограждаетъ его отъ всего этого, зато онъ владѣетъ всѣми членами, не знаетъ болѣзней, не видалъ горя, счастливъ дѣтьми, благообразенъ.

[1]) Лунный годъ по солоновской системѣ, которой держались аѳиняне, составлялъ 354 дня; для уравненія его съ солнечнымъ годомъ черезъ каждые 8 лѣтъ добавлялись три вставныхъ мѣсяца. Но Геродотъ эту же систему вставныхъ мѣсяцевъ примѣняетъ здѣсь къ гражданскому году въ 364 дня.

Если къ тому же онъ прекрасно окончитъ свои дни, то вотъ тебѣ человѣкъ, котораго ищешь ты: онъ достоинъ называться счастливымъ. А пока онъ не умеръ, воздержись—не называй его счастливымъ; скажи лишь, что онъ пользуется благополучіемъ. Невозможно всего совмѣстить въ себѣ человѣку, подобно тому, какъ ни одна страна не удовлетворяетъ себѣ во всемъ: одно въ ней есть, другого нѣтъ; которая имѣетъ больше всѣхъ, та и лучшая. Точно такъ же нѣтъ человѣка, который во всемъ довольствовался бы самъ собою; всякій одно имѣетъ, въ другомъ нуждается. Но кто всю жизнь обладалъ наибольшимъ числомъ благъ и затѣмъ пріятно окончилъ свои дни, тому, царь, можно по справедливости носить имя счастливаго. Во всякомъ дѣлѣ нужно смотрѣть на конецъ — на то, каковы результаты. Многимъ людямъ божество дало отвѣдать счастья, но потомъ вырвало его съ корнемъ и низвергло ихъ».

Не угодилъ Солонъ этими рѣчами Крезу. Онъ отпустилъ его, не оказавъ ему никакого вниманія: большимъ глупцомъ казался ему человѣкъ, который, пренебрегая настоящими благами, совѣтуетъ во всякомъ дѣлѣ смотрѣть на конецъ.

По уходѣ Солона на Креза обрушилось тяжкое возмездіе со стороны Божества, безъ сомнѣнія, зато, что онъ счелъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Какъ только онъ заснулъ, предъ нимъ предсталъ призракъ и правдиво предсказалъ, какія бѣдствія грозятъ его сыну. У Креза было два сына: одинъ—съ тѣлеснымъ недостаткомъ, глухонѣмой; другой, Атисъ, во всемъ далеко оставлялъ за собою своихъ сверстниковъ. На этого-то послѣдняго и указывалъ призракъ, когда говорилъ, что сынъ Креза погибнетъ отъ желѣзнаго острія. Пробудившись отъ сна и раскинувъ умомъ, Крезъ перепугался: онъ поспѣшилъ женить сына; прежде Атисъ обыкновенно командовалъ лидійской арміей, теперь отецъ никуда уже не пускалъ его въ походъ, а дротики, копья и всякое иное оружіе велѣлъ вынести изъ комнатъ и спрятать въ кладовыя, чтобы какая-нибудь вещь, висѣвшая на стѣнѣ, не упала на сына.

Но вотъ, во время свадьбы сына, въ Сарды пришелъ человѣкъ, запятнавшій руки невольнымъ преступленіемъ, фригіянинъ по происхожденію, членъ царскаго рода. Явившись въ домъ Креза, онъ согласно мѣстнымъ обычаямъ просилъ очищенія. Крезъ очистилъ его. Очистительный об-

рядъ у лидянъ похожъ на эллинскій. Совершивъ, что слѣдовало, Крезъ сталъ разспрашивать пришельца, откуда и кто онъ. «Кто ты, любезный?» говорилъ онъ: «изъ какой части Фригіи пришелъ подъ защиту моего очага? кого изъ мужчинъ или женщинъ ты убилъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Царь! я сынъ Гордія, внукъ Мидаса; имя мое Адрастъ. Я невольно убилъ родного брата и являюсь сюда, изгнанный отцомъ и всего лишенный». Крезъ сказалъ: «Оказывается, значитъ, что ты происходишь изъ дружественнаго намъ рода и пришелъ къ друзьямъ. Здѣсь ни въ чемъ ты не будешь нуждаться, пока будешь въ нашемъ домѣ. Полегче относись къ своему несчастію,—вотъ тебѣ лучшій совѣтъ». Адрастъ поселился послѣ этого у Креза.

Какъ разъ въ эту пору въ Мизіи на Олимпѣ появился огромный кабанъ. Спускаясь съ горы, онъ производилъ опустошенія на поляхъ мизянъ. Часто мизяне выходили на звѣря, но не причиняли ему никакого вреда; напротивъ, сами отъ него терпѣли. Наконецъ, мизяне обратились къ Крезу. «Царь!» говорили посланные: «у насъ въ странѣ проявился огромнѣйшій кабанъ, который опустошаетъ поля. Несмотря на всѣ усилія, мы не можемъ поймать его. Теперь мы просимъ тебя вотъ о чемъ: пошли къ намъ сына и отборную молодежь съ собаками, чтобы мы могли выгнать звѣря изъ страны». Такъ просили они Креза, но послѣдній, помня сновидѣніе, сказалъ имъ: «О сынѣ моемъ лучше и не упоминайте: не пошлю его къ вамъ. Онъ только-что женился и не то у него теперь на умѣ. Отборныхъ лидянъ и всю свору я однако пошлю къ вамъ и велю имъ постараться вмѣстѣ съ вами и прогнать звѣря изъ вашей земли».

Мизяне были очень довольны этимъ отвѣтомъ; но въ эту минуту вошелъ сынъ Креза, слышавшій, о чемъ мизяне просили. Такъ какъ отецъ отказался пустить его съ ними, то юноша обратился къ нему съ такою рѣчью: «Отецъ! недавно еще лучшимъ и благороднѣйшимъ занятіемъ для насъ было—ходить на врага и на охоту и тѣмъ пріобрѣтать себѣ славу. Теперь ты запретилъ мнѣ то и другое, не замѣтивъ во мнѣ ни трусости ни малодушія. Съ какими глазами показаться мнѣ теперь на площади или по дорогѣ съ нея? что подумаютъ о мнѣ граждане? что подумаетъ новобрачная? что я буду за мужъ? Пусти же меня на охоту или, наконецъ, докажи, что для меня лучше всего — исполнять твои требованія».

Крезъ отвѣчалъ: «Сынъ мой! я поступаю такъ не потому, что замѣтилъ въ тебѣ трусость или иной недостатокъ, но потому, что мнѣ явился во снѣ призракъ и предсказалъ, что ты не долго проживешь и погибнешь отъ желѣзнаго острія. Изъ-за этого я поспѣшилъ и женить тебя; изъ-за этого же не пускаю тебя на эту охоту и всячески оберегаю тебя, чтобы, по крайней мѣрѣ, пока я живъ, избавить тебя отъ бѣды. Вѣдь ты только одинъ у меня и есть; другой сынъ для меня почти не существуетъ: вѣдь онъ не слышитъ ничего, какъ родился».

Юноша возразилъ на это: «Очень понятно, отецъ, что послѣ такого сновидѣнія ты меня оберегаешь. Но я долженъ объяснить тебѣ, чего ты не понялъ, что ускользнуло отъ твоего вниманія въ этомъ сновидѣніи. Ты говоришь, что призракъ предсказалъ мнѣ смерть отъ желѣзнаго острія. Но гдѣ же у кабана руки? какое у него желѣзное остріе, котораго ты боишься? Если бы онъ сказалъ, что я погибну отъ зубовъ или чего-нибудь подобнаго, твои поступки были бы правильны,—а то отъ острія!... Пусти же меня: вѣдь не съ людьми у насъ будетъ бой».

— «Сынъ мой»! отвѣтилъ Крезъ: «ты отчасти убѣждаешь меня, толкуя такимъ образомъ сонъ. Такъ и быть: я измѣняю рѣшеніе и отпускаю тебя на охоту».

Затѣмъ Крезъ пригласилъ фригіянина Адраста и сказалъ ему: «Адрастъ! когда тебя постигла непріятность (о! я не укоряю тебя), я очистилъ тебя и, принявъ въ свой домъ, даю тебѣ полное содержаніе. За добро, сдѣланное мною, ты долженъ заплатить добромъ же: прошу тебя, побереги моего сына, который идетъ на охоту; смотри, какъ бы на вашу бѣду не встрѣтиться вамъ по дорогѣ съ разбойниками. Да и самому тебѣ не мѣшаетъ итти туда, гдѣ такъ легко отличиться: вѣдь для тебя это родная забава, да и силы у тебя не мало».

Адрастъ и Атисъ отправились въ путь въ сопровожденіи отборной молодежи и съ собаками. Подойдя къ горѣ Олимпу, охотники стали искать звѣря; наконецъ нашли, обступили кольцомъ и бросились на него съ копьями. И вотъ тутъ-то чужестранецъ, тотъ самый, котораго очистили отъ убійства, котораго звали Адрастомъ, метая копье, попалъ не въ кабана, а въ сына Креза. Пораженный на-смерть остріемъ, юноша оправдалъ предсказаніе призрака. Кто-то межъ тѣмъ побѣжалъ извѣстить Креза и, явившись въ Сарды, разсказалъ царю о схваткѣ и объ участи сына.

Пораженный смертью сына, Крезъ жаловался больше всего на то, что убійцей оказался человѣкъ, котораго онъ самъ очистилъ отъ убійства [1]). Страшно удрученный горемъ, онъ призывалъ Зевса—очистителя, Зевса—хранителя очага и дружбы [2]). Скоро явились лидяне съ трупомъ на рукахъ; сзади шелъ убійца. Ставъ передъ трупомъ и протягивая

---

1) Въ Элладѣ очистительный обрядъ состоялъ въ томъ, что закалывали молодую свинью и текущею изъ нея кровью окропляли убійцу. У эллиновъ существовало множество очистительныхъ обрядовъ и обычаевъ на всякіе случаи религіозной и общественной жизни.

Вотъ какъ изображается очистительный обрядъ въ трагедіи Софокла *Эдипъ въ Колонѣ:*

Хоръ. Очисти себя предъ ликомъ богинь,
На почву которыхъ ногою ступилъ ты.
Эдипъ. Какимъ же путемъ? скажите, друзья!.
Хоръ. Сначала священной воды принеси ты
Рукою чистой изъ вѣчно живого
Ключа.
Эдипъ. А когда принесу я воды
Прозрачной, что мнѣ дѣлать потомъ?
Хоръ. Есть чаши, искуснаго мужа работа;
Края и ручки ихъ ты увѣнчай.
Эдипъ. Листвою, шнуромъ иль чѣмъ инымъ?
Хоръ. Шнуромъ изъ шерсти овцы молодой,
Съ которой только-что сняли руно.
Эдипъ. Пусть такъ! А что затѣмъ мнѣ дѣлать?
Хоръ. Возлить водою, къ востоку ставши.
Эдипъ. Изъ тѣхъ сосудовъ, что вы указали?
Хоръ. Изъ каждаго трижды, послѣдній же—весь.
Эдипъ. А чѣмъ наполнить потомъ? научи.
Хоръ. Водою и медомъ, вина же не нужно.
Эдипъ. Когда же покрытая тѣнью земля
Впитаетъ все это, что дѣлать затѣмъ?
Хоръ. Положи на нее ты трижды девять
Масличныхъ вѣтвей, молитвы творя.
Эдипъ. Послушаться радъ я. Важное дѣло!
Хоръ. Богинь—Эвменидами мы ихъ зовемъ—
Умоляй принять благосклонно тебя,
Иль иной пусть проситъ вмѣсто тебя.
Должна быть тихой и краткой молитва.
Затѣмъ удались и назадъ не гляди.
Исполнишь—смѣло къ тебѣ подойдемъ;
Теперь же—страшно быть съ тобой.

2) Въ каждомъ эллинскомъ домѣ день и ночь горѣлъ огонь на семейномъ очагѣ, служившемъ алтаремъ. Возникновеніе этого культа домашняго очага относится къ той отдаленнѣйшей древности, когда предки эллиновъ, римлянъ, персовъ, индусовъ, кельтовъ, германцевъ, славянъ составляли одно цѣлое и имѣли одну общую религію. Общіе предки этихъ народовъ, арійцы, вѣруя въ безсмертіе души, поклонялись душамъ умершихъ предковъ. Постоянно горѣвшій на очагѣ

впередъ руки, онъ предавалъ себя Крезу; онъ умолялъ убить его на трупѣ, вспоминалъ свое прежнее несчастіе, повторялъ, что теперь нечего ему жить, разъ онъ навлекъ такое горе на человѣка, очистившаго его. Крезъ, слушая это, пожалѣлъ Адраста, какъ ни велико было его семейное горе, и сказалъ ему: «Ты, чужеземецъ, вполнѣ искупляешь передо мной свою вину, разъ самъ себя обрекаешь на смерть. Не ты виновникъ моего несчастья—ты былъ лишь невольнымъ орудіемъ,—а одинъ изъ боговъ, который меня давно уже предупреждалъ объ этомъ». Сына своего Крезъ похоронилъ съ подобающими почестями; Адрастъ же, сынъ Гордія, внукъ Мидаса, ставшій убійцей родного брата и убійцей сына своего очистителя, когда водворилась тишина среди людей, окружавшихъ могилу, умертвилъ себя на могилѣ,—сознавая, что онъ самый несчастнѣйшій изъ людей, какихъ онъ только зналъ.

Два года Крезъ оставался въ бездѣйствіи среди тяжкой скорби объ утраченномъ сынѣ. Но когда могущество Астіага, сына Кіаксара, сокрушено было Киромъ, сыномъ Камбиза, когда персидское царство усилилось, Крезъ пересталъ наконецъ горевать и рѣшилъ, пока персы не стали великимъ народомъ, пріостановить, насколько возможно, ростъ ихъ силы. Придя къ такому рѣшенію, онъ тотчасъ же обратился съ запросомъ къ оракуламъ, эллинскимъ и ливійскимъ. Прежде всего онъ хотѣлъ испытать ихъ, насколько они разумѣютъ, — имѣя въ виду, если они окажутся знающими истину, послать къ нимъ вторично съ запросомъ, предпринимать ли ему походъ противъ персовъ.

огонь и былъ символомъ души предковъ. Когда семейства соединялись вмѣстѣ для общаго поклоненія общимъ предкамъ, получалась община, городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникала общественная жизнь, символомъ которой опять служилъ алтарь съ вѣчно горящимъ огнемъ, возженнымъ въ честь душъ—покровителей общины. Впослѣдствіи, когда эллины развили свою миѳологію, они создали особую богиню домашняго и общественнаго очага—Гестію. Помимо того, хранителемъ очага, этого средоточія семейной и общественной жизни, являлся Зевсъ, царь боговъ и людей, установившій всякій порядокъ въ жизни людей, право и законы. Все, что обезпечиваетъ развитіе справедливыхъ людскихъ отношеній, находится, по воззрѣніямъ грековъ, подъ покровительствомъ этого верховнаго божества. Онъ наблюдаетъ за выполненіемъ долга любви къ ближнему и долга справедливости. Онъ установилъ клятву и гостепріимство, котораго незнакомцы и нищіе имѣютъ право требовать себѣ во имя Зевса; ему вручаютъ себя умоляющіе.—Въ данномъ мѣстѣ историкъ приписываетъ Крезу эллинскія религіозныя воззрѣнія, хотя у лидянъ была религія особая

Посланнымъ для испытанія оракуловъ лидянамъ онъ велѣлъ вести счетъ днямъ со времени выхода изъ Сардъ, а въ сотый день обратиться къ оракуламъ и спросить, что въ это время дѣлаетъ лидійскій царь Крезъ, сынъ Аліатта. Что оракулы изрекутъ, то слѣдовало записать и принести записи ему. Отвѣты остальныхъ оракуловъ неизвѣстны; но въ Дельфахъ, какъ только лидяне вошли въ святилище, чтобы обратиться къ божеству, и задали указанный имъ вопросъ, пиѳія изрекла въ шестистопныхъ стихахъ слѣдующее:

«И глубь морскую я знаю и сколько въ морѣ песку,
Нѣмого уразумѣть могу я, безгласнаго слышу.
Вотъ запахъ черепахи, щитомъ могучимъ закрытой,
Дошелъ до меня. Въ сосудѣ мѣдномъ съ мясомъ ягненка
Варятъ ее; мѣдью устлано дно и мѣдь наверху».

Записавши изреченіе пиѳіи, лидяне отправились назадъ въ Сарды. Когда вернулись туда и остальные послы съ отвѣтами оракуловъ, Крезъ сталъ разсматривать записи, развертывая ихъ одну за другою. Ни одна изъ нихъ не понравилась ему. Но когда онъ услышалъ отвѣтъ, принесенный изъ Дельфъ, онъ тотчасъ же увѣровалъ въ этотъ оракулъ, рѣшивъ, что это единственно вѣрный оракулъ, такъ какъ онъ открылъ то, что дѣлалъ Крезъ. Дѣло въ томъ, что царь, разославъ къ оракуламъ пословъ и дождавшись намѣченнаго дня, устроилъ слѣдующее: изрубивъ черепаху и ягненка, онъ самъ сталъ варить все это вмѣстѣ въ мѣдномъ котлѣ, накрытомъ мѣдной крышкой, будучи увѣренъ, что этой выдумки невозможно ни открыть ни угадать.

Послѣ этого Крезъ сталъ умилостивлять дельфійское божество обильными жертвами. Онъ принесъ въ жертву по три тысячи всякаго рода жертвенныхъ животныхъ; сложивъ огромный костеръ, побросалъ въ огонь сѣдалища съ накладнымъ золотомъ и серебромъ, золотыя чаши, пурпуровые плащи, хитоны [1],—надѣясь расположить этимъ къ себѣ божество. Всѣмъ лидянамъ велѣно было жертвовать, что каждый можетъ. Совершивъ жертвоприношеніе, царь велѣлъ переплавить огромную массу золота и сдѣлать изъ него 117 плитъ, каждую въ шесть ладоней длины, въ три ширины и въ одну толщины; кромѣ того, онъ заказалъ изображеніе льва изъ чистаго золота, въ десять талантовъ

[1]) Хитонъ—эллинская нижняя одежда, въ родѣ рубашки.

вѣсомъ [1]). Когда въ дельфійскомъ храмѣ былъ пожаръ, левъ этотъ свалился съ плитъ, на которыхъ стоялъ, и теперь лежитъ въ коринѳской сокровищницѣ; вѣсу въ немъ теперь шесть съ половиной талантовъ, а часть въ три съ половиной таланта расплавилась. Сверхъ всего этого Крезъ послалъ въ Дельфы двѣ большихъ чаши, золотую и серебряную, четыре серебряныхъ бочки и т. д.

Таковы были дары, посланные въ Дельфы. Оракулу же Амфіараю, узнавъ о его добродѣтели и несчастіи, Крезъ послалъ щитъ, золотой весь, и полновѣсное золотое копье, у котораго и древко и остріе были изъ золота. Оба эти предмета еще при мнѣ лежали въ Ѳивахъ, въ храмѣ Аполлона Исменскаго [2])

Лидянамъ, которые должны были везти эти подарки, Крезъ наказывалъ спросить у оракуловъ, итти ли ему походомъ на персовъ и не присоединить ли къ себѣ какого-нибудь союзнаго войска. Явившись въ указанныя мѣста, лидяне возложили дары и обратились къ оракуламъ съ такими словами: «Крезъ, царь лидянъ и прочихъ племенъ, считая васъ единственными у людей оракулами, прислалъ вамъ дары, достойные вашихъ откровеній, и нынѣ спрашиваетъ у васъ, итти ли ему на персовъ и брать ли кого въ союзники». Отвѣты обоихъ оракуловъ на этотъ вопросъ оказались сходными; они предрекли, что, если Крезъ пойдетъ на персовъ, онъ разрушитъ великое царство; они совѣтовали, кромѣ того, поискать наиболѣе могущественныхъ изъ эллиновъ и вступить съ ними въ союзъ.

Услышавъ вынесенные оракулами отвѣты, Крезъ остался ими очень доволенъ, будучи увѣренъ, что онъ разрушитъ Кирово царство. Онъ вторично послалъ въ Дельфы дары:

---

[1]) Талантъ=1 пуду 24 фунтамъ.

[2]) Въ дикой горной мѣстности, на высокой террасѣ крутого склона священной горы Парнаса, надъ долиной узкой и быстрой рѣчки, въ торжественной и величественной красотѣ, возвышался знаменитый храмъ Аполлона Пиѳійскаго, національное святилище эллиновъ, куда со всѣхъ концовъ міра стекались послы царей и народовъ, за совѣтомъ къ божеству. Шесть колоннъ изъ паросскаго мрамора составляли фасадъ храма, украшенный по верху золотыми щитами. На фронтонѣ виднѣлась знаменитая надпись: «Познай себя», а на стѣнахъ первой залы изреченія семи мудрецовъ. Въ средней залѣ, расписанной картинами, возвышались статуи Аполлона и Посейдона. Изъ нея посвященные входили въ святая святыхъ, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь на алтарѣ передъ золотой статуей Аполлона, гдѣ былъ «пупъ земли», осѣненный

разузнавъ число жителей, подарилъ по два золотыхъ статира каждому. За это дельфійцы дали Крезу и лидянамъ право вопрошать первыми, право сидѣть впереди на празднествахъ и освободили отъ взносовъ; кромѣ того, желающимъ изъ нихъ предоставлено было сдѣлаться навсегда дельфійскими гражданами [1]).

двумя золотыми орлами,—на него жрецы возливали искупляющую грѣхи кровь. Узкая лѣстница вела отъ алтаря въ подземелье. Здѣсь изъ трещины скалы выходилъ холодный удушливый газъ. Надъ трещиной стоялъ деревянный, обложенный золотомъ треножникъ; на треножникѣ лежало огромное плоское блюдо. Въ лавровыхъ вѣнкахъ, съ шерстяными повязками являлись просители. Жрецы прежде всего узнавали, благоволитъ ли божество принять ихъ. Приводили козу, и нужно было, чтобы она вся трепетала, отъ ногъ до головы, когда на нее совершалось возліяніе. Когда предзнаменованія оказывались благопріятными, пиѳія, очистившись водою Кастальскаго источника, окуривъ себя лавромъ и ячменной мукой, облачившись въ длинное одѣяніе, въ золотомъ головномъ уборѣ, входила въ святилище, отпивала воды изъ источника Кассотиды, клала себѣ въ ротъ лавровыхъ листьевъ и, держа въ рукѣ лавровую же вѣтвь, всходила на блюдо, возвышавшееся на треножникѣ. Вопрошавшихъ вводили поочереди, и они задавали свои вопросы. Опьяненная газомъ и охваченная вдохновеніемъ, пиѳія впадала въ экстазъ и произносила несвязныя слова. Сильны были эти нервныя потрясенія: при Плутархѣ одна пиѳія умерла среди пророчества. Слова и возгласы записывались жрецами, которые впослѣдствіи составляли изъ нихъ связныя прорицанія, а состоящіе при храмѣ поэты облекали эти прорицанія въ стихотворную форму. Отвѣты были точны и опредѣленны, когда дѣло шло о вопросахъ нравственности, когда нужно было дать совѣтъ; но они были двусмысленны и туманны, когда вопрошавшій хотѣлъ знать будущее. Когда отвѣтъ былъ непонятенъ, вопрошавшіе обращались къ профессіональнымъ толкователямъ, которые во множествѣ ютились вокругъ храма. Дельфійскій оракулъ имѣлъ большое и благотворное вліяніе на общественную жизнь эллиновъ: онъ смягчалъ грубые нравы и междоусобицы, обуздывалъ самоуправство, укрѣплялъ чувство національнаго единства, охранялъ религію, содѣйствовалъ распространенію эллинской культуры на страны варваровъ, поддерживалъ связь колоній съ родиной. Уваженіе къ дельфійскому оракулу стало уменьшаться лишь въ позднія времена; окончательно онъ закрытъ былъ лишь при Ѳеодосіи, около 390 г. по Р. Х. Теперь на мѣстѣ славныхъ Дельфъ ютится бѣдная деревушка; на мѣстѣ храма стоятъ амбары крестьянина, поселившагося на этой высотѣ.—Недалеко отъ города Оропа, на границѣ между Беотіей и Аттикой, стояло прорицалище Амфіарая, гдѣ предсказанія составлялись на основаніи сновидѣній. Аргивянинъ Амфіарай, великій предсказатель и толкователь сновъ, принимавшій участіе въ калидонской охотѣ и походѣ аргонавтовъ, поглощенъ былъ землею вмѣстѣ съ боевой колесницей во время первой ѳиванской войны. Великаго героя эллины превратили потомъ въ бога и воздвигли ему храмъ.

[1]) Цѣнность всѣхъ даровъ, поступившихъ отъ Ксеркса въ Дельфы, простиралась до 7 милліоновъ рублей на наши деньги. Вообще въ

Не понявши оракула, Крезъ задумалъ походъ въ Каппадокію, въ надеждѣ сокрушить Кира и персидское царство. Во время приготовленій къ походу къ Крезу явился съ совѣтомъ одинъ лидянинъ, по имени Санданисъ, издавна слывшій мудрецомъ, а послѣ этого случая пріобрѣтшій себѣ у лидянъ даже громкую славу. Онъ сказалъ царю: «Царь! вѣдь ты собираешься въ походъ на такихъ людей, которые носятъ кожаные штаны и всю прочую одежду изъ кожи, которые, занимая каменистую страну, ѣдятъ не—сколько хотятъ, а сколько имѣютъ, пьютъ не вино, а воду и не собираютъ ни смоквъ ни другого добра. Если побѣдишь, что тебѣ взять у людей, у которыхъ нѣтъ ничего? А межъ тѣмъ подумай, сколь много ты потеряешь, если самъ будешь побѣжденъ.

Дельфы стекалась масса пожертвованій отъ благодарныхъ просителей за оказанныя оракуломъ услуги. Обширная ограда, среди которой возвышался главный храмъ, покрыта была цѣлымъ рядомъ кумиренъ, сокровищницъ, бесѣдокъ, заставлена обѣтными статуями, бронзовыми конями и быками, золотыми треножниками и т. д. Большая часть эллинскихъ городовъ и даже многія иностранныя государства имѣли здѣсь свои сокровищницы, въ которыхъ они выставляли свои дары или хранили свою казну.—Законнымъ временемъ для обращенія къ Аполлону первоначально считался только одинъ день въ году,—седьмой день перваго весенняго мѣсяца, день рожденія Аполлона. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа просителей, къ Аполлону стали обращаться разъ въ мѣсяцъ, за исключеніемъ зимнихъ мѣсяцевъ, когда Аполлонъ, по вѣрованіямъ эллиновъ, былъ въ отлучкѣ. Очередь просителей опредѣлялась жребіемъ. Особенно щедрые жертвователи получали право вопрошать первыми, внѣ очереди.—Въ Дельфахъ происходило великое національное празднество въ честь Аполлона Пиѳійскаго. Разъ въ четыре года сюда собирались эллины со всѣхъ концовъ Эллады праздновать побѣду солнца Аполлона надъ змѣемъ Пиѳономъ: побѣда эта знаменовала собою вѣчно повторяющуюся побѣду солнца подъ мрачными тучами, которыя воображенію многихъ народовъ представлялись огромными змѣями и драконами, вѣчно стремящимися пожрать солнце. На первыхъ порахъ пиѳійскія игры были лишь музыкальнымъ состязаніемъ: состязающіеся поэты пѣли побѣдный гимнъ въ честь бога-побѣдителя. Скоро къ пѣнію, пляскѣ и музыкѣ присоединились гимнастическія игры; программа праздника все более и болѣе разнообразилась; явились конскія скачки, бѣгъ людей и колесницъ, борьба, кулачный бой, прыганье, бросанье диска,—игры стали своимъ разнообразіемъ походить на олимпійскія. Побѣдителей увѣнчивали лавровымъ вѣнкомъ изъ вѣтвей, срѣзанныхъ въ священной рощѣ Аполлона; были и болѣе скромныя награды - яблоки. Судьями на состязаніяхъ были въ прежнее время жители Дельфъ, а съ 586 г.—амфиктіоны.—Крезъ одарилъ жителей Дельфъ золотыми статирами, которые онъ самъ сталъ впервые и чеканить. Этотъ лидійскій статиръ, вѣсившій двѣ драхмы и равнявшійся нашимъ $7^1/_2$ рублямъ, слѣдуетъ отличать отъ аттическаго серебрянаго статира, стоившаго около 1 рубля.

Отвѣдавъ нашихъ благъ, они пристрастятся къ нимъ, и ихъ уже не отгонишь. Благодаренье богамъ, что они не внушаютъ персамъ мысли итти на лидянъ». Впрочемъ этими рѣчами Санданисъ не убѣдилъ Креза; а персы до покоренія лидянъ, дѣйствительно, не знали ни роскоши ни какихъ-либо жизненныхъ удобствъ.

Перешедши съ войскомъ рѣку Галисъ, Крезъ вступилъ въ такъ называемую Птерію въ Каппадокіи. Птерія—это самое укрѣпленное мѣсто въ этой странѣ, лежащее близъ Синопы, почти у самаго Понта Эвксинскаго. Расположившись здѣсь лагеремъ, онъ сталъ опустошать поля; затѣмъ взялъ и самый городъ Птерію, обративъ жителей въ рабство, а также и всѣ сосѣдніе города; жителей же ихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, выгналъ. Межъ тѣмъ и Киръ собралъ войско, присоединивъ къ нему всѣ живущіе на пути народы, и вышелъ противъ Креза. Расположившись у Птеріи лагеремъ, противники помѣрились своими силами. Произошло жестокое сраженіе; многіе пали съ той и другой стороны. Побѣда оставалась нерѣшенной, когда наступила ночь и войска разошлись.

Когда послѣ битвы при Птеріи Крезъ отступилъ, Киръ, узнавши, что тотъ намѣренъ распустить на время войско, нашелъ, что для него всего выгоднѣе какъ можно скорѣе напасть на Сарды, прежде чѣмъ лидійскія войска вновь будутъ собраны. Онъ быстро выполнилъ свой планъ, и, двинувъ въ Лидію войско, самъ явился вѣстникомъ своего прихода. Крезъ попалъ въ большое затрудненіе: все вышло наперекоръ его ожиданіямъ; однако онъ повелъ лидянъ въ битву. Въ ту пору не было въ Азіи народа мужественнѣе и сильнѣе лидянъ. Сражались они съ лошадей, длинными копьями, и сами были отличными всадниками.

Войска сошлись на большой и открытой равнинѣ, передъ городомъ Сардами. Киръ, увидѣвъ непріятельскіе ряды, пришелъ въ ужасъ отъ лидійской конницы и, по совѣту мидянина Гарпага, поступилъ такъ: велѣлъ разгрузить всѣхъ верблюдовъ, которые везли за войскомъ хлѣбъ и багажъ, и посадить на нихъ людей, одѣтыхъ какъ всадники; этому отряду велѣно было итти впереди остального войска прямо на конницу Креза; за верблюдами шла пѣхота, а за ней вся конница. Когда всѣ размѣстились, Киръ посовѣтовалъ воинамъ не щадить лидянъ и убивать всякаго встрѣчнаго, но самого Креза не убивать, даже если, схваченный, онъ

станетъ защищаться. А верблюды были выставлены впереди конницы вотъ почему: лошадь боится верблюда, не выноситъ его вида и запаха; такимъ образомъ все это придумано было съ тою цѣлью, чтобы конница, на которую лидійскій царь возлагалъ блестящія надежды, оказалась для него безполезной. И дѣйствительно, когда войска пошли въ бой, кони, почуявъ верблюдовъ и потомъ завидѣвъ ихъ, тотчасъ же повернули назадъ. Надежда Креза рушилась. Однако лидяне не оказались трусливыми: понявши, въ чемъ дѣло, они спрыгнули съ коней и пѣшими бросились въ битву. Много пало воиновъ съ обѣихъ сторонъ; наконецъ лидяне были обращены въ бѣгство, загнаны въ крѣпость и осаждены тамъ персами.

На четырнадцатый день осады Киръ, разославъ всадниковъ, объявилъ по своему войску, что дастъ награду тому, кто первый взойдетъ на стѣну. Когда войско послѣ неудачныхъ приступовъ прекратило свои попытки, одинъ мардъ [1]), по имени Гиріадъ, рѣшился подойти къ акрополю въ томъ пунктѣ, гдѣ лидяне, не боясь нападенія, не поставили ни одного стража, такъ какъ акрополь въ этомъ мѣстѣ обрывался отвѣсно и былъ неприступенъ. Только здѣсь прежній царь Сардъ Милитъ не проносилъ льва, когда телмессіане [2]) объявили ему, что обнесеніе льва вокругъ укрѣпленій сдѣлаетъ Сарды неприступными. По остальной части стѣны, гдѣ можно было напасть на акрополь, онъ обнесъ льва, а этотъ пунктъ миновалъ, видя, что онъ неприступенъ и представляетъ отвѣсный обрывъ. Обращенъ онъ къ Тмолу. И вотъ Гиріадъ, увидѣвъ наканунѣ, какъ по этому мѣсту одинъ лидянинъ спустился за шлемомъ, скатившимся сверху, и поднялъ его, обдумалъ дѣло и рѣшился на подвигъ: онъ взобрался на укрѣпленіе; по слѣдамъ его поднялись и другіе персы. Когда ихъ взобралась цѣлая масса, Сарды были взяты, и весь городъ подвергся разоренію

Судьба же самого Креза была такова. Былъ у него сынъ, о которомъ я раньше упоминалъ,—во всемъ остальномъ

---

[1]) Марды—кочевое персидское племя.

[2]) Въ Каріи, въ 9 всего верстахъ отъ родины Геродота Галикарнаса, лежалъ городъ Телмессъ, жители котораго славились даромъ толковать чудеса. По преданію, этому искусству научилъ ихъ основатель города Телмессъ, который, какъ и многіе другіе знаменитые пророки, пѣвцы и основатели городовъ, считался сыномъ Аполлона, бога прорицаній.

безупречный, но нѣмой. Въ пору былого своего счастья Крезъ принималъ всякія мѣры для устраненія этого недостатка и, между прочимъ, посылалъ въ Дельфы съ запросомъ къ оракулу. Пиѳія отвѣчала:

«О, лидянинъ, многихъ царь народовъ! О, Крезъ неразумный,
Напрасно ты хочешь рѣчи сына въ домѣ услышать.
Нѣмымъ быть лучше ему. Наступитъ день роковой,
И сынъ твой заговоритъ впервые»..

Когда брали крѣпость, одинъ персъ бросился на Креза и хотѣлъ убить его, принявъ за кого-то другого. Угнетенный горемъ, Крезъ остался равнодушнымъ при видѣ наступающаго врага: для него ничего не значило—умереть подъ ударами. Но нѣмой сынъ его, лишь только увидѣлъ нападающаго перса, вдругъ закричалъ въ ужасѣ и отчаяніи: «Не тронь! это Крезъ». Это были его первыя слова; съ тѣхъ поръ онъ уже до конца жизни владѣлъ рѣчью.

Такимъ образомъ персы взяли Сарды и самого Креза — живымъ, послѣ того какъ онъ процарствовалъ 14 лѣтъ и, послѣ четырнадцатидневной осады, лишился своего собственнаго «великаго царства». Схваченнаго Креза привели къ Киру. Тотъ велѣлъ сложить большой костеръ и возвести на него Креза, въ оковахъ, съ четырнадцатью лидійскими юношами. Онъ имѣлъ въ виду посвятить тому или иному изъ боговъ эти первые плоды побѣды или, быть-можетъ, хотѣлъ исполнить обѣтъ или, наконецъ, слыша о благочестіи Креза, хотѣлъ знать, не спасетъ ли его отъ сожженія живымъ какое-нибудь божество. Стоя на кострѣ, Крезъ, несмотря на все свое отчаяніе, вспомнилъ о Солонѣ, вспомнилъ о его вдохновенномъ изреченіи, что никто изъ живущихъ не бываетъ истинно счастливъ. Когда ему пришли въ голову эти слова, онъ, собравшись съ мыслями, испустилъ глубокій вздохъ и трижды назвалъ имя Солона. Услышавъ это восклицаніе, Киръ велѣлъ переводчикамъ спросить у Креза, кого это онъ зоветъ. Переводчики подошли и спросили. Крезъ долго хранилъ молчаніе; затѣмъ, когда его стали побуждать, сказалъ: «Бесѣда съ нимъ для всѣхъ владыкъ была бы, думаю я, дороже великихъ богатствъ». Отвѣтъ былъ неясенъ; его стали переспрашивать. Уступая навязчивымъ просьбамъ, онъ разсказалъ, какъ нѣкогда пришелъ къ нему аѳинянинъ Солонъ, какъ презрительно отозвался онъ, осмотрѣвъ все его великолѣпіе,

какъ сбылось съ нимъ все, что тотъ предсказывалъ, относя, впрочемъ, рѣчь не лично къ нему, а ко всѣмъ вообще людямъ, особенно къ тѣмъ, которые въ своихъ собственныхъ глазахъ являются счастливыми. Пока Крезъ разсказывалъ это, зажженный костеръ уже горѣлъ съ боковъ. Когда Киръ услышалъ отъ переводчиковъ отвѣтъ Креза, его взяло раздумье при мысли, что онъ, человѣкъ, предаетъ заживо пламени другого человѣка, бывшаго не менѣе его счастливымъ. Устрашившись, кромѣ того, и возмездія, сообразивъ, что среди людей нѣтъ ничего постояннаго, онъ велѣлъ, какъ можно скорѣе, тушить огонь и свести съ костра Креза и бывшихъ съ нимъ юношей. Но посланные, при всѣхъ усиліяхъ, не могли осилить огня.

Тогда Крезъ, какъ разсказываютъ лидяне, узнавъ объ отмѣнѣ рѣшенія Кира и видя, что всѣ бросились тушить огонь, но не могутъ его одолѣть, громко воззвалъ къ Аполлону, умоляя божество предстать и спасти его отъ угрожающей смерти, если только какіе нибудь дары его были угодны богу. Со слезами призывалъ онъ бога. И вотъ внезапно среди яснаго и чистаго неба набѣжали облака, разразилась гроза, полилъ сильнѣйшій дождь,—и костеръ погасъ. Узнавши такимъ образомъ, что Крезъ любимъ богами и что онъ добродѣтельный человѣкъ, Киръ велѣлъ свести его съ костра и спросилъ: «Крезъ! кто изъ людей внушилъ тебѣ итти войною на мою землю и стать вмѣсто друга врагомъ?» Тотъ отвѣчалъ: «На счастье тебѣ, царь, я это сдѣлалъ, а себѣ на бѣду. А виновно во всемъ эллинское божество, поднявшее меня въ походъ; ибо между людьми нѣтъ столь неразумнаго, который войну предпочелъ бы миру: тамъ сыновья хоронятъ отцовъ, здѣсь отцы—сыновей. Но, знать, такъ ужъ угодно было богамъ».

Послѣ этого Киръ велѣлъ снять съ Креза оковы, посадилъ его рядомъ съ собою и оказывалъ ему всевозможное вниманіе. Глядя на него, дивился и самъ Киръ и всѣ окружающіе. Крезъ, погруженный въ свои мысли, молчалъ. Затѣмъ, обернувшись и увидѣвъ персовъ, ломавшихъ лидійскія жилища, онъ спросилъ: «Царь! могу я сказать тебѣ, что мнѣ сейчасъ приходитъ въ голову, или ужъ мое дѣло—молчать?» Киръ велѣлъ ему смѣло говорить, что хочетъ. Тогда Крезъ спросилъ: «Вонъ тамъ огромная толпа,—что это она дѣлаетъ съ такимъ усердіемъ?»—«Грабятъ твой городъ и расхищаетъ твои сокровища»,—отвѣчалъ Киръ.—«Нѣтъ, не

мой городъ и не мои сокровища они грабятъ: у меня теперь ужъ нѣтъ ничего. Они разносятъ твое собственное достояніе».

Кира смутило это замѣчаніе. Устранивъ свидѣтелей, онъ спросилъ Креза, что дурного видитъ онъ во всемъ этомъ. Крезъ отвѣчалъ: «Разъ боги отдали меня въ рабство тебѣ, я считаю своимъ долгомъ указать тебѣ, если замѣчу что-либо выгодное для тебя. Персы отъ природы горды и въ то же время бѣдны. Если ты позволишь имъ грабить и прибирать къ рукамъ богатую добычу, то въ концѣ концовъ получишь вотъ что: присвоившій себѣ наибольшее—возстанетъ на тебя. Поступи лучше такъ, если тебѣ угодны мои рѣчи: поставь у каждыхъ воротъ стражу изъ твоихъ копьеносцевъ, и пусть они, отбирая вещи у тѣхъ, кто будетъ выносить, заявляютъ имъ, что десятую часть необходимо посвятить Зевсу. Такимъ путемъ ты не навлечешь на себя ненависти, хотя и будешь отнимать силою; они же, сознавая, что ты поступаешь справедливо, охотно пожертвуютъ взятое».

Рѣчь эта пришла Киру по сердцу, и совѣтъ казался ему прекраснымъ. Расхваливъ Креза и приказавъ копьеносцамъ исполнить все это, онъ обратился къ нему съ такими словами: «Разъ ты, Крезъ, готовъ, какъ прилично царю, оказать услугу и на дѣлѣ и на словахъ, то проси у меня дара, какого хочешь; ты тотчасъ получишь его».—«Владыка»! отвѣчалъ Крезъ: «ты доставишь мнѣ большую милость, если позволишь послать эти оковы тому эллинскому божеству, котораго я почтилъ больше всѣхъ боговъ, и спросить его, не въ обычаѣ ли у него обманывать своихъ благотворителей». Киръ спросилъ, въ чемъ же ему хочется упрекнуть божество. Тогда Крезъ разсказалъ ему о всѣхъ своихъ замыслахъ, объ отвѣтахъ оракуловъ, а главнымъ образомъ о своихъ приношеніяхъ и о томъ, какъ оракулъ побудилъ его итти походомъ на персовъ. Рѣчь свою онъ заключилъ вторичной просьбой—дать ему возможность бросить упрекъ божеству. Киръ, улыбаясь, сказалъ: «И это получишь отъ меня, Крезъ, и все другое, что тебѣ понадобится». Услышавъ эти слова, Крезъ тотчасъ посылаетъ лидянъ въ Дельфы и поручаетъ, положивъ оковы на порогѣ храма, спросить: не стыдно ли божеству, что оно своими изреченіями побудило Креза итти на персовъ, подъ предлогомъ, что онъ разрушитъ Кирово царство, въ результатѣ чего оказались вотъ какіе плоды побѣдъ,—послы должны были указать при этомъ на цѣпи и добавить, не въ обычаѣ ли вообще у эллинскихъ боговъ—быть неблагодарными.

Когда лидяне явились въ Дельфы и исполнили порученіе, пиѳія, говорятъ, сказала имъ: «Опредѣленія судьбы невозможно избѣжать даже божеству. Крезъ въ пятомъ поколѣніи искупилъ преступленіе предка своего, который, будучи лишь копьеносцемъ гераклидовъ и повинуясь женскому коварству, убилъ своего господина и овладѣлъ его саномъ, безъ всякаго на то права. Сильно хотѣлось Локсію, чтобы Сарды пострадали при дѣтяхъ Креза, а не при самомъ Крезѣ, но не могъ онъ отвратить рока [1]). Все, что судьбы позволили, Локсій сдѣлалъ въ угоду Крезу: онъ на три года отсрочилъ взятіе Сардъ. Пусть же Крезъ знаетъ, что онъ попалъ въ плѣнъ тремя годами позже, чѣмъ это было суждено. Второй разъ божество помогло ему, когда онъ сгорѣлъ было на кострѣ. Все случилось согласно съ оракуломъ и несправедливо Крезъ порицаетъ его. Локсій предрекъ, что, если Крезъ пойдетъ на персовъ, то разрушитъ великое царство. Если бы Крезъ хотѣлъ принять здравое рѣшеніе, ему слѣдовало бы опять послать къ оракулу и спросить, о его ли царствѣ идетъ рѣчь или о царствѣ Кира. Онъ не понялъ сказаннаго и не спросилъ вторично,—пусть онъ винитъ теперь самого себя».

Такъ отвѣчала лидянамъ пиѳія. Тѣ доставили отвѣтъ Крезу, въ Сарды. Выслушавъ его, Крезъ убѣдился, что погрѣшилъ онъ самъ, а не божество. Такова исторія царствованія Креза.

Дѣтство и воцареніе Кира. Мидійскій царь Астіагъ выдалъ дочь свою Мандану за перса Камбиза. Въ первый же годъ ихъ супружеской жизни Астіагъ видѣлъ сонъ. Ему снилось, что изъ дочери его выросла виноградная лоза и

[1]) Крезъ былъ пятымъ представителемъ династіи мермнадовъ До нея, по словамъ Геродота, 500 лѣтъ царствовали въ лицѣ 22 поколѣній гераклиды, потомки Геракла. По малоазійскимъ преданіямъ, родоначальникомъ этой первой династіи былъ Сандонъ, богъ огня, которому повсемѣстно поклонялись лидяне; греки отожествили это божество съ своимъ Геракломъ; поэтому Геродотъ потомковъ Сандона называетъ гераклидами. Послѣдній изъ гераклидовъ, царь Кандавлъ убитъ былъ своимъ оруженосцемъ Гигесомъ, которому помогла овладѣть престоломъ жена Кандавла. –Локсій («темный»)—прозваніе Аполлона, бога прорицаній. Какъ богъ солнца, Аполлонъ все видитъ и знаетъ въ озаряемомъ имъ мірѣ; но прорицанія его иногда превосходятъ человѣческое разумѣніе и для несовершеннаго ума человѣка кажутся темными

покрыла собою всю Азію. Разсказавъ это сновидѣніе снотолкователямъ, онъ вызвалъ дочь изъ Персіи и держалъ подъ стражей, желая погубить ребенка, который долженъ былъ родиться, такъ какъ маги-снотолкователи [1]) объявили ему, на основаніи сновидѣнія, что потомство его дочери будетъ царствовать вмѣсто него. Опасаясь этого, Астіагъ, лишь только родился Киръ, позвалъ къ себѣ Гарпага, своего родственника, вѣрнѣйшаго изъ мидянъ, которому онъ все довѣрялъ, и сказалъ ему: «Отнесись, Гарпагъ, со всѣмъ вниманіемъ къ дѣлу, которое я поручаю тебѣ; не вводи меня въ обманъ, изъ расположенія къ другимъ не наживи самому себѣ бѣды въ будущемъ. Возьми родившагося у Манданы младенца, отнеси къ себѣ и умертви, а затѣмъ схорони, какъ знаешь». Тотъ отвѣчалъ: «Царь! Ты и прежде никогда не видалъ неблагодарности въ человѣкѣ, съ которымъ ты говоришь, да и впредь я постараюсь ни въ чемъ не провиниться передъ тобой. Если это угодно тебѣ, я долженъ старательно это выполнить».

Послѣ этихъ словъ Гарпагу передали мальчика, разодѣтаго, какъ убираютъ на смерть, и онъ, весь въ слезахъ, пошелъ домой. Пришедши къ женѣ, онъ передалъ ей весь разговоръ съ Астіагомъ.—«Что же ты теперь намѣренъ дѣлать?»—спросила она.—«Во всякомъ случаѣ не то, что велѣлъ Астіагъ. Пусть онъ сходитъ съ ума и свирѣпствуетъ даже больше теперешняго,—я не согласенъ повиноваться и не пойду на такое злодѣяніе. Много причинъ у меня не убивать его: онъ—мой родственникъ; Астіагъ старъ и не имѣетъ мужского потомства. Если по смерти его власть перейдетъ къ этой самой дочери, сына которой онъ хочетъ умертвить моими руками, то чего мнѣ ждать послѣ этого, какъ не величайшей бѣды? Правда, для моей безопасности необходимо, чтобы ребенокъ умеръ; однако пусть будетъ убійцей кто-нибудь изъ людей Астіага, а не изъ моихъ».

---

1) Маги—жреческая каста у мидянъ и персовъ. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ образованіе, они составляли замкнутое сословіе, имѣвшее большое политическое вліяніе. Безъ нихъ народъ не имѣлъ права ни приносить жертвъ ни совершать религіозныхъ церемоній. Въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ высокими тіарами на головѣ, со священными пучками тамариска въ рукахъ, безъ котораго обряды считались недѣйствительными, они отправлялись процессіями къ алтарямъ, совершали жертвы и возліянія, пѣли надъ жертвой таинственныя изреченія. Имъ приписывали таинственную способность понимать сны и оракулы и предсказывать будущее.

Сказавъ это, Гарпагъ тотчасъ же послалъ за однимъ изъ царскихъ пастуховъ, который пасъ стада, какъ онъ зналъ, на самомъ подходящемъ мѣстѣ, въ горахъ, изобиловавшихъ дикими звѣрями. Имя его было Митрадатъ. Женатъ онъ былъ на рабынѣ Астіага, которую по-эллински звали Кино, по-мидійски Спако (слово это у мидянъ значитъ «собака»). Съ величайшей поспѣшностью явился онъ на зовъ, и Гарпагъ сказалъ ему: «Астіагъ приказываетъ тебѣ взять этого ребенка и положить на самой пустынной изъ горъ, для того чтобы онъ поскорѣе погибъ. Онъ велѣлъ тебѣ сказать и то, что, если ты не покончишь съ ребенкомъ, а какъ-нибудь убережешь его, то онъ предастъ тебя злѣйшей смерти; а наблюдать за тѣмъ, выбросишь ли ты, приказано мнѣ».

Пастухъ взялъ ребенка и пошелъ назадъ своей дорогой. Онъ вернулся домой. Межъ тѣмъ жена его, со дня на день ожидавшая родовъ, по соизволенію боговъ, родила какъ разъ во время отлучки мужа въ городъ. Супруги безпокоились другъ за друга: пастухъ опасался за жену, жена недоумѣвала, для чего Гарпагъ нежданно-негаданно позвалъ ея мужа. Когда послѣдній вернулся, жена, неожиданно увидѣвъ его передъ собою, поспѣшила спросить, зачѣмъ его такъ торопили къ Гарпагу Тотъ разсказалъ ей: «Ну, жена! былъ я въ городѣ; видѣлъ и слышалъ то, чего дай Богъ не видѣть и чего я никогда не пожелалъ бы нашимъ хозяевамъ. По всемудому Гарпага шелъ плачъ Перепугавшись, я вошелъ. Какъ только вошелъ, смотрю,—передо мной младенецъ; онъ барахтается и кричитъ, а одѣтъ въ золото и разноцвѣтныя одежды. Гарпагъ, увидѣвъ меня, велѣлъ поскорѣе взять младенца, тащить его съ собой и забросить туда, гдѣ побольше звѣрей, въ горы. Онъ сказалъ, что такой приказъ данъ мнѣ— Астіагомъ, и страшно грозилъ мнѣ, если я не послушаюсь. Дѣлать нечего,—взялъ я ребенка. Думалъ было, что отцомъ у него—кто-нибудь изъ слугъ: не могъ же я навѣрное знать, чей онъ. Правда, меня дивило одно,—зачѣмъ это онъ разодѣтъ въ золото и пышныя одежды и почему это въ домѣ Гарпага всѣ ревмя ревутъ. И вотъ по дорогѣ сейчасъ я узналъ всю исторію: разсказалъ прислужникъ, который проводилъ меня за городъ и вручилъ мнѣ ребенка. Оказывается, что это сынъ Манданы, дочери Астіага и Камбиза, и что самъ Астіагъ велѣлъ прикончить съ нимъ. Смотри: вотъ онъ!» Съ этими словами пастухъ раскрылъ ребенка и показалъ.

Жена, увидѣвъ ребенка, рослаго и красиваго, съ пла-

чемъ обняла колѣни мужа и убѣждала отнюдь не выбрасывать его. Мужъ утверждалъ, что иначе поступить нельзя, потому что отъ Гарпага придутъ посмотрѣть и онъ самъ погибнетъ злою смертью, если не исполнитъ приказа. Не будучи въ состоянiи уговорить мужа, она сказала ему: «Если ужъ тебя никакъ не убѣдишь, если непремѣнно нужно выбросить его, то сдѣлай вотъ что. Я тоже родила, но ребенокъ—мертвый. Ступай и брось его, а внука Астіагова станемъ воспитывать, какъ своего. Тогда и ты не провинишься передъ господами, да и мы ничего не проиграемъ: мертвый будетъ погребенъ по-царски, а живой не лишится жизни».

Совѣтъ этотъ показался пастуху подходящимъ, и онъ тотчасъ же его выполнилъ. Ребенка, принесеннаго для умерщвленія, передалъ женѣ, а своего, мертворожденнаго, уложилъ въ корзину, въ которой принесъ чужого ребенка, разодѣлъ въ чужое платье и снесъ на самую пустынную гору.

На третій день послѣ того, какъ мальчикъ былъ выброшенъ, пастухъ пошелъ въ городъ, оставивъ одного изъ своихъ подручныхъ сторожить трупъ. Явившись къ Гарпагу, онъ сказалъ ему, что готовъ показать трупъ ребенка. Пославъ вѣрнѣйшихъ изъ своихъ копьеносцевъ, Гарпагъ убѣдился черезъ нихъ въ исполненіи приказа и похоронилъ сына пастуха, а другого ребенка, названнаго впослѣдствіи Киромъ, воспитывала жена пастуха, давшая ему какое-то другое имя, вмѣсто Кира.

Когда мальчику исполнилось уже десять лѣтъ, случай обнаружилъ его происхожденіе. Разъ въ той деревнѣ, гдѣ были стада, онъ игралъ на дорогѣ со сверстниками. Игравшіе дѣти выбрали этого «пастушенка», какъ называли его, себѣ въ цари. Онъ распредѣлилъ, кому—строить дома, кому быть оруженосцемъ; одному назначилъ быть «окомъ» царя [1]), другому—представлять царю доклады, такъ что каждому далъ свое дѣло. Но вотъ одинъ изъ игравшихъ дѣтей, сынъ Артембара, знатнаго мидянина, не исполнилъ приказанія Кира. Послѣдній велѣлъ прочимъ мальчикамъ поймать

---

[1]) Въ персидской монархіи «очами и ушами» царя назывались особыя довѣренныя лица, которыхъ царь посылалъ въ провинціи наблюдать за дѣятельностью сатраповъ и предупреждать ихъ злоупотребленія. Они напоминали тѣхъ фискаловъ и оберъ-фискаловъ, которые у насъ заведены были Петромъ Великимъ.

его. Тѣ повиновались, и Киръ очень жестоко отстегалъ его. Лишь только мальчика отпустили, онъ сталъ выражать неудовольствіе на не заслуженное будто наказаніе, побѣжалъ въ городъ и жаловался отцу на то, что вытерпѣлъ отъ Кира, называя его, конечно, не Киромъ (этого имени онъ не носилъ еще), а сыномъ Астіагова пастуха. Артембаръ въ сердцахъ сейчасъ же пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ къ Астіагу и разсказалъ, какая съ нимъ случилась непріятность.

— «Смотри, царь, какъ насъ оскорбилъ твой рабъ, сынъ пастуха», говорилъ онъ, показывая плечи мальчика.

Выслушавъ и увидѣвъ это, Астіагъ хотѣлъ наказать мальчугана изъ уваженія къ Артембару и послалъ за пастухомъ и его сыномъ. Когда они оба явились, Астіагъ, бросивъ взглядъ на Кира, сказалъ: «Какъ осмѣлился ты, сынъ пастуха, обойтись такъ неприлично съ сыномъ перваго у меня человѣка»?—«Владыка!» отвѣчалъ Киръ: «я поступилъ, какъ слѣдуетъ. Деревенскіе мальчики, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, играя между собою, поставили меня царемъ, такъ какъ я казался имъ наиболѣе для этого подходящимъ. И вотъ остальныя дѣти слушались меня, а этотъ не слушался и не обращалъ вниманія на приказанія, за что и поплатился. Если за это заслужилъ я наказаніе, — наказывай: я здѣсь!»

Когда мальчикъ говорилъ это, Астіагъ началъ понемногу распознавать его. И черты лица его походили на его собственныя, и отвѣтъ казался слишкомъ непринужденнымъ, да и число лѣтъ, прошедшее съ тѣхъ поръ, какъ ребенка выбросили, совпадало съ возрастомъ этого мальчика. Пораженный этимъ, Астіагъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ, едва удерживаясь и желая удалить Артембара, чтобы наединѣ порасспросить пастуха, онъ сказалъ: «Артембаръ! я поступлю такъ, что ни тебѣ ни твоему сыну не на что будетъ сердиться». Артембара онъ отпустилъ, а Кира велѣлъ слугамъ провести во внутренніе покои. Оставшись наединѣ съ пастухомъ, Астіагъ спросилъ у него, откуда онъ взялъ мальчика, кто его передалъ. Тотъ отвѣчалъ, что это его сынъ и что мать его и теперь у него въ домѣ. Астіагъ замѣтилъ на это, что пастухъ не ладно задумалъ и, должно быть, хочетъ подвергнуться пыткѣ. При этихъ словахъ, онъ далъ знакъ копьеносцамъ схватить его. Ведомый на пытку, тотъ открылъ правду и разсказалъ съ самаго начала все безъ утайки, закончивъ рѣчь мольбами и просьбой о прощеніи.

Когда пастухъ открылъ всю правду, Астіагъ на него меньше обратилъ вниманія, но зато сильно вознегодовалъ на Гарпага и велѣлъ копьеносцамъ позвать его. Когда тотъ явился, Астіагъ спросилъ: «Какой смерти предалъ ты, Гарпагъ, ребенка моей дочери, котораго я вручилъ тебѣ?» Гарпагъ, увидѣвъ пастуха въ царскихъ покояхъ, не рѣшился прибѣгнуть ко лжи, чтобы не быть уличеннымъ, и сказалъ: «Царь! взявши ребенка, я раздумывалъ, нельзя ли такъ исполнить твою волю, чтобы не оказаться виноватымъ передъ тобою и въ то же время не быть въ твоихъ глазахъ и въ глазахъ твоей дочери убійцей. Я поступилъ такъ: позвалъ вотъ этого пастуха и передалъ ему мальчика, сказавши, что ты велишь убить его. Говоря такъ, я не лгалъ, потому что ты дѣйствительно велѣлъ это сдѣлать. Передавая ему ребенка, я велѣлъ положить его на пустынной горѣ и караулить, пока онъ не умретъ, и всячески угрожалъ ему, если онъ не исполнитъ приказанія. Когда же онъ исполнилъ его и ребенокъ умеръ, я послалъ вѣрнѣйшихъ изъ слугъ, удостовѣрился черезъ нихъ въ гибели ребенка и велѣлъ похоронить его. Вотъ какъ я поступилъ, царь; вотъ судьба ребенка».

Гарпагъ разсказывалъ сущую правду; Астіагъ же, скрывая гнѣвъ противъ него, прежде всего пересказалъ ему всю исторію въ томъ видѣ, какъ слышалъ самъ отъ пастуха; затѣмъ прибавилъ, что мальчикъ живъ и что все обошлось благополучно.

— «Я очень страдалъ», продолжалъ онъ, «по поводу поступка съ этимъ мальчикомъ, и не легко мнѣ было переносить упреки моей дочери. Теперь же, когда судьба измѣнилась къ лучшему, присылай своего сына къ моему мальчику, только что явившемуся, да приходи и самъ на пиръ: за спасеніе мальчика я думаю принести жертву тѣмъ изъ боговъ, которымъ эта честь подобаетъ».

Услышавъ это, Гарпагъ палъ ницъ передъ царемъ и пошелъ домой, очень обрадованный тѣмъ, что бѣда разрѣшилась благополучно и что его пригласили на пиръ по поводу этого счастливаго случая. Онъ очень спѣшилъ. У него былъ единственный сынъ, лѣтъ тринадцати отъ роду. Его то онъ и посылаетъ къ Астіаху, совѣтуя ему исполнять все, что тотъ ни прикажетъ. Самъ же онъ, сіяя отъ радости, разсказываетъ все случившееся женѣ. Межъ тѣмъ Астіагъ, когда сынъ Гарпага явился къ нему, велѣлъ

зарѣзать его, разнять тѣло на части, однѣ изжарить, другія сварить, хорошо приправить и держать наготовѣ. Когда насталъ часъ обѣда, явился въ числѣ гостей и Гарпагъ. Передъ всѣми остальными и самимъ Астіагомъ были поставлены столы, заваленные кушаньями изъ бараньяго мяса, а Гарпагу подали родного сына,—все, кромѣ головы и оконечностей, которыя лежали особо въ закрытой корзинѣ. Когда Гарпагъ, по-видимому, насытился, Астіагъ спросилъ у него, доволенъ ли онъ кушаньемъ. Когда Гарпагъ отвѣчалъ, что даже очень доволенъ, слуги поднесли ему въ корзинѣ голову, руки и ноги и, поставивъ ее, просили открыть и взять оттуда, что угодно. Гарпагъ открылъ корзину и увидѣлъ останки своего сына. Однакожъ онъ не выразилъ ужаса и сумѣлъ овладѣть собою. Астіагъ спросилъ, узнаетъ ли онъ, какую дичь ѣлъ. Гарпагъ отвѣчалъ утвердительно и добавилъ, что все хорошо, что бы царь ни дѣлалъ. Обмѣнявшись этими словами, онъ захватилъ съ собой остатки мяса и пошелъ домой. Онъ имѣлъ въ виду, очевидно, собрать все и похоронить.

Такъ Астіагъ наказалъ Гарпага; а чтобы принять рѣшеніе на счетъ Кира, онъ позвалъ тѣхъ самыхъ маговъ, которые истолковали ему сонъ. Когда они пришли, онъ переспросилъ ихъ, какъ они объясняли сновидѣніе. Тѣ отвѣчали по прежнему, что мальчикъ долженъ стать царемъ, если онъ остался въ живыхъ и не умеръ до сихъ поръ.— «Да, мальчикъ родился и живъ», отвѣчалъ Астіагъ: «его даже поставили царемъ деревенскіе мальчики, когда онъ жилъ въ деревнѣ. Онъ все устроилъ, какъ настоящіе цари это дѣлаютъ: назначилъ тѣлохранителей, привратниковъ, докладчиковъ и все прочее и управлялъ. Къ чему, вы думаете, все это клонится?» Маги отвѣтили: «Если мальчикъ живъ и былъ царемъ безъ всякаго предварительнаго умысла, то не бойся и будь покоенъ: во второй разъ онъ уже не будетъ властвовать. Вѣдь иныя пророчества сводятся для насъ на пустяки, да и сны сбываются на мелочахъ».

Съ радостью выслушалъ это Астіагъ. Онъ позвалъ Кира и сказалъ ему: «Дитя! изъ-за пустого сновидѣнія я поступалъ несправедливо съ тобой, но судьба твоя сохранила тебя. Иди же теперь съ миромъ къ персамъ; проводниковъ я дамъ тебѣ. Пришедши туда, найдешь тамъ отца и мать, да ужъ не такихъ, какъ Митрадатъ—пастухъ и его жена». Съ этими словами Астіагъ отпустилъ Кира.

Когда Киръ вернулся въ домъ Камбиза, родители приняли е о и, узнавъ, кто онъ, стали всячески ласкать его, такъ какъ они думали, что онъ давно уже умеръ. Они распрашивали, какимъ образомъ онъ уцѣлѣлъ. Тотъ имъ разсказалъ все; говорилъ, что раньше онъ ничего не зналъ и во многомъ ошибался, что о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ онъ узналъ лишь дорогой, что онъ считалъ себя сыномъ Астіагова пастуха и только въ пути услышалъ всю исторію отъ проводниковъ. Онъ разсказывалъ, какъ воспитывала его жена пастуха, и все время всячески расхваливалъ ее: имя Кино, жены пастуха, не сходило у него съ устъ. Родители подхватили это имя для того, чтобы спасеніе ихъ сына казалось персамъ болѣе чудеснымъ, и пустили слухъ, что выброшеннаго Кира вскормила собака. Отсюда и пошла эта басня [1]).

Достигши зрѣлаго возраста, Киръ былъ самымъ мужественнымъ изъ сверстниковъ и всѣми любимымъ. Гарпагъ посылалъ ему подарки и старался расположить къ себѣ, сильно желая отомстить Астіагу. Онъ сознавалъ, что самъ онъ, будучи частнымъ человѣкомъ, не въ силахъ наказать Астіага и, видя подростающаго Кира, искалъ въ немъ союзника себѣ, такъ какъ Киръ испыталъ подобныя же бѣдствія. Онъ уже заранѣе принялъ нѣкоторыя мѣры. Такъ какъ Астіагъ былъ жестокъ съ мидянами, то Гарпагъ, входя по одиночкѣ въ сношенія съ мидійскими вельможами, убѣждалъ ихъ, что Астіага слѣдуетъ лишить власти и поставить царемъ Кира. Готовый приступить къ дѣлу, онъ рѣшилъ открыть свой замыселъ Киру. Такъ какъ Киръ жилъ въ Персіи, а пути охранялись стражей, то Гарпагъ, не имѣя иныхъ способовъ сообщенія, придумалъ слѣдующее: досталъ зайца, разрѣзалъ ему животъ, не вырвавъ ни клока шерсти, вложилъ внутрь письмо, сообщавшее о его планѣ, и затѣмъ зашилъ животъ. Передавъ зайца вѣрнѣйшему изъ слугъ, вмѣстѣ съ сѣтью, какъ охотнику, онъ отправилъ его въ Персію, приказавши отдать зайца Киру и на словахъ передать, чтобы тотъ разрѣзалъ зайца собственноручно, такъ чтобы никого при этомъ не было.

Приказаніе было исполнено. Киръ взялъ зайца, вскрылъ

---

[1]) Имя Кино происходитъ отъ греческаго корня *кин*, означающаго собаку; греческое же имя жены пастуха, Кино, есть переводъ мидійскаго имени Спако, которое, по словамъ Геродота, въ переводѣ значитъ «собака».

его и нашелъ въ немъ письмо, которое и прочиталъ. Письмо было такого содержанія: «Сынъ Камбиза! знать, боги хранятъ тебя: иначе ты не дошелъ бы до такой высоты счастья. Отомсти же Астіагу, своему убійцѣ. По его волѣ ты преданъ былъ смерти, а по волѣ боговъ и моей—ты живъ. Думаю, что ты давно уже разузналъ все о самомъ себѣ,—о томъ, какъ было дѣло, и какъ я пострадалъ отъ Астіага зато, что не умертвилъ тебя, а отдалъ пастуху. Если захочешь теперь меня послушаться, будешь властвовать надъ всей страной, которой управляетъ Астіагъ. Убѣди персовъ, чтобы они возстали, и иди войной на мидянъ. Меня ли назначитъ Астіагъ командовать войскомъ, посланнымъ противъ тебя, или другого кого изъ знатныхъ мидянъ, все равно—выйдетъ по твоему, ибо знать первая отложится отъ Астіага и, перейдя къ тебѣ, постарается низвергнуть его. Здѣсь все готово; дѣйствуй же, и при томъ какъ можно скорѣе».

Прочитавъ письмо, Киръ сталъ раздумывать, какимъ способомъ вѣрнѣе всего можно было бы побудить персовъ къ возстанію. Наконецъ, онъ нашелъ наиболѣе удобное средство, которымъ и воспользовался. Онъ написалъ письмо, сообразное съ его планами, и собралъ персовъ на сходку. Вскрывъ на сходкѣ письмо, онъ прочиталъ, что Астіагъ назначаетъ его военачальникомъ персовъ.

— «А теперь, персы», добавилъ онъ, «я объявляю вамъ приказъ - явиться сюда съ косами».

Когда персы явились всѣ съ указаннымъ орудіемъ, Киръ велѣлъ имъ выкосить въ день одно мѣсто, совершенно заросшее на 18—20 стадій терновникомъ. Персы исполнили работу. Онъ велѣлъ имъ явиться еще разъ,—на слѣдующій день, предварительно вымывшись. Тѣмъ временемъ онъ приказалъ согнать отцовскія стада, козъ, овецъ и быковъ, всѣхъ въ одно мѣсто, зарѣзать ихъ и приготовить мясо, для того чтобы угостить народъ; кромѣ того, заказалъ вина и всякихъ припасовъ. Когда на слѣдующій день персы явились, Киръ пригласилъ ихъ расположиться на лугу и сталъ угощать. По окончаніи пиршества, онъ спросилъ ихъ, что они предпочитаютъ,—вчерашнее занятіе или сегодняшнее. Тѣ отвѣчали, что тутъ огромная разница: вчера у нихъ были всякія напасти, а сегодня всякія блага. Подхвативъ эти слова, Киръ сталъ выяснять имъ положеніе дѣлъ. Онъ говорилъ: «Персы! дѣла ваши вотъ въ какомъ состояніи. Если вы послушаетесь меня, у васъ будутъ эти и всякія другія

безчисленныя блага, такъ какъ будете избавлены отъ рабскаго труда; если не захотите слушаться, на вѣкъ будутъ взвалены безчисленные труды, - вродѣ вчерашняго. Послушайтесь же меня и станьте свободными. Мнѣ, можно сказать, на роду написано—взяться за это дѣло, да и вы, я думаю, не хуже мидянъ, ни въ военномъ искусствѣ ни въ чемъ другомъ. А разъ дѣло обстоитъ такъ, отлагайтесь отъ Астіага какъ можно скорѣе».

Найдя себѣ вождя, персы съ охотой стали добиваться свободы, такъ какъ давно ужъ очень тяготились властью мидянъ. Астіагъ, узнавъ о замыслахъ Кира, позвавъ его черезъ вѣстника къ себѣ. Киръ же велѣлъ передать царю, что онъ придетъ къ нему скорѣе, чѣмъ желательно это Астіагу. Услышавъ объ этомъ, Астіагъ вооружилъ всѣхъ мидянъ, а полководцемъ назначилъ Гарпага: боги, должно быть, тронули его разсудокъ, и онъ забылъ о своемъ поступкѣ съ Гарпагомъ. Выступившіе въ походъ мидяне встрѣтились съ персами. Нѣкоторые изъ нихъ сражались, — тѣ, которые не участвовали въ заговорѣ; другіе прямо переходили къ персамъ, а большинство нарочно сражалось кое-какъ и бѣжало.

Лишь только узналъ Астіагъ о постыдномъ пораженіи мидійскаго войска, онъ воскликнулъ съ угрозой: «Ну, не поздоровится же Киру!» Затѣмъ, онъ прежде всего велѣлъ казнить снотолкователей-маговъ, которые посовѣтовали ему отпустить Кира, потомъ вооружилъ оставшихся въ городѣ мидянъ, молодежь и стариковъ. Выступивъ съ ними и сразившись съ персами, онъ былъ разбитъ; самъ былъ захваченъ живымъ, а бывшіе съ нимъ мидяне погибли.

Такъ лишился престола Астіагъ, процарствовавшій тридцать пять лѣтъ. Киръ не причинилъ ему никакого вреда и держалъ при себѣ до самой смерти.

Нравы персовъ. Обычаи у персовъ, насколько я знаю, таковы. Сооружать статуи, храмы, алтари у нихъ не принято; сооружающихъ они зовутъ глупцами; это, мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что они не считаютъ боговъ человѣкоподобными, какъ это дѣлаютъ эллины У нихъ принято Зевсу приносить жертвы на высочайшихъ горахъ, а Зевсомъ они называютъ весь небесный сводъ. Они приносятъ жертву солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ, вѣтрамъ. Этимъ толь-

ко божествамъ они и приносятъ жертвы испоконъ вѣковъ [1]).

Жертвоприношеніе названнымъ божествамъ установлено у персовъ въ такомъ порядкѣ. Они не воздвигаютъ для этого жертвенниковъ, не возжигаютъ огня, не употребляютъ

---

[1]) Всѣ націи, говорившія греческимъ и латинскимъ языкомъ, санскритскимъ (языкъ древней Индіи) и зендскимъ (языкъ древней Персіи), принадлежатъ къ одной расѣ *арійцевъ*, первобытнаго народа, населявшаго въ отдаленнѣйшую эпоху страны, лежащія по сосѣдству съ горною площадью Памиромъ, «центромъ» Азіи. Въ незапамятныя времена арійцы разселились. Всѣ племена, населившія потомъ Европу и Азію, должны были въ тотъ моментъ, когда они, покинувъ Памиръ, начали свои переселенія, имѣть одинаковыя вѣрованія. Но различіе въ условіяхъ существованія и умственнаго склада этихъ племенъ, попавшихъ каждое въ особую среду, скоро повело къ тому, что между миѳологіями персовъ, индусовъ и грековъ, зародившимися изъ одного источника, осталось лишь отдаленное сходство. Въ обширныхъ областяхъ Ирана еще въ древнѣйшую эпоху развилась особая религіозная и миѳологическая система, извѣстная подъ именемъ *маздеизма*. Слово это происходитъ отъ зендскаго *мазда,* которое означаетъ «великаго ученаго», «человѣка, знающаго все». Ученіе маздеизма содержалось въ *Авестѣ* («книгѣ закона»), которая заключала въ себѣ нѣсколько сборниковъ. Редакцію *Авесты* приписывали мудрецу Заратуштрѣ, болѣе извѣстному подъ именемъ Зороастра. Маздеизмъ основанъ на противоположеніи двухъ началъ—добраго и злого. Маздеизмъ признавалъ только одного Бога, совмѣщающаго въ себѣ всѣ совершенства. Это—Агура-Мазда, превращенный потомъ въ Ормузда (*агура* значитъ «властитель»), верховный и всевѣдущій владыка міра или, какъ его называетъ *Авеста*, богъ «свѣтлый, величайшій, всеблагой, вседѣятельный, всеразумный, всепрекрасный». Онъ творецъ міра, созданнаго изъ небытія; все, что онъ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ для блага міра; онъ – начало добра. Но едва вселенная была создана добрымъ божествомъ, какъ явился изъ небытія духъ-разрушитель и возсталъ противъ Ормузда. Этотъ злой духъ назывался Ангра-Майніу («духъ стѣснитель», «духъ тоски»). По ученію Зороастра, борьба до того времени, когда составлялась *Авеста*, оставалась нерѣшенной: побѣждалъ то Ормуздъ, то Ангра-Майніу или Ариманъ Но благо должно все-таки восторжествовать, Ариманъ будетъ обращенъ къ добру, и весь міръ тогда будетъ, по ученію *Авесты*, однимъ неизмѣримымъ царствомъ вѣчнаго свѣта и совершеннаго блаженства Каждому изъ этихъ боговъ подчинены второстепенные геніи, помогающіе имъ въ дѣлѣ сохраненія или разрушенія. Обряды религіи Зороастра въ началѣ были просты и чисты. Культъ состоялъ въ поддержаніи священнаго огня, который былъ символомъ божества, какъ это долго было въ домашнемъ культѣ эллиновъ и римлянъ и вообще народовъ арійской расы. Зороастръ всю мораль полагалъ въ соблюденіи добродѣтели и трудѣ, не требовалъ иныхъ обрядовъ, кромѣ молитвы; въ жертву закалывали лишь лошадей, быковъ и овецъ. Но по мѣрѣ того, какъ иранскіе арійцы перемѣшивались съ другими народами, подвигаясь къ Каспійскому морю и бассейну Тигра, ученіе Зороастра подвергалось все большему и большему искаженію. Въ историческія времена важнѣйшія

ни возліяній, ни флейты, ни лепешекъ, ни ячменя [1]). Кто желаетъ принести жертву тому или иному божеству, тотъ приводитъ животное на чистое мѣсто и призываетъ бога, украсивъ тіару вѣнкомъ, чаще всего изъ мирты. Просить при жертвоприношеніи благъ лишь для себя лично у нихъ не принято: всякій молится о благополучіи всѣхъ персовъ и царя, такъ какъ въ числѣ персовъ подразумѣвается и онъ самъ. Разрѣзавъ жертвенное животное на мелкія части, персъ варитъ мясо, подстилаетъ траву, которая помягче, чаще всего трилистникъ, и кладетъ на нее все мясо. Послѣ этого стоящій рядомъ магъ поетъ пѣснь, которая, по словамъ персовъ, повѣствуетъ о происхожденіи боговъ [2]). Безъ мага совершать жертву у нихъ не принято. Выждавъ нѣкоторое время, принесшій жертву уноситъ съ собой мясо и употребляетъ его, какъ ему вздумается.

Изъ всѣхъ дней болѣе всего персы почитаютъ день рожденія. Въ этотъ день они считаютъ обязательнымъ подать больше кушаній, чѣмъ въ другіе дни. Богачи подаютъ быка, коня, верблюда, осла, цѣликомъ изжаренныхъ въ печахъ; бѣдняки довольствуются мелкимъ скотомъ. Блюдъ у нихъ не много, но десерту всякаго подается много, и притомъ не все сразу. Поэтому объ эллинахъ персы говорятъ, что тѣ встаютъ изъ-за стола впроголодь, такъ какъ послѣ обѣда у нихъ не подносятъ ничего, стоющаго вниманія; а

иранскія племена—мидяне и персы утратили уже чистое ученіе маздеизма. Мидяне перемѣшали его съ суевѣріями *магизма*. Маги, составлявшіе первоначально жреческую касту у скиѳскихъ племенъ туранской расы, жившей по сосѣдству съ Каспійскимъ моремъ, научили мидянъ наравнѣ съ священнымъ огнемъ поклоняться землѣ, водѣ и воздуху, одинаково почитать Аримана и Ормузда. Магизмъ перешелъ и къ персамъ.

[1]) Персидскій жертвенный обрядъ Геродотъ сравниваетъ съ эллинскимъ. Возліянія у эллиновъ совершались и при сожиганіи жертвенныхъ животныхъ и въ видѣ самостоятельной, безкровной жертвы при заключеніи договоровъ, при молитвахъ за усопшихъ, на пирахъ и т. д.; возливали на алтарь вино, медъ, молоко, масло. Къ безкровнымъ жертвамъ относилось и возложеніе лепешекъ, особенно медовыхъ. Ячменемъ, смѣшаннымъ съ солью, жрецъ посыпалъ затылокъ животнаго передъ его закланіемъ.

[2]) *Авеста* дѣлится на три книги: *ясна* — молитвы, *вандидатъ* — діалогъ между Ормуздомъ и Ариманомъ о сотвореніи міра, о золотомъ вѣкѣ и т. д., *висперед*ъ—тоже молитвы, но менѣе обширныя по объему. Это полное собраніе составлено уже послѣ Р. Х.; древнѣйшимъ произведеніемъ, восходящимъ до VI в. до Р. Х., считаютъ вторую часть *ясны*.

если что подносили бы, то они не отказались бы ѣсть. Вино персы очень любятъ. Серьезнѣйшія дѣла они обыкновенно обсуждаютъ въ пьяномъ видѣ. На другой день хозяинъ дома, въ которомъ шло обсужденіе, снова предлагаетъ имъ принятое рѣшеніе, уже трезвымъ. Если оно нравится имъ и въ трезвомъ видѣ, они принимаютъ его; если же нѣтъ, отвергаютъ. А что предварительно рѣшатъ въ трезвомъ видѣ, то снова пересматриваютъ въ пьяномъ видѣ.

При взаимныхъ встрѣчахъ персовъ на улицахъ можно узнать, одинаковаго ли ранга встрѣтившіеся. Вмѣсто устнаго привѣтствія они цѣлуютъ другъ друга въ уста; если одинъ по званію нѣсколько ниже другого, то они цѣлуются въ щеки; если значительно ниже, то первый падаетъ ницъ. Послѣ самихъ себя персы больше всего почитаютъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, затѣмъ слѣдующихъ за ними и т. д., смотря по разстоянію. Въ наименьшей чести у нихъ тѣ, которые дальше всего отъ нихъ живутъ. Они думаютъ, что сами они далеко превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ остальное человѣчество, что остальные народы причастны доблести лишь въ указанной пропорціи, такъ что самые отдаленные оказываются самыми худшими.

Чужеземные обычаи персы перенимаютъ охотнѣе всѣхъ другихъ народовъ. Даже платье они носятъ мидійское, находя, что оно красивѣе ихъ національнаго, а на войнѣ носятъ египетскіе панцыри.

Послѣ военной доблести, наибольшей заслугой у нихъ считается—имѣть много дѣтей. У кого больше всего дѣтей, тому царь ежегодно посылаетъ подарки. Дѣтей они обучаютъ, съ пяти до двадцати лѣтъ, всего лишь тремъ предметамъ: ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. Пока не исполнится пять лѣтъ, ребенокъ не показывается на глаза отцу, а живетъ у женщинъ. Дѣлается это для того, чтобы, въ случаѣ смерти ребенка въ раннемъ дѣтствѣ, потеря его не причинила отцу никакого огорченія.

Я нахожу похвальнымъ этотъ обычай, а равно и тотъ, что и царь не казнитъ у нихъ за одну вину и ни одинъ изъ персовъ не наказываетъ смертью своихъ слугъ изъ-за одного преступленія. Они тогда лишь даютъ волю своему гнѣву, когда, разслѣдовавъ все, найдутъ, что проступки многочисленнѣе и важнѣе заслугъ. Говорятъ, что у нихъ ни разу никто еще не убилъ своего отца или матери; а если подобные случаи бывали, то по изслѣдованіи непремѣнно оказы-

валось, что это дѣло какого-нибудь подкидыша. Совершенно невѣроятно, говорятъ они, чтобы родитель могъ быть убитъ собственнымъ сыномъ или дочерью.

Что у нихъ не дозволено дѣлать, о томъ нельзя и говорить. Самымъ позорнымъ дѣломъ считается—лгать, затѣмъ—имѣть долги; послѣдняго они избѣгаютъ, въ числѣ многихъ другихъ причинъ, главнымъ образомъ потому, что должнику поневолѣ де приходится говорить подчасъ ложь. Кто изъ горожанъ заболѣваетъ проказой, того не пускаютъ въ городъ, и онъ не входитъ въ сношенія съ остальными персами. О такомъ человѣкѣ говорятъ, что онъ погрѣшилъ въ чемъ-нибудь противъ солнца. Всякаго иноземца, заразившагося этою болѣзнью, они изгоняютъ изъ страны; многіе преслѣдуютъ даже бѣлыхъ голубей по той же причинѣ [1]). Въ рѣку они никогда не плюютъ, не моютъ въ ней рукъ и никому не позволяютъ этого: рѣки у нихъ пользуются особымъ почитаніемъ.

Всѣ эти обычаи я знаю и могу говорить о нихъ съ полною достовѣрностью. А одинъ обычай хранится у нихъ въ тайнѣ: открыто о немъ не говорятъ: трупъ умершаго перса погребается будто не прежде, чѣмъ онъ будетъ растерзанъ птицей или собакой. Относительно маговъ я знаю это доподлинно: они дѣлаютъ это открыто. Прежде чѣмъ похоронить, трупъ покрываютъ воскомъ [2]). Маги рѣзко от-

[1]) Проказа извѣстна была уже въ самой глубокой древности, за 4.300 лѣтъ до Р. Х. У всѣхъ народовъ и вездѣ прокаженныхъ старались выдѣлить изъ человѣческаго общества. Въ средніе вѣка на Западѣ прокаженные носили особую черную одежду съ нашитыми на груди бѣлыми знаками, шляпу съ широкой бѣлой тесьмой и «трещетку Лазаря», которою они должны были предупреждать прохожихъ о своемъ приближеніи. Наше слово «лазаретъ» напоминаетъ о больницахъ для прокаженныхъ (lazaretti), которыя устраивалъ орденъ св. Лазаря, ставившій себѣ цѣлью—ухаживать за прокаженными.—Больные въ первое время болѣзни бываютъ покрыты свѣтлокрасными пятнами и бѣлыми рубцами; бѣлый цвѣтъ голубей напоминалъ персамъ язвы прокаженнаго, и они считали такихъ голубей носителями заразы; въ Индіи и теперь еще на бѣлыхъ животныхъ смотрятъ какъ на больныхъ.

[2]) Огонь, землю и воду персы почитали чистыми стихіями, которыя нельзя было осквернять трупами. Поэтому тѣло умершаго нельзя было ни сожигать, ни зарывать въ землю, ни бросать въ рѣку. Существовало два способа избавиться отъ трупа, не оскверняя при этомъ стихій. Тѣло покрывали воскомъ и затѣмъ уже зарывали въ землю: восковая оболочка разъединяла трупъ и стихію. Или же тѣло оставляли на воздухѣ, на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Для этого трупы выставлялись на искусственныхъ возвышеніяхъ или на особыхъ круглыхъ башняхъ, которыя носили названіе *дакмасъ*, т. е «памятники».

личаются отъ остальныхъ людей и отъ египетскихъ жрецовъ. Послѣдніе считаютъ священнымъ долгомъ не умерщвлять ни одного живого существа, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они приносятъ жертву. Маги же собственноручно умерщвляютъ все, кромѣ собаки и человѣка: у нихъ это считается даже большой заслугой, они убиваютъ одинаково и муравьевъ, и змѣй, и всякихъ пресмыкающихся и пернатыхъ.

Киръ у массагетовъ. Когда Киръ покорилъ вавилонянъ, ему очень захотѣлось подчинить и массагетовъ. Народъ этотъ слыветъ многочисленнымъ и сильнымъ, живетъ къ востоку, за рѣкой Араксомъ, противъ исседоновъ. Иные утверждаютъ, что народъ этотъ—скиѳскій.

Что касается Аракса, то одни говорятъ, что онъ больше Истра, другіе—что меньше. На немъ, говорятъ, много острововъ, величиною съ Лесбосъ. Населеніе ихъ питается всякими кореньями, которые выкапываетъ лѣтомъ, а для пропитанія зимою запасается плодами, которые находитъ въ спѣломъ видѣ на деревьяхъ. Говорятъ, что здѣсь найдены деревья, плоды которыхъ обладаютъ совершенно особыми свойствами. Жители собираются кучками въ одно мѣсто, зажигаютъ костеръ, усаживаются кругомъ и бросаютъ плоды въ огонь; вдыхая запахъ горящаго плода, брошеннаго въ огонь, они пьянѣютъ отъ этого, какъ эллины отъ вина; чѣмъ больше бросаютъ плодовъ, тѣмъ опьяненіе бываетъ сильнѣе, пока вставши не пускаются всѣ въ пляску, сопровождаемую пѣніемъ. Таковы, по разсказамъ, ихъ средства къ жизни. Рѣка же Араксъ течетъ изъ страны матіеновъ, откуда беретъ начало и Гиндъ, изъ котораго Киръ провелъ 360 каналовъ. Араксъ изливается сорока устьями, которыя всѣ, кромѣ одного, теряются въ топяхъ и болотахъ; здѣсь, говорятъ, живутъ люди, питающіеся сырой рыбой и употреблющіе вмѣсто одежды тюленьи шкуры. Одно изъ устьевъ Аракса течетъ по открытой мѣстности, вливаясь въ Каспійское море. Это—море, существующее само по себѣ, не сливающееся ни съ какимъ другимъ. То море, по которому во всѣхъ направленіяхъ плаваютъ эллины, и море за Столбами, извѣстное подъ именемъ Атлантическаго, представляютъ, вмѣстѣ съ Эриѳрейскимъ моремъ, одно цѣлое, а Каспійское море—это другое, особое.

Длина его—пятнадцать дней плаванія на веслахъ, а

наибольшая ширина—восемь дней плаванія. Вдоль западнаго берега этого моря тянется Кавказъ, самый обширный и высокій изъ всѣхъ горныхъ хребтовъ. Кавказъ заключаетъ въ себѣ множество различныхъ племенъ, которыя добываютъ себѣ пищу большею частью въ дикомъ лѣсу. У нихъ, говорятъ, есть деревья, доставляющія особаго вида листья; листья эти растираютъ, разбавляютъ водою и этимъ составомъ рисуютъ на одеждѣ изображенія животныхъ. Фигуры эти не смываются, а изнашиваются лишь вмѣстѣ съ шерстью, какъ будто они были вытканы при производствѣ матеріи.

Такимъ образомъ съ запада Каспійское море ограничено Кавказомъ, съ востока же къ нему примыкаетъ необозримая равнина. Не малую часть этой великой равнины занимаютъ массагеты [1]), на которыхъ Киръ задумалъ итти войною. Много важныхъ причинъ побуждало его къ этому: прежде всего—обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе, вслѣдствіе которыхъ онъ считалъ себя чѣмъ-то выше человѣка; затѣмъ—его счастье въ войнахъ: куда онъ ни ходилъ въ походъ, ни одинъ народъ не могъ отъ него ускользнуть.

---

[1]) Араксъ представлялся Геродоту огромной рѣкой (по величинѣ онъ сравниваетъ ее съ Истромъ—Дунаемъ), протекающей на сѣверо-востокѣ Персіи. Въ этомъ представленіи сливались въ одно цѣлое свѣдѣнія о двухъ большихъ рѣкахъ, текущихъ въ Аральское море, Аму-Дарьѣ и Сыръ-Дарьѣ. Картина устьевъ этихъ рѣкъ и нынѣ соотвѣтствуетъ описанію Геродота: рѣки эти, особенно Аму-Дарья, не доходя моря, превращаются въ обширныя топи, поросшія камышомъ, изъ которыхъ потомъ идутъ многочисленные рукава къ морю съ просвѣтленною водою. Цѣлый рядъ протоковъ, рукавовъ и озеръ соединяетъ обширныя дельты обѣихъ рѣкъ. Очертанія дельтъ постоянно и быстро мѣняются; южный и восточный берегъ моря весь наносный. По словамъ Геродота, Араксъ однимъ рукавомъ вливается въ Каспійское море. И дѣйствительно, отъ нижняго теченія Аму-Дарьи и нынѣ тянется къ Михайловской бухтѣ Каспійскаго моря узкая долина Узбой, покрытая песками и цѣпью соляныхъ озеръ, похожая на старинное рѣчное русло: полагаютъ, что этимъ рукавомъ Аму-Дарья выходила прежде въ Каспійское море. Въ новѣйшее время не мало являлось проектовъ направить рѣку въ прежнее русло съ цѣлью оживить прилегающую къ нему пустыню. Такихъ огромныхъ острововъ, которые подходили бы по величинѣ къ Лесбосу, на рѣкахъ не могло быть, если не считать самыхъ дельтъ; самый большой островъ Аральскаго моря, Косъ-Аралъ, нынѣ лежитъ противъ устья Сыръ-Дарьи. Нынѣ на Аму-Дарьѣ не питаются уже сырой рыбой и не одѣваются въ тюленьи шкуры: эти бытовыя черты теперь мы находимъ лишь у народовъ крайняго сѣвера; припомнимъ, напр., что самое имя самоѣдовъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи, указываетъ на то, что они ѣдятъ рыбу сырою («самоѣды» есть искаженіе слова «сыроѣды»).—Каспійское море Геродотъ правильно

Царицей массагетовъ была вдова, по имени Томирисъ. Киръ черезъ пословъ сталъ для виду свататься, какъ будто желая жениться на ней. Но Томирисъ поняла, что Киръ подбирается не къ ней, а къ царству массагетовъ, и запретила имъ входъ въ царство. Когда хитрость не удалась, Киръ двинулъ войско къ Араксу и открыто началъ войну, строя на рѣкѣ мосты для переправы, а на судахъ, предназначенныхъ для перевозки воиновъ, высокія палубы.

Пока онъ былъ занятъ этой работой, Томирисъ послала къ нему вѣстника съ такими словами: «Царь мидянъ! Брось всѣ хлопоты: вѣдь ты не можешь знать, къ добру ли все это поведетъ. Царствуй надъ своими, а намъ дай властвовать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ мы властвуемъ. Если же ты не желаешь принять мой совѣтъ, если для тебя нѣтъ ничего хуже, какъ оставаться въ покоѣ, и тебѣ очень хочется помѣриться съ массагетами, будь по твоему; но все же брось напрасный трудъ: не наводи мостовъ. Мы отой-

---

читаетъ внутреннимъ моремъ; жившіе послѣ него географы: Эратосѳенъ, Страбонъ и др., считали это море лишь заливомъ Чернаго моря или океана; мнѣніе Геродота вновь принято было только во II в. по Р. Х. географомъ Птоломеемъ. Остальныя моря, извѣстныя древнему міру, являются у Геродота соединенными между собою, какъ это и въ дѣйствительности: за Средиземнымъ моремъ идетъ на крайнемъ западѣ Атлантическое море, отдѣленное отъ Средиземнаго Столбами (Геркулесовы Столбы, поставленные Геркулесомъ на краю свѣта, это скалы Гибралтарскаго пролива); Атлантическое на югѣ Ливіи, какъ называлъ Геродотъ Африку, соединяется Южнымъ океаномъ съ Эриѳрейскимъ моремъ, подъ которымъ у Геродота разумѣется Индійскій океанъ со всѣми его частями и заливами.—Араксъ течетъ, по словамъ Геродота, изъ земли матіеновъ, откуда беретъ начало и Гиндъ. Матіены были подвластны персамъ и участвовали потомъ въ походѣ Ксеркса на Элладу; Гиндъ—притокъ Тигра (нынѣ Діяла). Геродотъ разсказываетъ странную исторію о томъ, какъ Киръ вознегодовалъ на эту рѣку зато, что она потопила одну изъ его священныхъ лошадей, и рѣшился въ наказаніе превратить ее въ ручей, такъ чтобы женщины могли переходить ее, не замочивъ колѣнъ. Для этого онъ пріостановилъ свой походъ на Вавилонъ, расположилъ войско длинными рядами по берегамъ рѣки и намѣтилъ 360 отводныхъ каналовъ, чтобы отвести въ нихъ воду изъ рѣки; цѣлое лѣто войско занято было выкапываніемъ этихъ каналовъ. Новѣйшіе ученые доказываютъ, что Киръ могъ итти на Вавилонъ только съ юга и, значитъ, ему не приходилось переходить Гиндъ.—Обитавшіе по Араксу массагеты послѣ Кира не появлялись уже на страницахъ исторіи. Бытовыя черты, приводимыя Геродотомъ, принадлежатъ и множеству другихъ кочевыхъ народовъ, такъ что по нимъ нельзя выслѣдить, что стало съ этимъ народомъ потомъ, куда онъ переселился, съ какими племенами слился и т. д.

демъ отъ рѣки на три дня пути, а ты тѣмъ временемъ переходи въ нашу землю; если же ты предпочитаешь насъ пустить въ свою страну, то сдѣлай то, что мы хотимъ сдѣлать». Выслушавъ это, Киръ созвалъ персидскихъ вельможъ. Когда они собрались, онъ изложилъ передъ ними дѣло, совѣтуясь, какъ поступить. Всѣ высказались за одно и предлагали пустить царицу съ войскомъ въ свою страну.

Однако лидянинъ Крезъ, бывшій тутъ же, отнесся съ порицаніемъ къ этому плану и далъ обратный совѣтъ. Онъ сказалъ: «Царь! я ужъ говорилъ тебѣ, что, разъ Зевсъ отдалъ меня въ твою власть, я долженъ отвращать, по мѣрѣ возможности, всякую бѣду, которая грозитъ, по моему мнѣнію, твоему дому. Мои несчастья стали для меня печальнымъ урокомъ. Если ты воображаешь себя безсмертнымъ, думая, что и войско твое таково же, то мнѣ не за чѣмъ высказывать свое мнѣніе. Но если ты сознаешь, что ты—человѣкъ и властвуешь надъ такими же людьми, то знай прежде всего, что человѣческія дѣла—это круговоротъ, не допускающій того, чтобы одни и тѣ же люди вѣкъ свой были счастливы. Поэтому и въ настоящемъ дѣлѣ я держусь совершенно иного мнѣнія, чѣмъ остальные. Если мы пустимъ непріятеля въ свою страну, тебѣ грозитъ не малая опасность: въ случаѣ пораженія ты вдобавокъ погубишь и все свое царство, ибо очевидно, что, если массагеты побѣдятъ, они не побѣгутъ назадъ и устремятся на твои области. Если ты побѣдишь, побѣда не будетъ настолько полною, какъ въ томъ случаѣ, если ты пройдешь въ ихъ страну, разобьешь ихъ тамъ и станешь преслѣдовать. Побѣдивши противниковъ, вѣдь ты все равно пойдешь прямо въ ихъ царство. Да и помимо всего этого, невыносимый позоръ для Кира, сына Камбиза,- отступать изъ страны передъ женщиной. По-моему, мы должны перейти рѣку и двигаться впередъ по мѣрѣ того, какъ врагъ будетъ удаляться, и только тогда ужъ попытаться одолѣть его. Массагеты, насколько я знаю, не извѣдали еще благъ, доступныхъ персамъ, и не испытывали великихъ удовольствій. Поэтому я предлагаю зарѣзать для этихъ людей побольше скота и приготовить въ нашемъ лагерѣ угощеніе, разставивъ побольше чашъ съ чистымъ виномъ и всякаго рода яствъ; устроивъ все это, мы должны оставить въ лагерѣ наиболѣе негодную часть войска, а съ остальными вернуться къ рѣкѣ Непріятели, если я не ошибусь, видя такую массу всякаго добра, кинутся на него, а намъ представится случай совершить великія дѣла».

Таковы были два мнѣнія. Киръ отвергъ первое и, склонившись на сторону Креза, предложилъ царицѣ отступать, такъ какъ онъ намѣренъ перейти въ ея страну. Та отступила, согласно съ прежнимъ своимъ обѣщаніемъ. Киръ препоручилъ Креза сыну своему Камбизу, которому передалъ и царскую власть, и наказывалъ ему почитать Креза и хорошо обходиться съ нимъ въ случаѣ, если походъ въ землю массагетовъ окончится неблагополучно. Давши такой наказъ и отославши обоихъ въ Персію, Киръ сталъ переправляться съ войскомъ черезъ рѣку.

Углубившись въ страну на одинъ день пути, Киръ привелъ въ исполненіе все, что совѣтовалъ Крезъ. Когда онъ отступилъ послѣ этого съ пригоднымъ для дѣла персидскимъ войскомъ, оставивъ на мѣстѣ негодную часть, явились массагеты, съ третьей частью своихъ военныхъ силъ, и стали избивать оставшихся, несмотря на сопротивленіе. Когда одолѣли противника, замѣтивъ приготовленное угощеніе, они расположились пировать; наѣвшись досыта и упившись виномъ, они легли наконецъ спать. Неожиданно вернувшіеся персы многихъ умертвили, еще больше забрали въ плѣнъ, между прочимъ и сына царицы, который предводительствовалъ массагетами. Звали его Спарганисомъ

Узнавъ объ участи, постигшей войско и сына, царица черезъ вѣстника обратилась къ Киру съ такою рѣчью: «О ненасытно кровожадный иноземецъ! не гордись случившимся, не гордись тѣмъ, что ты одолѣлъ моего сына,—не въ бою съ оружіемъ въ рукахъ, а путемъ обмана, съ помощью виноградняго плода, этого зелья, подъ вліяніемъ котораго вы такъ безумствуете, когда напиваетесь, что по мѣрѣ того, какъ тѣло наполняется виномъ, съ устъ у васъ такъ и сыплются скверныя слова. Послушайся же моего благого совѣта: отдай мнѣ сына и уходи безнаказанно изъ этой страны, хотя ты и нагло обошелся съ отрядомъ массагетскаго войска. Если же не сдѣлаешь этого, клянусь Солнцемъ, владыкою массагетовъ, что я напою тебя досыта кровью, хотя ты и ненасытенъ».

Киръ не обратилъ никакого вниманія на эти слова. Сынъ же царицы, Спарганисъ, когда протрезвился и понялъ всю крайность своего положенія, попросилъ Кира снять съ него оковы. Но лишь только его развязали и дали свободу рукамъ, онъ тотчасъ же покончилъ съ собою.

Когда онъ такимъ образомъ погибъ, а Киръ не послу-

шался царицы, послѣдняя, собравъ всѣ свои силы, вступила въ битву съ Киромъ. Битву эту я считаю самой жестокой изъ всѣхъ, происходившихъ между варварами. Подробности ея, какъ я слышалъ, были таковы. Сначала тѣ и другіе издали пускали другъ въ друга стрѣлы; затѣмъ, когда стрѣлы всѣ были потрачены, войска столкнулись и стали биться копьями и мечами. Сражавшіеся долго держались крѣпко и не помышляли о бѣгствѣ; наконецъ массагеты одолѣли. Большая часть персидскаго войска погибла на мѣстѣ, самъ Киръ былъ убитъ, послѣ двадцативосьми-лѣтняго царствованія. Томирисъ, наполнивъ мѣхъ человѣческой кровью и разыскавъ среди павшихъ персовъ трупъ Кира, опустила голову его въ мѣхъ. Издѣваясь надъ нею, она говорила: «Ты убилъ меня горемъ, коварно отнявши сына, хотя я все таки жива и даже побѣдила тебя въ сраженіи,—а я вотъ напою тебя досыта кровью, какъ обѣщала». Изъ многихъ разсказовъ о смерти Кира мной приведенъ здѣсь наиболѣе правдоподобный [1]).

По одеждѣ и образу жизни массагеты походятъ на скиѳовъ. Они частью конные, частью пѣшіе,—сражаются и тѣмъ и инымъ способомъ; одни изъ нихъ—стрѣлки, другіе копьеносцы; послѣдніе обыкновенно имѣютъ на копьѣ сѣкиру Всѣ вещи у нихъ изъ золота и мѣди. На копья, стрѣлы и сѣкиры у нихъ всегда идетъ мѣдь, а на головныя украшенія, пояса и перевязи—золото. Изъ мѣди же дѣлаютъ они нагрудные панцыри для коней, а на уздечки, удила и бляхи идетъ золото. Желѣза и серебра они совсѣмъ не употребляютъ: этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ; золото же и мѣдь встрѣчается въ изобиліи

Если кто очень состарится у нихъ, всѣ родственники сходятся и приносятъ его въ жертву, а вмѣстѣ съ нимъ и всякаго рода скотъ. Сваривши мясо, они поѣдаютъ его. Такой конецъ жизни у нихъ считается величайшимъ блаженствомъ. Кто же умретъ отъ болѣзни, того не поѣдаютъ, а хоронятъ въ землѣ, горюя о томъ, что ему не удалось быть принесен-

[1]) Историкъ Ктезій (въ IV в. до Р. Х.) разсказываетъ, что Киръ умеръ среди своего войска отъ раны, полученной въ битвѣ съ дикарями-дербиками, жившими гдѣ-то на сѣверо-востокѣ. По разсказу Ксенофонта, Киръ умираетъ у себя дома, въ глубокой старости, и передъ смертью ведетъ мудрыя бесѣды съ сыновьями. Персидскіе поэты, воспѣвая своего національнаго героя Кай-Кузру (Кира), повѣствуютъ, что онъ, въ преклонныхъ лѣтахъ уже, покинулъ свою свиту на берегу прекраснаго озера и съ тѣхъ поръ не возвращался

нымъ въ жертву [1]). Они ничего не сѣютъ; питаются продуктами скотоводства и рыбой, которая въ изобиліи добывается изъ рѣки Аракса. Пьютъ они молоко. Изъ боговъ почитаютъ лишь Солнце, которому приносятъ въ жертву коней. Основой этого обычая служитъ убѣжденіе, что быстрѣйшему изъ боговъ слѣдуетъ удѣлять быстрѣйшую изъ тварей.

---

[1]) Обычай убивать стариковъ распространенъ былъ у многихъ дикихъ народовъ. Въ былыя времена онъ существовалъ, напр., у чукчей, обитателей крайняго сѣверо-востока Сибири. Больному старику накидывали на шею веревку и гоняли его вокругъ юрты; если онъ не умиралъ при этомъ испытаніи, его тащили на кладбище и убивали; на его трупъ пускали собакъ, которыхъ потомъ и пожирали. Иногда старики, чувствуя себя на закатѣ жизни, созывали родственниковъ на пиръ; по окончаніи этого прощальнаго обѣда, старикъ ложился на землю и просилъ одного изъ своихъ друзей нанести ему сильный ударъ копьемъ; часто для этого нарочно нанимали какого нибудь силача. Стариковъ убивали для того, чтобы душа не одряхлѣла и не умерла вмѣстѣ съ тѣломъ, а продолжала жить въ потомствѣ, между родичами.

II. Египтяне.

Нравы и образъ жизни. Какъ климатъ въ Египтѣ отличается особыми свойствами, какъ Нилъ по своей природѣ не похожъ на прочія рѣки, [1]) точно такъ же почти всѣ нравы и обычаи египтянъ противоположны тому, что мы видимъ у другихъ народовъ. Женщины у нихъ ходятъ на площади и торгуютъ; мужчины, сидя дома, ткутъ; у прочихъ при тканьѣ толкаютъ утокъ вверхъ, у египтянъ внизъ; тяжести мужчины носятъ у нихъ на головѣ, женщины на плечахъ. Ни одна женщина не служитъ жрицей ни при одномъ, мужскомъ или женскомъ, божествѣ: жреческія обязанности при всѣхъ богахъ и богиняхъ исполняютъ лишь мужчины. Сыновья у нихъ, если не желаютъ, совершенно не обязаны

---

[1]) Рѣка Нилъ отличается отъ всѣхъ другихъ рѣкъ прежде всего своими необычайными наводненіями. Вода въ Нилѣ прибываетъ въ теченіе ста дней, начиная отъ лѣтняго солнцестоянія. Съ удивленіемъ разыскивалъ Геродотъ причину этихъ позднихъ наводненій. Одни говорили ему, что причина этого кроется въ дѣйствіи пассатныхъ вѣтровъ; другіе наводненіе объясняли тѣмъ, что Нилъ течетъ изъ океана, обнимающаго кругомъ землю; третьи утверждали, что Нилъ вытекаетъ изъ тающихъ снѣговъ. Геродотъ не вѣрилъ ни одному изъ объясненій и предложилъ свою собственную, очень запутанную и, конечно, совершенно недостовѣрную теорію: по его мнѣнію, въ теченіе зимы Нилъ потому скуденъ водою, что его воду притягиваетъ къ себѣ солнце, которое въ зимнюю пору «вытѣсняется бурями изъ своего обычнаго пути» и проходитъ черезъ «верхнюю Ливію», надъ верховьемъ Нила.

Не менѣе удивляло Геродота и то обстоятельство, что никто не зналъ истоковъ Нила. Онъ передаетъ полученное имъ изъ третьихъ уже рукъ извѣстіе, что разъ экспедиція ливійскаго народа насамоновъ пыталась было проникнуть въ тѣ далекія страны, откуда течетъ Нилъ. Много дней шли насамоны черезъ населенныя дикими звѣрями песчаныя пустыни; наконецъ, подошли къ невѣдомому оазису, гдѣ на равнинѣ росли деревья; только что путники хотѣли подкрѣпить свои силы плодами съ этихъ деревьевъ, откуда-то явились карлики, люди чернаго цвѣта, и потащили ихъ въ свой городъ, который весь былъ заселенъ такими же черными карликами. Мимо города протекала рѣка, въ ней были крокодилы,—это былъ Нилъ, но еще не верховья Нила. Двѣ ты-

кормить родителей; дочери, напротивъ, обязаны это дѣлать, хотя бы и не желали [1]).

Въ другихъ мѣстахъ жрецы носятъ длинные волосы, въ Египтѣ стригутъ ихъ. У остальныхъ народовъ принято, чтобы при трaурѣ наиболѣе близкія къ покойнику лица брили себѣ голову, египтяне въ этомъ случаѣ отпускаютъ волосы на головѣ и бородѣ, хотя раньше ходили остриженными. У другихъ люди живутъ врозь отъ животныхъ, у египтянъ вмѣстѣ; прочіе питаются пшеницей и ячменемъ, у египтянъ такое питаніе въ величайшемъ презрѣніи: они готовятъ хлѣбъ изъ олиры, которую иные называютъ просто полбой [2]). Тѣсто въ Египтѣ мѣсятъ ногами, глину руками;

сячи триста лѣтъ понадобилось человѣчеству на то, чтобы рѣшить наконецъ задачу, передъ которой безсильно стоялъ Геродотъ. Оно узнало Новый Свѣтъ, оно избороздило всѣ моря и океаны, сдѣлало тысячу открытій, проникло во всѣ невѣдомыя страны,—но все еще не знало истоковъ Нила. Они открыты лишь въ 1860—63 годахъ Спикомъ и Грантомъ, и Беккеръ, совершившій въ 63 г. первое путешествіе, среди негритянскихъ племенъ, населяющихъ верховья Нила, выполнилъ ту задачу, которая оставалась неоконченной со времени легендарной экспедиціи насамоновъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія истоковъ Нила, спустя двѣ тысячи триста лѣтъ послѣ смерти Геродота, нашли и черныхъ карликовъ. Стэнли, совершившій отважное путешествіе черезъ тысячеверстный лѣсъ центральной Африки, встрѣтилъ тамъ дикія племена негровъ-карликовъ, о которыхъ слышалъ Геродотъ, но которыхъ никто не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ цивилизованное человѣчество; мало того, люди въ теченіе тысячелѣтій считали разсказъ Геродота басней.

[1]) Пораженный своеобразной культурой Египта, Геродотъ съ удивленіемъ останавливается на тѣхъ бытовыхъ подробностяхъ, въ которыхъ египтяне не были похожи на эллиновъ. Но обобщенія Геродота иногда были слишкомъ поспѣшны. Теперь мы знаемъ бытъ египтянъ и изъ другихъ, еще болѣе достовѣрныхъ источниковъ: его изобразили сами египтяне своими собственными руками,—въ многочисленныхъ картинахъ, покрывающихъ стѣны ихъ храмовъ, гробницъ, зданій и до сихъ поръ уцѣлѣвшихъ. Женщины тутъ занимаются, какъ и вездѣ, своими обычными женскими дѣлами, мужчины, какъ и вездѣ, носятъ тяжести и на головѣ и на плечахъ и т. д. Стѣнная живопись воспроизводитъ всю древне египетскую жизнь во всемъ ея объемѣ и разнообразіи; тутъ мы видимъ домашній обиходъ, инструменты, хозяйство, одежды, занятія земледѣльца, охотника, птицевода, пиры, игры, забавы, пекарей, столяровъ, скульпторовъ, кожевниковъ, портныхъ, поваровъ, процессіи, сраженія, судебныя засѣданія и т. д., и т. д.

[2]) Въ Булакскомъ музеѣ (близъ Каира) путешественникъ можетъ видѣть цѣлые гербаріи изъ древне-египетскихъ цвѣтовъ, зеренъ и вѣтвей, найденныхъ въ гробницахъ. Оказывается, что въ Египтѣ въ изобиліи росли пшеница, ячмень, сорго (индѣйское просо), маисъ, кото-

навозъ подбираютъ тоже руками. Каждый изъ мужчинъ носитъ по двѣ одежды, женщины по одной [1]. Парусныя кольца и веревки у другихъ народовъ привязываютъ снаружи, у египтянъ изнутри корабля. Пишутъ и считаютъ камешками эллины отъ лѣвой руки къ правой, египтяне отъ правой къ лѣвой; сами, впрочемъ, они увѣряютъ, что пишутъ къ правой, а эллины къ лѣвой. Письмена у нихъ двоякаго рода; одни называются священными, другія простонародными [2].

Будучи крайне религіозными, больше всѣхъ другихъ народовъ, они въ религіи держатся слѣдующихъ обычаевъ. Пьютъ изъ мѣдной посуды, которую ежедневно чи-

---

рые, очевидно, и составляли обычную пищу простого народа. Полба (по туземному *олира*)—родъ пшеницы, съ ломкою соломою и зерномъ, крѣпко обложеннымъ пленками.

[1]) На стѣнныхъ картинахъ женщины изъ простого народа представлены одѣтыми въ длинное, доходящее до ступней, узкое, плотно облегающее платье, сверху нѣсколько не доходящее до шеи и поддерживаемое двумя тесемками, перекинутыми черезъ плеча.

[2]) Священныя письмена, или гіероглифы, представляли собою не буквы, а изображенія дѣйствительныхъ предметовъ. Если слово не означало предмета, т. е. было не именемъ существительнымъ, а напр., глаголомъ и мѣстоименіемъ, то такое слово изображалось въ священномъ письмѣ цѣлымъ рядомъ рисунковъ: каждый отдѣльный звукъ слова (кромѣ гласныхъ, которые вообще не изображались) обозначался фигурой такого предмета, названіе котораго начиналось съ этого звука; напр., чтобы написать слово *сот* «говоришь», рисовали змѣю и ладонь: змѣя, по-египетски *сетъ*, означала звукъ *с*; ладонь, по-египетски *тотъ*, означала звукъ *т*. Кромѣ того, рисункомъ обозначался не только данный, нарисованный предметъ, но и всѣ другія слова, состоящія изъ тѣхъ же согласныхъ; такъ корзиной съ ручкой обозначали и корзину *кот* и слово *кат* «мудрость», рисунокъ горы обозначалъ и гору (*тоу*) и понятіе «полный» (*то*). Число гіероглифовъ доходило до 600. Впослѣдствіи рисунки были значительно упрощены и сокращены, лишнія фигуры были выброшены,—и получилось упрощенное письмо, простонародное. Гіероглифамм писали на храмахъ, статуяхъ, обелискахъ, могилахъ и т. д., а въ обыденной жизни пользовались упрощеннымъ письмомъ. Читать гіероглифы научились лишь сто лѣтъ тому назадъ. Въ 1799 году въ Нижнемъ Египтѣ нашли камень съ тройною надписью: текстъ, написанный гіероглифами и простонароднымъ письмомъ, тутъ же былъ написанъ въ переводѣ и по-гречески; чтобы узнать, какому звуку соотвѣтствуетъ та или иная фигура, стали сличать имена собственныя, которыя, очевидно, и по-египетски произносились болѣе или менѣе сходно съ греческимъ произношеніемъ; изучивши звуки по написанію именъ собственныхъ, потомъ легко стали читать и всякій иной текстъ.—Гіероглифами писали не только отъ правой руки къ лѣвой, но и наоборотъ и, кромѣ того, часто сверху внизъ. Читать начинаютъ съ той стороны, въ какую смотрятъ головы или переднія стороны фигуръ.

стятъ; дѣлаютъ это всѣ, безъ всякаго исключенія. Одежду носятъ льняную, всегда свѣже вымытую,—на это обращаютъ большое вниманіе. Жрецы черезъ день стригутъ себѣ волосы на всемъ тѣлѣ, для того чтобы на нихъ не оказалось какой-нибудь нечистоты, когда они будутъ служить богамъ. Одежду жрецы носятъ исключительно льняную, обувь же изъ папируса: имъ нельзя надѣвать иного платья, иной обуви. Моются они холодной водой дважды въ день и дважды въ ночь. Они соблюдаютъ сотни и другихъ обрядовъ. Зато они пользуются и немалыми преимуществами. Изъ собственнаго имущества они ничего не потребляютъ и не расходуютъ: у нихъ есть священный печеный хлѣбъ, каждому ежедневно достается большое количество воловьяго мяса и гусей; доставляютъ имъ и виноградное вино. Рыбы вкушать имъ нельзя. Бобовъ египтяне у себя не сѣютъ, а дикорастущіе бобы не употребляются въ пищу ни сырыми ни вареными. Жрецы не выносятъ даже вида бобовъ, считая ихъ нечистымъ зельемъ. При каждомъ божествѣ состоитъ не одинъ жрецъ, но много; одинъ изъ нихъ бываетъ главнымъ. Когда кто умираетъ, его мѣсто занимаетъ сынъ.

Быковъ египтяне считаютъ принадлежащими Эпафу [1]) и поэтому тщательно испытываютъ ихъ Если на быкѣ замѣтятъ хоть одинъ черный волосъ, быка считаютъ нечистымъ. Изслѣдованіе производится приставленнымъ къ этому жре-

---

[1]) По эллинскимъ легендамъ, Эпафъ—сынъ Іо и Зевса, царь Египта, построившій Мемфисъ. Вслѣдствіе сходства именъ Эпафомъ эллины стали называть египетскаго *аписа*, священнаго быка, которому поклонялись въ Мемфисѣ.—Божества Египта были божествами солнца, стихій и усопшихъ. Каждая мѣстность почитала свою особую троицу, состоявшую изъ отца, матери и сына. Мы знаемъ троицу ѳивскую (Аммонъ, Мутъ, Хонсъ), мемфисскую (Фта, Захтъ, Имутесъ), абидскую (Озирисъ, Изида, Горъ). Египтяне вѣрили, что каждое божество во время своего пребыванія на землѣ выбираетъ себѣ какое-нибудь животное и принимаетъ его тѣло. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ воплощеній божества въ тѣла животныхъ былъ *аписъ* или *гапи*, котораго называли «второю жизнью Фта» и «душою Озириса». Съ величайшимъ тщаніемъ разыскивали жрецы аписа по особымъ признакамъ: онъ долженъ быть чернаго цвѣта, съ бѣлымъ треугольнымъ пятномъ на лбу; на спинѣ у него должно быть изображеніе орла, на языкѣ изображеніе жука, хвостъ долженъ быть съ двойными волосами. Аписъ жилъ въ часовнѣ, прилегавшей къ главному храму бога Фта. Послѣ смерти его страна облекалась въ трауръ, и ему устраивали торжественные похороны. На мемфисскомъ кладбищѣ была высѣчена въ скалѣ галлерея съ боковыми комнатами; въ эту комнату клали мумію умершаго аписа и тотчасъ же закладывали входъ въ нее. Умершій аписъ становился

цомъ, при чемъ быка ставятъ на ноги, кладутъ навзничь, вытягиваютъ ему языкъ, чтобы посмотрѣть, свободенъ ли онъ отъ особаго рода знаковъ. Жрецъ осматриваетъ и волосы на хвостѣ,—натуральнымъ ли образомъ они выросли. Если послѣ всего этого быкъ оказывается чистымъ, жрецъ помѣчаетъ его, обертывая рога папирусомъ; затѣмъ, налѣпивъ глины, онъ припечатываетъ ее перстнемъ; послѣ этого быка уводятъ. Принесшему въ жертву немѣченнаго быка полагается смертная казнь.

Такъ производится изслѣдованіе животнаго; жертвоприношеніе же у египтянъ совершается слѣдующихъ образомъ. Приведши отмѣченное животное къ алтарю, гдѣ хотятъ принести жертву, разжигаютъ огонь; затѣмъ, возливъ съ жертвеннаго животнаго на алтарь вино и призвавши божество, убиваютъ быка; у убитаго быка отрѣзываютъ голову. Туловище обдираютъ; надъ головой произносятъ всякія заклинанія, затѣмъ или несутъ ее на рынокъ, къ эллинскимъ купцамъ, если они есть въ городѣ, и продаютъ или, если эллиновъ нѣтъ, выбрасываютъ въ рѣку. Заклинанія же надъ головами бываютъ въ такомъ родѣ: «да обратится на эту голову всякая бѣда, которая угрожаетъ приносящему жертву или цѣлому Египту».

Снявши кожу съ быка и совершивши молитву, вынимаютъ изъ него цѣликомъ желудокъ; верхнія внутренности и жиръ оставляютъ, а бедра, хвостецъ, плечи и шею отрѣзаютъ. Послѣ этого тушу наполняютъ чистымъ хлѣбомъ, медомъ, изюмомъ, винными ягодами, ладаномъ, смирною и другими благовоніями. Наполнивши этимъ тушу, сжигаютъ ее, обильно поливая масломъ. Жертву приносятъ послѣ предварительнаго поста; при сожженіи ея всѣ ударяютъ себя въ грудь, а послѣ этихъ выраженій печали остатки отъ жертвы подаются въ видѣ трапезы.

Озирисомъ и принималъ имя Озиръ-аписа, изъ котораго эллины произвели потомъ названіе своего бога Серапееса. Усыпальница аписовъ называлась у эллинскихъ писателей Серапсемъ. Въ 1852 году французскій изслѣдователь Маріеттъ, производя раскопки на мѣстѣ древняго мемфисскаго кладбища, нашелъ погребальную палату аписовъ, которая замурована была въ царствованіе Рамзеса II Великаго. На тонкомъ слоѣ песка, покрывавшаго поле, ученый изслѣдователь увидѣлъ отпечатокъ босыхъ ногъ работниковъ, клавшихъ апи въ гробъ 3230 лѣтъ тому назадъ. Изъ числа 64 гробницъ аписа Маріеттомъ найдены были только четыре; остальныя разрушены были раньше.

Непорочныхъ быковъ и телятъ приносятъ въ жертву всѣ египтяне; коровъ же имъ нельзя приносить въ жертву: онѣ посвящены Изидѣ. Изиду изображаютъ въ видѣ женщины съ рогами коровы, въ родѣ того, какъ эллины изображаютъ Іо [1]). Коровъ всѣ вообще египтяне чтутъ гораздо болѣе, чѣмъ остальной скотъ.

Павшій скотъ они погребаютъ слѣдующимъ образомъ. Коровъ опускаютъ въ рѣку, а быковъ каждый зарываетъ въ предмѣстьяхъ, такъ чтобы одинъ рогъ или оба торчали изъ земли для обозначенія мѣста погребенія. Когда животное сгніетъ и наступитъ установленное время, въ каждый городъ приходитъ судно съ острова, называемаго Просопитидой. Островъ этотъ расположенъ въ Дельтѣ и имѣетъ въ окружности десять схеновъ [2]). На немъ много городовъ; а тотъ городъ, изъ котораго прибываютъ сюда за костями быковъ, называется Атарбехисомъ; въ немъ есть храмъ, посвященный Артемидѣ [3]). Многіе жители изъ этого города странствуютъ по другимъ городамъ, вырываютъ кости, увозятъ ихъ и хоронятъ въ одномъ мѣстѣ. Подобнымъ же образомъ египтяне хоронятъ и прочій павшій скотъ,—и на этотъ счетъ у нихъ установлены особые законы, ибо они не убиваютъ даже скота.

Храня отцовскіе обычаи, египтяне не принимаютъ ничьихъ иныхъ. На пиршествахъ у египетскихъ богачей, по окончаніи обѣда, слуга обноситъ деревянное изображеніе мертвеца въ гробу, въ высшей степени похожее по окраскѣ и отдѣлкѣ, въ одинъ или два локтя величиною. Его показываютъ каждому изъ гостей со словами: «пей и насла-

---

[1]) Супруга Озириса, Изида, была богинею луны; луна считалась источникомъ жизни, поэтому Изида стала также богинею плодородія, дающею жизнь растеніямъ, животнымъ и людямъ. Ее изображали со скипетромъ, символомъ царской власти, въ лѣвой рукѣ и съ крестомъ, символомъ жизни, въ правой. Надъ головнымъ ея уборомъ изъ ястребиныхъ перьевъ, ниспадавшихъ вдоль щекъ, возвышались два коровьи рога, символъ полумѣсяца, обнимающіе солнечный дискъ.—Іо, аргивская жрица, обращенная ревнивою Герою въ корову и охраняемая тысячеглазымъ Аргосомъ, это тоже странствующая по небу богиня луны: Аргосъ - звѣздное небо, корова съ рогами—символъ полумѣсяца.

[2]) Схенъ—мѣры длины у египтянъ въ 60 эллинскихъ стадій.

[3]) Подъ Артемидой разумѣется дочь Озириса и Изиды Анта, названная эллинами Бубастисъ, по имени города, въ которомъ совершалось главное ея празднество, описанное Геродотомъ. Какъ Изида и эллинская Артемида, она была богинею луны и изображалась съ головою кошки.

ждайся, но взгляни и на это: умрешь—и самъ будешь такимъ».
Такъ поступаютъ они на пирахъ.

Младшіе при встрѣчѣ со старшимъ уступаютъ дорогу, сворачиваютъ и, при входѣ послѣднихъ, встаютъ съ мѣстъ. На улицахъ вмѣсто словеснаго привѣтствія они кланяются другъ другу, опуская руку до колѣна.

Каждый мѣсяцъ и день у нихъ посвященъ какому-нибудь богу; по тому, въ какой день кто родился, они угадываютъ, что случится съ нимъ въ жизни, какою смертью умретъ, какимъ будетъ. Эллинскіе поэты воспользовались этимъ знаніемъ. Чудесъ у нихъ больше наблюдалось, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ людей. Когда у нихъ случается чудо, они записываютъ его и наблюдаютъ, къ чему оно поведетъ; если впослѣдствіи случится что-либо подобное же, они ожидаютъ и исхода такого же.

Врачебное искусство поставлено у нихъ такимъ образомъ: каждый врачъ лѣчитъ одну только болѣзнь, а не всѣ. У нихъ цѣлая масса врачей: одни лѣчатъ глаза, другіе голову, третьи зубы, четвертые желудокъ, пятые внутреннія болѣзни.

Оплакиваніе и похороны совершаются такъ: если въ домѣ скончался человѣкъ, пользовавшійся извѣстнымъ значеніемъ, всѣ женщины изъ этого дома тотчасъ намазываютъ голову или даже лицо грязью, затѣмъ, оставивъ покойника въ домѣ, подпоясавшись и обнаживъ грудь, мечутся по городу и бьютъ себя въ грудь; то же дѣлаютъ и всѣ родственницы. Мужчины, съ своей стороны, также бьютъ себя въ грудь, подпоясавшись подобно женщинамъ. Продѣлавъ все это, трупъ несутъ для бальзамированія.

Тамъ есть особыя лица, занятыя бальзамированіемъ и искусные въ своемъ дѣлѣ. Когда принесутъ къ нимъ трупъ, они показываютъ принесшимъ деревянныя модели покойниковъ, раскрашенныя, какъ слѣдуетъ, и спрашиваютъ, по какому способу желательно имъ оправить покойника. Тѣ, условившись въ цѣнѣ, удаляются; а мастера приступаютъ къ бальзамированью [1].

---

[1] Египтяне были однимъ изъ первыхъ народовъ древности, вѣровавшимъ въ безсмертіе души. По ихъ вѣрованіямъ, душа, разлучившись съ тѣломъ, тотчас являлась передъ Озирисомъ и загробными судьями на судъ. Ее подвергали допросу, и она должна была защищаться. Если она могла доказать, что въ теченіе своей земной жизни она не совершила ни одного преступленія, ни одной несправедливости,

Если найдутъ мертвое тѣло египтянина или иноземца, схваченнаго крокодиломъ или утонувшаго въ рѣкѣ, то жители того города, къ которому пристанетъ трупъ, обязаны набальзамировать его, убрать какъ можно лучше и похоронить въ священной гробницѣ. Никто, даже изъ родственниковъ или друзей, не имѣетъ права касаться такого покойника: его погребаютъ собственноручно жрецы Нила [1]), какъ будто это было нѣчто болѣе важное, чѣмъ мертвый человѣкъ.

Для удешевленія пропитанія египтяне, живущіе въ болотахъ, придумали слѣдующее средство. Когда рѣка дѣлается полноводной и заливаетъ равнины, въ водѣ выростаетъ масса лилій, которыя египтяне зовутъ лотосомъ. Они срѣзываютъ ихъ, сушатъ на солнцѣ; затѣмъ вынимаютъ изъ середины цвѣтка зерна, похожія на макъ, разбиваютъ ихъ и пекутъ изъ нихъ на огнѣ хлѣбы. Корень этого лотоса тоже съѣдобенъ и имѣетъ довольно сладкій вкусъ; онъ круглый, величиною съ яблоко Изъ болотъ вырываютъ и однолѣтній папирусъ. Верхушку его срѣзаютъ и употребляютъ въ дѣло, а оставшуюся нижнюю часть, съ локоть длиною, грызутъ или продаютъ. Кто желаетъ получить изъ папируса особенно вкусное кушанье, тотъ поджариваетъ его въ раскаленной печи и ѣстъ. Иные питаются только рыбой; пойманную рыбу потрошатъ, сушатъ на солнцѣ и ѣдятъ въ сухомъ видѣ.

Противъ огромной массы комаровъ египтяне придумали слѣдующее. Живущіе выше болотъ пользуются для этого башнями, на которыя взбираются во время сна: комары

что она почитала боговъ, уважала царя и старцевъ, была справедлива по отношеніи къ людямъ свободнымъ, добра къ рабамъ, любила бѣдныхъ и слабыхъ, то судьи ее оправдывали, и ей оставалось только пройти рядъ испытаній, которыя очищали ее и дѣлали достойною лицезрѣнія божества; осужденная же душа подвергалась мученіямъ и наконецъ обращалась въ ничто. Очистившаяся душа спустя долгое время по смерти могла быть снова призвана къ поселенію въ то тѣло, которое она нѣкогда оставила; поэтому тѣло должно было оставаться невредимымъ, готовымъ снова принять душу. Набальзамированные трупы клали въ некрополяхъ, настоящихъ подземныхъ городахъ, гдѣ они были предохранены отъ стихій и сохранялись въ цѣлости въ теченіе тысячелѣтій до нашихъ дней.

[1]) Египтяне обоготворяли Нилъ подъ различными именами и представляли это божество въ видѣ тучнаго мужчины съ водяными растеніями на головѣ и въ рукахъ. Въ Ватиканѣ есть колоссальная лежачая статуя бога Нила.

вслѣдствіе вѣтровъ не могутъ летать высоко. Жители болотъ вмѣсто башенъ придумали другое средство. Каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ неводъ; днемъ онъ ловитъ имъ рыбу, а ночью растягиваетъ его вокругъ постели, на которой спитъ, подлѣзаетъ подъ него и потомъ ложится. Если лечь спать, завернувшись въ платье или одѣяло, комары кусаютъ насквозь; но черезъ сѣть они даже не пробуютъ кусать.

Грузовыя суда египтяне дѣлаютъ изъ акаціи, по виду очень похожей на киренейскій лотосъ [1]). Изъ этого дерева выпиливаютъ бревна, локтя въ два длиною, складываютъ ихъ ребрами и сколачиваютъ; для этого ихъ пронизываютъ длинными, часто поставленными деревянными болтами. Сколотивши такимъ способомъ плотъ, кладутъ сверху поперечные брусья. Бортовъ здѣсь не бываетъ; пазы затыкаются папирусомъ; руль всего одинъ,—онъ проходитъ подъ низомъ; мачта бываетъ изъ акаціи, паруса изъ папируса. Суда эти вверхъ по рѣкѣ могутъ ходить только при сильномъ вѣтрѣ; обыкновенно ихъ тащутъ съ берега. По теченію судно идетъ такъ: изъ тамариска [2]) дѣлаютъ рѣшетку, переплетенную тростникомъ, и берутъ просверленный камень, таланта въ два вѣсомъ. Рѣшетку на канатѣ пускаютъ плыть впереди судна, а камень, на другомъ канатѣ, опускаютъ сзади. Подъ напоромъ теченія рѣшетка быстро несется впередъ и тащитъ за собою *барисъ* (такъ называется это судно), а камень, который тащится сзади, въ глубинѣ, направляетъ судно. Такихъ судовъ у египтянъ большая масса; иныя изъ нихъ поднимаютъ по многу тысячъ талантовъ груза.

Когда Нилъ разливается по странѣ, поверхъ воды виднѣются только города,—картина напоминаетъ острова въ Эгейскомъ морѣ. Весь Египетъ тогда превращается въ море, изъ котораго выдѣляются лишь города. Во время наводненія суда ходятъ уже не по руслу рѣки, а напрямикъ, по равнинѣ: изъ Навкратиса къ Мемфису плывутъ мимо самыхъ пирамидъ.

Почитаніе животныхъ. Съ животными египтяне обращаются такъ Для ухода за каждой породой назначены особые надсмотрщики, мужчины или женщины, при чемъ это

---

[1]) Киренейскій лотосъ не имѣетъ ничего общаго съ египетскимъ лотосомъ: это—дерево ююба, растущее въ Африкѣ, около Сиртъ (въ древней Киренаикѣ), и въ Италіи.

[2]) Тамарискъ—родъ кустарника.

званіе переходитъ отъ отца къ сыну. Жители городовъ данные ими обѣты выполняютъ слѣдующимъ образомъ. Молясь тому божеству, которому принадлежитъ то или иное животное, они стригутъ дѣтямъ голову, всю, половину или третью часть, и взвѣшиваютъ на вѣсахъ эти волосы на серебро; сколько потянетъ, столько и вручаютъ серебра надсмотрщицѣ надъ животными, а она рѣжетъ на эти деньги рыбы и даетъ ее въ пищу животнымъ. Если кто убьетъ одно изъ этихъ животныхъ съ умысломъ, то наказывается смертью; если же безъ умысла, то платитъ штрафъ, какой назначатъ жрецы. Но кто убьетъ ибиса или ястреба, тому все равно приходится умирать, съ умысломъ ли онъ сдѣлалъ или безъ умысла.

Если кошка умретъ въ домѣ своею смертью, всѣ обитатели дома стригутъ себѣ брови; если умретъ собака, брѣютъ все тѣло и голову. Умершихъ кошекъ отвозятъ въ священныя зданія, бальзамируютъ тамъ и хоронятъ въ городѣ Бубастѣ. Собакъ хоронятъ каждый въ своемъ городѣ, въ священныхъ гробницахъ. Точно такимъ же образомъ погребаютъ и ихнемвоновъ. Землероекъ и ястребовъ отвозятъ въ городъ Буто, ибисовъ—въ Гермополь. Медвѣдей, которые тамъ рѣдки, и волковъ, которые немного больше лисицъ, хоронятъ тамъ, гдѣ находятъ ихъ павшими [1]).

[1]) Въ первобытныя времена животнымъ поклонялись изъ страха передъ ихъ силой, какъ крокодилу, или въ благодарность за услуги, ими оказываемыя; такъ ибисъ пожиралъ вредныхъ змѣй, которыми покрывалась земля послѣ наводненій; кошка вела борьбу съ крысами, которыя прогрызали рѣчныя плотины; быкъ вспахивалъ покрытую нильскимъ иломъ почву и т. д. Впослѣдствіи въ глазахъ жрецовъ животныя перестали быть богами: на нихъ стали смотрѣть лишь какъ на священныя вмѣстилища, въ которыхъ божество оставило частицу своего существа Народъ поклонялся животнымъ, какъ настоящимъ богамъ, но для просвѣщеннаго египтянина ястребъ, напр., былъ не Горомъ, а лишь воплощеніемъ Гора, шакалъ и быкъ были воплощеніемъ боговъ Анибуса и Фта, ибисъ—воплощеніемъ Тота и т. д. Въ изображеніяхъ боговъ воспроизводились эти идеи о воплощеніи. Такъ Горъ изображался то въ видѣ человѣка, то въ видѣ ястреба, то въ видѣ человѣка съ ястребиною головою или ястреба съ человѣческой головой; Тотъ изображался въ видѣ ибиса или съ собачьей головой, Себекъ съ головою крокодила и т. д.—Городъ Буто былъ въ Нижнемъ Египтѣ, у моря, Бубастъ—у восточнаго, пелузійскаго рукава Нила, Гермополь, т. е. городъ Гермеса (Гермесомъ эллины звали египетское божество Тота) - въ Среднемъ Египтѣ, на Нилѣ.—Ихнемвонъ, или фараонова мышь, изъ породы ласокъ, истреблялъ яйца крокодила и считался благодѣтельнымъ животнымъ: ихнемвоновъ въ Сѣверной Африкѣ и донынѣ держатъ въ домахъ для истребленія крысъ и мышей.

Природныя свойства крокодила таковы. Въ теченіе четырехъ наиболѣе суровыхъ зимнихъ мѣсяцевъ онъ ничего не ѣстъ. Хотя у него четыре ноги, но онъ—животное земноводное. Яйца кладетъ и высиживаетъ онъ на сушѣ, на сушѣ же проводитъ большую часть дня, а ночь всю - въ рѣкѣ, ибо въ водѣ теплѣе, чѣмъ на воздухѣ и на росѣ. Изъ всѣхъ животныхъ, которыхъ мы знаемъ, это единственное, которое изъ самаго маленькаго становится большимъ. Яйца онъ кладетъ немного больше гусиныхъ, дѣтенышъ нарождается въ размѣрѣ яйца, а выросши достигаетъ семнадцати локтей и даже больше. У него свиные глаза, большіе зубы и клыки, соотвѣтствующіе размѣрамъ тѣла. Это единственное животное, не имѣющее языка. Нижнею челюстью онъ не двигаетъ; изъ всѣхъ животныхъ онъ одинъ верхнюю челюсть придвигаетъ къ нижней. Онъ имѣетъ крѣпкіе когти и чешуйчатую кожу, непробиваемую на спинѣ. Въ водѣ онъ слѣпъ, а на воздухѣ зорко видитъ. Такъ какъ онъ живетъ въ водѣ, то пасть его постоянно цѣликомъ наполнена піявками. Всѣ птицы и звѣри избѣгаютъ его; съ одной ржанкой живетъ онъ мирно, пользуясь ея услугами. Когда крокодилъ выходитъ изъ воды на сушу и потомъ разѣваетъ пасть—а это онъ дѣлаетъ обыкновенно по направленію къ западному вѣтру,—ржанка забирается въ его пасть и поѣдаетъ піявокъ. Онъ радъ этой услугѣ и никогда не трогаетъ ее [1]).

Для однихъ египтянъ крокодилы священны, для другихъ нѣтъ; послѣдніе обходятся съ ними, какъ съ врагами. Особенно священными считаютъ крокодиловъ жители Ѳивъ и окрестностей Меридова озера. Тѣ и другіе кормятъ одного отборнаго крокодила, приручивши его къ себѣ; они вѣшаютъ ему въ уши стеклянныя и золотыя серьги, надѣваютъ на переднія лапы запястья, даютъ ему установленную пищу и жертвенныхъ животныхъ. Пока онъ живъ, съ нимъ обра-

---

[1]) Свѣдѣнія Геродота о крокодилѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ неточны. Въ сухое время года крокодилы могутъ впадать въ спячку, зарываясь въ илъ высыхающихъ водныхъ бассейновъ; въ этомъ смыслѣ только и можно принять утвержденіе Геродота, что крокодилъ четыре мѣсяца ничего не ѣстъ. Нижняя челюсть у крокодила подвижна, какъ и верхняя. Языкъ, конечно, есть, но онъ плоскій, приросшій всею нижнею поверхностью и не можетъ выдвигаться. Нынѣ крокодилы въ нижнемъ теченіи Нила совершенно уже истреблены и не встрѣчаются сѣвернѣе прежнихъ Ѳивъ. Піявокъ въ Нилѣ не водится. — Разсказъ о крокодилѣ и гиппопотамѣ Геродотъ заимствовалъ у своего предшественника, логографа Гекатея.

щаются какъ можно лучше, а умершаго бальзамируютъ и хоронятъ въ священной гробницѣ. Въ окрестностяхъ же города Элефантины [1]) даже ѣдятъ крокодиловъ, не считая ихъ священными.

При охотѣ на крокодиловъ употребляется много различныхъ способовъ. Опишу тотъ изъ нихъ, который мнѣ кажется наиболѣе заслуживающимъ вниманія. Насадивъ на крюкъ свиной хребетъ, охотникъ опускаетъ его въ середину рѣки, а самъ держитъ на берегу живого поросенка и колотитъ его. Заслышавъ визгъ, крокодилъ бросается по направленію звука, натыкается на кусокъ и проглатываетъ его. Крокодила вытаскиваютъ, а когда вытащутъ на землю, охотникъ прежде всего залѣпляетъ ему грязью глаза. Послѣ этого онъ очень легко справляется съ животнымъ, а иначе трудно было бы справиться.

Гиппопотамы въ папремитскомъ округѣ считаются священными; въ остальномъ Египтѣ ихъ не считаютъ священными. Внѣшніе признаки ихъ таковы: это—животное четвероногое, двукопытное—съ копытами быка,—тупорылое, съ высунутыми клыками, съ лошадинымъ хвостомъ и голосомъ, величиною съ самаго большого быка. Кожа его такъ плотна, что, когда она высохнетъ, изъ нея дѣлаютъ древки [2]).

Водятся въ рѣкѣ и выдры, которыхъ считаютъ священными. Изъ рыбъ священными считаютъ такъ называемую чешуйчатку и угря: египтяне говорятъ, что эта рыба посвящена Нилу. Изъ птицъ священнымъ считается нильскій гусь [3]).

Есть, впрочемъ, и другая священная птица, которую зовутъ фениксомъ. Я не видалъ ея, если не считать рисунковъ. Да и вообще, какъ утверждаютъ жители Геліополя, она рѣдко прилетаетъ, разъ въ пятьсотъ лѣтъ; она прилетаетъ, говорятъ, тогда, когда умретъ ея родитель. Опереніе у ней, если вѣрить рисунку, частью золотистое, частью пурпуровое. По очертанію и величинѣ она больше всего походитъ на

---

[1]) Элефантина, нынѣ Джесиретъ Ассуанъ,—островъ на Нилѣ, недалеко отъ перваго порога. Во времена Геродота здѣсь былъ и городъ Элефантина; до него доходилъ самъ Геродотъ, путешествуя по Нилу.

[2]) Папремитскій округъ—на Дельтѣ.—Свѣдѣнія Геродота о гиппопотамѣ не совсѣмъ точны. У гиппопотама нѣтъ гривы и лошадинаго хвоста (эллинское названіе «гиппопотамъ» въ переводѣ значитъ «рѣчная лошадь»); на ногахъ у него четыре пальца, зубы закрыты губами

[3]) Нильскій или египетскій гусь и нынѣ водится во всей Африкѣ.

орла. Ей приписываютъ разныя чудеса,– по моему мнѣнію, неосновательно. Устремляясь изъ Аравіи въ храмъ Солнца, она будто уноситъ съ собой и своего родителя, залѣпивъ его въ смирну, и хоронитъ его въ храмѣ Солнца [1]).

Сооруженіе пирамидъ. Египетскіе жрецы разсказывали, что до царя Рампсинита въ Египтѣ господствовала всюду законность, и страна процвѣтала. Но послѣ него царствовавшій Хеопсъ подвергъ ее всевозможнымъ бѣдствіямъ. Прежде всего онъ, заперши всѣ храмы, запретилъ жертвоприношенія; затѣмъ приказалъ всѣмъ египтянамъ работать на него. Однимъ назначено было изъ каменоломенъ въ Аравійскомъ горномъ хребтѣ таскать камни къ Нилу; другихъ заставилъ перевезенные черезъ рѣку на судахъ камни принимать и тащить дальше, къ такъ называемому Ливійскому хребту. Все время на работѣ смѣнялось черезъ каждые три мѣсяца по сто тысячъ человѣкъ. Десять лѣтъ народъ мучился надъ дорогой, по которой таскали камни; по-моему, сооруженіе это немногимъ развѣ уступаетъ пирамидѣ; и въ

---

[1]) Птица фениксъ была воплощеніемъ Озириса. Подъ этимъ именемъ разумѣлась птица, которую египтяне называли *бону*, родъ пигалицы, съ длинными развѣвающимися перьями на головѣ. Въ легендѣ о странствованіяхъ Озириса, котораго преслѣдовалъ злой геній Сети, братъ Озириса, богъ мрака, разсказывается о превращеніи Озириса въ птицу—бону, съ цѣлью спастись отъ преслѣдованія. Съ развитіемъ легендъ объ Озирисѣ явился рядъ баснословныхъ сказаній и о фениксѣ. Цѣлыя тысячелѣтія разсказъ о фениксѣ передавался различными писателями въ различныхъ варіантахъ. Во всѣ времена любили толковать о заморскихъ диковинахъ и многія столѣтія вѣрили во всѣ эти чудесные разсказы. Мы и теперь часто употребляемъ фигуральное выраженіе о фениксѣ, возрождающемся изъ собственнаго пепла. Въ основѣ этого фигуральнаго сравненія лежитъ, впрочемъ, не разсказъ Геродота, а другой варіантъ, по которому фениксъ прилеталъ въ Египетъ для того, чтобы, устроивъ костеръ изъ ароматическаго дерева и мирры, сжечь себя и, возродившись изъ пепла, снова улетѣть на родной востокъ. Средневѣковое искусство тоже любило изображать эту чудесную птицу. О ней хорошо знали и наши предки, постоянно встрѣчая ея имя и чудесные разсказы о ней въ азбуковникахъ, бестіаріяхъ (разсказахъ о звѣряхъ), физіологахъ и т. д. Она ихъ такъ же интересовала, какъ и райская птица сиринъ, царь птицъ стратимъ и т. д.—Храмъ Солнца, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, это храмъ бога Ра. Это божество солнца со временемъ затмило собою многихъ другихъ боговъ: имя его стали сливать съ именами Фта, Озириса и Аммона, первыхъ лицъ трехъ главныхъ египетскихъ троицъ. Ра пользовался особымъ почитаніемъ въ Геліополѣ, т. е. въ «городѣ солнца» (*Энъ—Ра* по-египетски), лежавшемъ въ Нижнемъ Египтѣ, у канала, соединявшаго рѣку съ Краснымъ моремъ.

самомъ дѣлѣ, дорога имѣетъ пять стадій длины, десять саженъ ширины и восемь вышины (тамъ, гдѣ она наибольшей высоты); сдѣлана она изъ шлифованнаго камня съ высѣченными на немъ изображеніями. Десять лѣтъ строилась дорога и подземные покои въ холмѣ, на которомъ стоятъ пирамиды; покои эти царь строилъ для самого себя, въ качествѣ усыпальницы,—на островѣ, проведши для этого каналъ изъ Нила. Самая пирамида строилась двадцать лѣтъ. Въ основаніи она четыреугольная, и каждая сторона ея имѣетъ восемь плеѳровъ длины и столько же высоты; сдѣлана она изъ шлифованныхъ камней, отлично пригнанныхъ одинъ къ другому; меньше тридцати футовъ нѣтъ ни одного камня [1]).

Построенная уступами, пирамида эта сооружалась слѣдующимъ образомъ. Прежде всего клали основаніе, затѣмъ остальные камни поднимали машинами, сдѣланными изъ короткихъ бревенъ,—сначала съ земли на первый рядъ ступеней; когда камень поднимался на первую ступень, его перекладывали на другую машину, стоявшую уже на первомъ ряду; отсюда съ помощью новой машины камень тащили на второй рядъ. Сколько было ступеней, столько было и машинъ, или, быть-можетъ, одну и ту же машину, легко передвигаемую, переносили съ уступа на уступъ, какъ только снимали камень съ нея. Мы разсказываемъ о двухъ способахъ, какъ намъ самимъ разсказывали. Отдѣланы же были прежде всего верхнія части пирамиды; затѣмъ отдѣлывали слѣдующія за ними и наконецъ прилегающія къ землѣ, самыя нижнія. Египетскими письменами обозначено на пирамидѣ, сколько было израсходовано на рѣдьку, лукъ и чеснокъ для рабочихъ. Читая надпись, переводчикъ, какъ я хорошо помню, говорилъ мнѣ, что уплачено было тысяча шестьсотъ талантовъ серебра [2]). Если это дѣйствительно такъ, сколько

---

[1]) Эллинскіе футъ и сажень почти равнялись нашимъ (футъ=нашему 1 ф. 1,38 л.; сажень, въ которой было 6 футовъ,=нашимъ 6 ф. 8,36 л.); плеѳръ=нашимъ 14 с. 3 ф.; такимъ образомъ ширина пирамиды у основанія=115 с. 3 ф. Геродотъ говоритъ, что такова же была и высота каждой стороны; вертикальная высота нынѣ въ $1^{3}/_{5}$ раза менѣе ширины пирамиды у основанія: общая высота, включая и высоту террасы, на которой стоитъ пирамида, нынѣ составляетъ 87 саж. (высота террасы 18 с.). Въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ пирамида превосходила высотою всѣ зданія, воздвигнутыя рукою человѣка, и только Эйфелева башня, построенная въ 1889 г., превзошла пирамиду (башня имѣетъ въ вышину 300 метровъ, т. е. около 136 саж.).

[2]) Аттическій талантъ серебра стоилъ 1.455 р., такъ что указанная Геродотомъ сумма доходитъ до 2 милліоновъ 300 тысячъ рублей.

же, вѣроятно, истрачено на прочее—на желѣзо, которымъ работали, на хлѣбъ и одежду рабочимъ! Я уже сказалъ, сколько лѣтъ сооружали пирамиду; не мало времени пошло, кажется мнѣ, и на то, чтобы выломить камни, привезти ихъ, соорудить подземные покои.

Египтяне говорятъ, что этотъ Хеопсъ царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ, а по смерти его царскую власть принялъ братъ его Хефренъ. Онъ подражалъ предшественнику и, между прочимъ, построилъ пирамиду. Она не достигаетъ величины Хеопсовой пирамиды: это мы измѣрили сами. Тутъ нѣтъ подземныхъ строеній; къ ней не приведено канала изъ Нила, какъ къ пирамидѣ Хеопса, гдѣ вода течетъ по искусственному руслу, омывая островъ, на которомъ, говорятъ, и покоится самъ Хеопсъ. Первый этажъ сдѣланъ изъ пестраго эѳіопскаго камня; пирамида выстроена въ тѣхъ же пропорціональныхъ размѣрахъ, но она на сорокъ футовъ ниже большой пирамиды [1]). Обѣ пирамиды стоятъ на одномъ и томъ же холмѣ, около ста футовъ вышины. Царствовалъ же Хефренъ, какъ говорятъ, 56 лѣтъ [2]).

Лабиринтъ и Меридово озеро. Послѣ царствованія гефестова [3]) жреца, египтяне поставили себѣ двѣнадцать царей, раздѣливъ весь Египетъ на двѣнадцать частей.

И вотъ цари эти рѣшили оставить по себѣ сообща памятникъ. Рѣшивъ такъ, они построили лабиринтъ, нѣсколько выше Меридова озера, почти рядомъ съ такъ называемымъ «Городомъ крокодиловъ». Я видѣлъ это зданіе. Оно выше всякаго описанія. Если сопоставить сооруженныя эллинами укрѣпленія и стоимость ихъ работъ, то оказалось бы, что они стоили меньше труда и денегъ, чѣмъ этотъ лабиринтъ,—хотя храмы въ Эфесѣ и на Самосѣ [4]) и замѣчательны въ своемъ родѣ. Правда, были и пирамиды, превосходящія вся-

---

[1]) Т. е. въ ней такія же были отношенія между высотой и шириной, какъ въ большой пирамидѣ.

[2]) Въ настоящее время вокругъ пирамиды Хеопса нѣтъ никакихъ слѣдовъ канала. Изъ надписей оказывается, что царь Хуфу (Хеопсъ) отличался благочестіемъ и строилъ пирамиду «для своей божественной матери Изиды, для богини Аторъ, повелительницы водъ». Хефренъ не могъ быть, кромѣ того, братомъ Хеопса: этому противорѣчитъ продолжительность ихъ царствованій. Наконецъ, Хеопсъ, по свѣдѣніямъ другихъ историковъ, напр., Діодора, современника Августа, не былъ погребенъ въ пирамидѣ вслѣдствіе народнаго возмущенія.

[3]) Гефестъ—это богъ Фта.

[4]) Храмъ Геры.

кое описаніе; каждая изъ нихъ стоила многихъ, даже огромныхъ эллинскихъ сооруженій, но лабиринтъ превосходитъ и пирамиды. Онъ состоитъ изъ двѣнадцати крытыхъ дворовъ, расположенныхъ воротами другъ противъ друга, обращенныхъ—шесть на сѣверъ и шесть на югъ и смежныхъ между собою. Снаружи ихъ окружаетъ одна общая стѣна. Комнаты въ лабиринтѣ двоякаго рода: однѣ—подземныя, другія—сверху, надъ первыми; число ихъ 3.000, - тутъ и тамъ по 1.500. Верхнія комнаты мы сами видѣли, проходили по нимъ и говоримъ, какъ очевидцы; о подземныхъ же мы разспрашивали. Приставленные къ нимъ египтяне ни за что не хотѣли показать ихъ, говоря, что тамъ гробницы царей, соорудившихъ этотъ лабиринтъ, и священныхъ крокодиловъ. Такимъ образомъ о нижнихъ комнатахъ мы говоримъ по слухамъ, а верхнія, превосходящія дѣло рукъ человѣческихъ, мы осматривали сами. Дѣйствительно, переходы черезъ крытыя залы, извилистые повороты со двора на дворъ, поражая разнообразіемъ, представляли намъ тысячу чудесъ, когда мы переходили со двора въ комнаты, изъ комнатъ въ галлереи, изъ галлерей въ другія залы и изъ комнатъ въ новые дворы. Крыша надъ всѣмъ этимъ каменная, равно какъ и стѣны; онѣ покрыты рельефными изображеніями, а каждый дворъ обнесенъ колоннами изъ бѣлаго камня, превосходно прилаженнаго. Къ конечному углу лабиринта примыкаетъ пирамида, въ сорокъ саженъ вышиною, на которой высѣчены огромныя изображенія; въ нее ведетъ подземный ходъ [1]).

Таковъ лабиринтъ. Еще большее чудо представляетъ такъ называемое Меридово озеро, возлѣ котораго построенъ лабиринтъ. Окружность его 3.600 стадій или 60 схенъ,—настолько же тянется и самый Египетъ вдоль моря. Озеро простирается съ сѣвера на югъ; глубина его, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, 50 саженъ. Что оно искусственное и выры-

---

[1]) Лабиринтъ и Меридово озеро сооружены, какъ это свидѣтельствуютъ надписи, Аменемхатомъ III, фараономъ изъ двѣнадцатой династіи. Дворецъ Аменемхата, превратившійся послѣ смерти основателя въ храмъ, назывался Лопе-ро-гунитъ, т. е «храмъ при водохранилищѣ», изъ чего эллины потомъ образовали слово «лабиринтъ». Названіе же «Меридово озеро» есть простая передача египетскаго слова *мири*, которое означало «озеро». Двѣнадцать царей, правившихъ спустя чуть не двѣ тысячи лѣтъ послѣ Аменемхата (во второй половинѣ VII в.), лишь возобновили лабиринтъ, разрушенный при нашествіи на Египетъ гиксовъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ видны разрушенныя стѣнки и обломки столбовъ.

тое, это сразу видно: почти по серединѣ озера стоятъ двѣ пирамиды, поднимающіяся надъ водою на 50 саженъ и еще настолько же опускающіяся подъ водою; на каждой изъ нихъ—каменный колоссъ, сидящій на тронѣ [1]. Озеро это не самородное (ибо мѣстность эта крайне безводна): вода приведена сюда по каналу изъ Нила; шесть мѣсяцевъ течетъ она въ озеро и шесть мѣсяцевъ назадъ, въ Нилъ. Когда вода вытекаетъ, озеро шесть мѣсяцевъ, благодаря своей рыбѣ, приноситъ царской казнѣ доходу по таланту въ день, а когда вода идетъ въ озеро, доходъ ограничивается 20 минами [2].

Туземцы разсказывали, будто озеро это подъ землею изливается въ ливійскій Сиртъ, повернувши при этомъ къ западу, вглубь материка, вдоль хребта, поднимающагося надъ Мемфисомъ. Я нигдѣ не видалъ вырытой изъ озера земли; это меня заинтересовало, и я спрашивалъ у ближайшихъ къ озеру поселянъ, куда дѣвалась вырытая земля. Они сказали мнѣ, куда ее вывозили, и я легко имъ вѣрилъ. По разсказамъ я зналъ, что нѣчто подобное было и въ ассирійскомъ городѣ Нинѣ [3]. Воры задумали унести огромныя сокровища нинскаго царя Сарданапала, хранившіяся въ подземныхъ кладовыхъ. И вотъ, размѣривъ все, они начали вести подкопъ отъ своихъ жилищъ къ царскому дворцу, а выносимую изъ подземнаго хода землю ссыпать, при наступленіи ночи, въ рѣку Тигръ, протекающую мимо Нина,—и такъ поступали, пока не выполнили своего плана. Нѣчто подобное было, какъ я слышалъ, и при выкапываніи озера въ Египтѣ, съ тою разницею, что здѣсь копали не ночью, а днемъ: вынимаемую землю египтяне относили въ Нилъ, а вода подхватывала ее и размывала. Вотъ какъ, по разсказамъ, выкопано было это озеро.

---

[1]) Остатки плотинъ свидѣтельствуютъ, что озеро было, по крайней мѣрѣ, въ три раза меньше размѣра, указаннаго Геродотомъ. Оно было вырыто для того, чтобы регулировать наводненія Нила и имѣть на случай низкаго уровня рѣки запасы воды, которые потомъ спускались въ Нилъ. Нынѣ каналы засыпаны иломъ и пескомъ; само озеро стало совершенно незначительнымъ и питается лишь рѣдкими дождями и ключами, бьющими со дна его. На южномъ концѣ прежняго озера, на возвышеніи, гдѣ, очевидно, нѣкогда стояла пирамида съ колоссомъ, нынѣ ютится жалкая арабская деревушка.

[2]) 20 минъ=485 р

[3]) Ниневія Священнаго писанія.

Преданія о древнѣйшихъ египетскихъ царяхъ. А. Сезострисъ. Жрецы разсказывали, что египетскій царь Сезострисъ первымъ вышелъ на длинныхъ корабляхъ изъ Аравійскаго залива и сталъ подчинять жившіе вдоль Эриѳрейскаго моря [1]) народы, пока не доплылъ до той части моря, которая недоступна вслѣдствіе мелей. Вернувшись назадъ въ Египетъ, онъ, по разсказамъ жрецовъ, съ огромнымъ войскомъ пошелъ черезъ материкъ, покоряя каждый народъ, встрѣчавшійся на пути. Когда онъ встрѣчался съ народомъ мужественнымъ и высоко цѣнившимъ свободу, онъ ставилъ въ землѣ такого народа столбы съ надписями, указывавшими его имя, названіе его родины, и гласившими, что онъ покорилъ народъ силою своего оружія.

Такъ прошелъ онъ материкъ, пока изъ Азіи не переправился въ Европу, гдѣ покорилъ скиѳовъ и ѳракіянъ. Это, мнѣ кажется, самый отдаленный пунктъ, до котораго дошло египетское войско: ибо въ странѣ этихъ народовъ встрѣчаются еще поставленные имъ столбы, а дальше ихъ уже нѣтъ.

Большинство столбовъ, поставленныхъ Сезострисомъ въ разныхъ странахъ, уже исчезло; но въ Палестинской Сиріи я самъ видѣлъ ихъ съ указанными выше надписями. Есть и въ Іоніи два изображенія этого мужа, высѣченныя въ скалахъ,—одно по дорогѣ изъ Эфеса въ Фокею, другое на пути изъ Сардъ въ Смирну. Они представляютъ мужскую фигуру, въ четыре съ половиною локтя вышиною, съ копьемъ въ правой рукѣ и лукомъ въ лѣвой; остальное убранство на ней частью египетское, частью эѳіопское. На груди, отъ одного плеча къ другому, высѣчена священными египетскими письменами надпись, гласящая: «плечами своими я пріобрѣлъ эту страну».

Жрецы разсказывали, что на обратномъ пути Сезострисъ велъ за собой массу народа изъ покоренныхъ странъ. Когда онъ прибылъ въ Дафны Пелузійскія[2]), братъ, которому Сезострисъ поручилъ управленіе Египтомъ, пригласивъ

---

[1]) Аравійскій заливъ—это нынѣшнее Красное море; Эриѳрейскимъ же моремъ (въ переводѣ это слово именно и означаетъ «Красное» море) Геродотъ называетъ Индійскій океанъ съ западною его частью, Аравійскимъ моремъ.

[2]) Городъ лежалъ на восточномъ, пелузійскомъ рукавѣ Нила. Нынѣ вмѣсто семи рукавовъ, извѣстныхъ древнимъ, остаются лишь два; восточный называется Даміетскимъ.

его на пиръ съ дѣтьми, велѣлъ обложить домъ снаружи дровами и поджечь. Замѣтивъ это, Сезострисъ наскоро посовѣтовался съ супругой (онъ возилъ съ собою и жену). Та предложила бросить на пылающій костеръ двухъ изъ шести сыновей и по этому импровизованному мосту спастись. Сезострисъ такъ и сдѣлалъ; двое изъ дѣтей его сгорѣли, а остальные вмѣстѣ съ отцомъ спаслись.

Вернувшись въ Египетъ и отомстивъ брату, Сезострисъ употребилъ въ дѣло полчища, которыя привелъ съ собою изъ покоренныхъ странъ. Огромные камни, доставленные въ его царствованіе къ храму Гефеста, притащены были именно этими людьми. Ихъ же онъ заставилъ выкапывать всѣ тѣ каналы, которые теперь существуютъ въ Египтѣ. А каналами царь изрѣзалъ страну вотъ для чего Египтяне, города которыхъ были расположены не при рѣкѣ, а въ глубинѣ страны, терпѣли недостатокъ въ водѣ всякій разъ, какъ рѣка входила въ русло, и употребляли солоноватую воду, добываемую изъ колодцевъ. Чтобы снабдить ихъ свѣжею водою, для этого Египетъ и былъ изрѣзанъ каналами.

Царь этотъ, по словамъ жрецовъ, раздѣлилъ территорію между всѣми египтянами поровну,—квадратными участками. Этимъ онъ создалъ источникъ доходовъ, заставивъ ежегодно вносить налогъ. Если рѣка отрывала кусокъ отъ участка, владѣлецъ шелъ къ царю и заявлялъ о случившемся. Тотъ посылалъ осмотрѣть и измѣрить, насколько участокъ уменьшился, такъ чтобы владѣлецъ и впредь платилъ налогъ соотвѣтственно установленной нормѣ. Такимъ именно путемъ, мнѣ кажется, изобрѣтена была здѣсь геометрія, перенесенная потомъ въ Элладу [1]).

---

[1]) Подъ именемъ Сезостриса эллины разумѣли Рамзеса II Великаго (1394—1328 г.), фараона изъ XIX династіи. Исторію этого царствованія можно подробно возстановить по папирусамъ и памятникамъ, и она во многомъ не согласуется съ разсказами Геродота. У Рамзеса не было флота, и онъ не ходилъ на скиѳовъ и ѳракіянъ. Онъ совершилъ лишь нѣсколько набѣговъ на негритянскія племена Верхняго Нила, но зато велъ упорную и продолжительную борьбу съ возмутившимся цалемъ сирійскаго народа хити; борьба окончилась договоромъ, текстъ котораго сохранился донынѣ на стѣнѣ Карнакскаго храма, среди развалинъ Ѳивъ. Фигуры, которыя Геродотъ видѣлъ въ Малой Азіи, и теперь еще стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ; но знатоки египетскаго искусства, внимательно разсмотрѣвъ всѣ детали этихъ статуй, нашли, что онѣ—произведенія не египетскаго, а хитійскаго художника. Рамзесъ былъ великимъ строителемъ. Въ Египтѣ и Нубіи почти нѣтъ разва-

Б. Микеринъ. Послѣ Хефрена въ Египтѣ царствовалъ, по разсказамъ жрецовъ, Микеринъ, сынъ Хеопса. Не одобряя поступковъ своего отца, онъ открылъ храмы, дозволилъ народу, измученному до крайности, вернуться къ своимъ занятіямъ и совершать попрежнему жертвоприношенія. Судъ творилъ онъ справедливѣе всѣхъ царей: за это именно египтяне и превозносятъ его выше прочихъ царей, царствовавшихъ въ Египтѣ. Помимо того, что онъ справедливо судилъ, людямъ недовольнымъ его приговоромъ онъ даже выдавалъ долю изъ своего имущества, всячески стараясь ихъ умиротворить. И вотъ въ то время, какъ Микеринъ такъ гуманно относился къ гражданамъ и столь заботился о нихъ, на него самого обрушился рядъ бѣдъ; прежде всего умерла дочь его, единственное дитя въ домѣ. Онъ былъ крайне огорченъ этой потерей. Желая устроить дочери наиболѣе изысканные похороны, онъ велѣлъ сдѣлать изъ дерева пустую внутри корову, вызолотить ее снаружи и похоронилъ въ ней умершую дочь.

Корову эту не зарывали въ землю; она еще при мнѣ была выставлена на показъ въ городѣ Саисѣ, въ дворцѣ, среди богато убранной залы. Передъ ней ежедневно воскуряютъ разнаго рода благовонія, а по ночамъ все время горитъ лампада.

Корова накрыта пурпуровымъ покрываломъ, а шея и голова обложены толстымъ слоемъ золота; между рогами у

линъ, на которыхъ не встрѣчалось бы его имени. Въ некрополяхъ Абидоса, въ Мемфисѣ, Бубастѣ, въ Синайскихъ рудникахъ, въ Ѳивахъ,—вездѣ остались слѣды сооруженій Рамзеса Обелискъ, поставленный Рамзесомъ у ѳивскаго храма, теперь стоитъ въ Парижѣ, на площади Согласія. Древнее святилище бога Ра въ Геліополѣ онъ расширилъ постройками и украсилъ обелисками, одинъ изъ которыхъ и теперь стоитъ въ Римѣ, на Piazza del popolo. Опрокинутый колоссъ, лежащій среди зеленѣющаго поля, подъ купами высокихъ пальмъ, и остатки стѣнъ теперь еще свидѣтельствуютъ о грандіозности работъ, предпринятыхъ имъ при храмѣ Фта въ Мемфисѣ. По дорогѣ къ золотымъ рудникамъ Нубіи онъ устроилъ цѣлый рядъ станцій, съ цистернами и колодцами, основалъ нѣсколько городовъ въ восточной части Дельты, расчистилъ каналы, покрывавшіе цѣлою сѣтью Нижній Египетъ и т. д. До насъ дошла на папирусѣ даже цѣлая поэма, въ которой современный Рамзесу египетскій поэтъ прославляетъ его подвиги въ походѣ на хитійскаго царя, въ подробности воспроизводя всю тогдашнюю военную обстановку и бытъ. Для тяжелыхъ работъ Рамзесъ употреблялъ, между прочимъ, и евреевъ, которые при слѣдующемъ царствованіи выселились изъ Египта. Мумію Рамзеса можно видѣть нынѣ въ Булакскомъ музеѣ, въ стеклянной витринѣ.

ней золотое изображеніе солнечнаго диска. Она не прямо стоитъ, а на согнутыхъ колѣняхъ; размѣрами она съ настоящую крупную корову. Ежегодно ее выносятъ изъ помѣщенія—въ ту пору, когда египтяне предаются горькой печали изъ-за одного божества, котораго я не могу назвать здѣсь [1]). Тогда и корову выносятъ на свѣтъ Божій; ибо царевна умирая просила, говорятъ, отца, чтобы онъ далъ ей возможность хоть разъ въ году взглянуть на солнце.

Послѣ смерти дочери съ царемъ приключилась и другая бѣда: изъ города Буто пришло предсказаніе, что царь проживетъ шесть лѣтъ, а на седьмой годъ умретъ. Въ негодованіи онъ послалъ къ оракулу горькій упрекъ божеству; онъ пенялъ, что де отецъ его и дядя заперли храмы, забыли боговъ, губили людей—и все-таки прожили очень долго, а ему, при всемъ его благочестіи, предстоитъ умирать такъ рано. Тогда отъ оракула пришло новое изреченіе, гласившее, что ему потому именно и сокращена жизнь, что онъ не дѣлалъ того, что слѣдовало дѣлать: Египту суждено де было бѣдствовать полтораста лѣтъ,—оба предшественника его поняли это, а онъ не понялъ. Считая этотъ приговоръ неминуемымъ, Микеринъ велѣлъ сдѣлать массу лампадъ и, лишь наступала ночь, зажигать ихъ; онъ сталъ пить и наслаждаться цѣлые дни и ночи, бродить по болотамъ и рощамъ, всюду, гдѣ разсчитывалъ удобнѣе повеселиться. Все это придумалъ для того, чтобы изобличить оракула во лжи: превращая ночи въ дни, онъ хотѣлъ изъ шести лѣтъ выкроить цѣлыхъ двѣнадцать [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ объ Озирисѣ. Геродотъ считалъ непозволительнымъ толковать о божествѣ по всякому пустому поводу. «Да простятъ намъ боги и герои, что мы столько наговорили о нихъ», читаемъ мы у Геродота въ другомъ мѣстѣ.

[2]) По разсказу Геродота Микеринъ является шестымъ царемъ послѣ Сезостриса; въ дѣйствительности же строители первыхъ пирамидъ Хеопсъ, Хефренъ и Микеринъ царствовали за много вѣковъ раньше Сезостриса: они принадлежали къ IV мемфисской династіи. Саркофагъ Микерина, найденный въ построенной имъ пирамидѣ, погибъ у береговъ Португаліи, когда его везли въ Европу, въ Англію. Уцѣлѣла только крышка деревяннаго гроба изъ сикоморы, въ которомъ покоилась мумія фараона. Гробъ носилъ такую надпись: «О Озирисъ, царь обоихъ Египтовъ, Менкери, вѣчно живущій, рожденный небомъ, выношенный въ чревѣ богинѣ Нуитъ! мать твоя Нуитъ, какъ бездна небесъ, простираетъ надъ тобою свои объятія. Она сдѣлаетъ тебя богомъ, погрузивъ въ ничтожество враговъ твоихъ,—о царь Менкери, вѣчно живущій».

В. Азихисъ. Послѣ Микерина царемъ сталъ, по разсказамъ жрецовъ, Азихисъ. Онъ соорудилъ при храмѣ Гефеста, съ восточной его стороны, портикъ, самый великолѣпный и самый обширный. Всѣ другіе портики тоже украшены рельефными изображеніями, и постройка ихъ отличается поразительнымъ разнообразіемъ, но этотъ послѣдній портикъ лучше всѣхъ остальныхъ. По словамъ жрецовъ, въ царствованіе Азихиса, вслѣдствіе затрудненій въ денежномъ обращеніи, изданъ былъ для египтянъ законъ, по которому брать взаймы можно было не иначе, какъ представивъ въ закладъ мумію отца. Къ этому закону добавленъ былъ потомъ другой: заимодавецъ дѣлался обладателемъ даже всей усыпальницы должника, а должникъ, представлявшій столь драгоцѣнный залогъ, въ случаѣ неуплаты долга, подвергался такому наказанію: ни самъ онъ, ни кто-либо изъ его родственниковъ не могъ быть по смерти погребенъ ни въ отцовской усыпальницѣ, ни въ какой-либо другой. Желая превзойти своихъ предшественниковъ на престолѣ, царь этотъ въ память о себѣ оставилъ пирамиду, сооруженную изъ кирпичей. На ней высѣчена по камню такая надпись: «Не пренебрегай мной,—по сравненію съ каменными пирамидами: я превосхожу ихъ настолько, насколько Зевсъ выше прочихъ боговъ. Погружая въ озеро шестъ, собирали съ него ту глину, которая прилипала, и изъ нея дѣлали кирпичи: вотъ какъ соорудили меня [1])».

Г. Сеѳосъ. Послѣ Анизиса воцарился жрецъ гефестовъ, Сеѳосъ. Онъ ни во что ставилъ и презиралъ египетскихъ воиновъ, какъ будто нисколько не нуждался въ нихъ. Среди другихъ униженій, онъ, между прочимъ, отнялъ у нихъ пашни, которыя даны имъ были прежними царями,—по двѣнадцати участковъ на каждаго. Послѣ этого на Египетъ напалъ съ большимъ войскомъ Санахарибъ, царь арабскій и ассирійскій. Воины не хотѣли помогать. Оказавшись въ такомъ затрудненіи, жрецъ вошелъ въ святилище и сталъ передъ статуей

---

[1]) Въ ряду другихъ пирамидъ сохранилась и понынѣ одна, сложенная изъ кирпичей; надписи и внѣшняя облицовка исчезли.—Храмъ Фта (по Геродоту—Гефеста), надъ сооруженіемъ котораго трудились Сезострисъ и Азихисъ, былъ въ Мемфисѣ. Мемфисъ, столица царей первыхъ династій, лежалъ на лѣвомъ берегу Нила, у начала Дельты. Противъ него на правомъ берегу раскинулся нынѣ Каиръ, теперешняя столица египетскаго хедива. На мѣстѣ же прежней славной столицы Египта тянется обширное поле, усѣянное обломками разбитыхъ камней, среди которыхъ пріютилась жалкая арабская деревушка Менфъ.

божества горько плакаться на угрожающую ему бѣду. Среди плача онъ заснулъ. Во снѣ ему явилось божество. Оно ободрило его, увѣряя, что съ нимъ не случится никакой бѣды, если онъ выступитъ противъ арабскаго войска, что оно само пошлетъ ему помощниковъ Довѣряя этому сновидѣнію, царь взялъ съ собой тѣхъ изъ египтянъ, которые пожелали итти съ нимъ, и расположился лагеремъ въ Пелузіи— тамъ, гдѣ входъ въ страну. Изъ воиновъ не послѣдовалъ за нимъ ни одинъ человѣкъ, а пошли торговцы, ремесленники, люди съ рынка. Когда онъ прибылъ сюда, въ станъ непріятелей ночью нахлынула масса полевыхъ мышей, которыя изгрызли имъ колчаны, луки, рукоятки у щитовъ, такъ что на слѣдующій день, будучи безъ оружія, они обращены были въ бѣгство и погибли въ большомъ количествѣ. И нынѣ еще въ храмѣ Гефеста стоитъ каменное изображеніе этого царя, съ мышью въ рукѣ и надписью: «Учись, глядя на меня, благочестію [1])».

Д. Псамметихъ. Когда, послѣ гефестова жреца, воцарились въ Египтѣ двѣнадцать царей, однажды, при совершеніи жертвы въ храмѣ Гефеста, имъ предстояло въ послѣдній день праздника совершить возліяніе. Верховный жрецъ вынесъ имъ золотыя чаши, изъ которыхъ цари совершали обыкновенно возліяніе, но тамъ по ошибкѣ оказалось всего одиннадцать, хотя царей было двѣнадцать. Одинъ

[1]) При Сеѳосѣ, по разсказу Геродота, на Египетъ напалъ ассирійскій царь Санахарибъ. Царствованіе его (705—681 г.) совпадаетъ со временемъ наибольшаго могущества ассирійской монархіи. Санахарибъ (по Библіи—Сеннахерибъ), опустошивъ Іудею, собирался овладѣть Іерусалимомъ. Царь Езекія уже готовъ былъ сдаться, когда узналъ, что египетскій царь—эѳіопъ Тагарку ведетъ на помощь Іудеѣ племена Верхняго Нила. Ассирійская армія двинулась навстрѣчу въ Дельту, но здѣсь была наполовину уничтожена чумою, и Сеннахерибу пришлось вернуться въ Ниневію. «И случилось въ ту ночь», разсказываетъ Библія, «пошелъ Ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ. И встали по утру, и вотъ всѣ тѣла мертвыя. И отправился, и пошелъ, и возвратился Сеннахерибъ, царь ассирійскій, и жилъ въ Ниневіи». Такимъ образомъ царемъ Египта во время нашествія Сеннахериба былъ не Сеѳосъ, какъ разсказываетъ Геродотъ, а эѳіопъ Тагарку. По Геродоту, «царь-эѳіопъ» былъ предшественникомъ Сеѳоса, но ни египетскій жрецъ Манеѳонъ, оставившій намъ списокъ египетскихъ царей, ни историкъ Діодоръ, писавшій о томъ же, не знаютъ Сеѳоса и послѣ царя-эѳіопа помѣщаютъ прямо Псамметиха. Полагаютъ, что жрецы, разсказывавшіе Геродоту о прежнихъ царяхъ, выдали ему за царя того полководца, который при фараонѣ Тагарку отразилъ нападеніе Сеннахериба.

изъ царей, Псамметихъ, стоявшій съ краю и не получившій чаши, снялъ съ головы свой мѣдный шлемъ, подставилъ его и совершилъ изъ него возліяніе. Всѣ прочіе тоже носили шлемы и были на этотъ разъ также въ шлемахъ. Псамметихъ подставилъ шлемъ безъ всякаго злого умысла, но тѣ сопоставили поступокъ Псамметиха съ изреченіемъ оракула, который предсказалъ, что совершившій возліяніе изъ мѣдной чаши будетъ единымъ царемъ Египта. Впрочемъ, они сочли несправедливымъ убивать Псамметиха, такъ какъ, разслѣдовавъ дѣло, нашли, что тотъ поступилъ такъ безъ всякаго умысла; они рѣшили сослать его въ болота, лишивъ значительной доли власти, съ запрещеніемъ отлучаться оттуда и вступать въ сношенія съ остальнымъ Египтомъ.

Сознавая себя тяжко обиженнымъ, Псамметихъ рѣшилъ отомстить изгнавшимъ его. Онъ послалъ за совѣтомъ къ оракулу въ городъ Буто, гдѣ у египтянъ самое правдивое прорицалище. Пришло изреченіе, что мщеніе наступитъ съ моря съ появленіемъ мѣдныхъ людей. Онъ отнесся было съ большимъ недовѣріемъ къ этому извѣстію, будто на помощь ему придутъ мѣдные люди. Межъ тѣмъ, немного спустя, іоняне и каріяне, пустившіеся въ море за добычей, бурей занесены были въ Египетъ. Они высадились на сушу въ своихъ мѣдныхъ доспѣхахъ. Одинъ египтянинъ, не видавшій раньше такихъ людей, пришелъ въ болота и сообщилъ Псамметиху, что явились съ моря мѣдные люди и опустошаютъ равнину. Послѣдній, уразумѣвъ изреченіе оракула, дружественно принялъ іонянъ и каріянъ и склонилъ ихъ щедрыми обѣщаніями остаться у него. Съ помощью оставшихся вѣрными египтянъ и этихъ пришельцевъ онъ и свергъ съ престола царей [1]).

Овладѣвши цѣлымъ Египтомъ, Псамметихъ соорудилъ въ гефестовомъ храмѣ въ Мемфисѣ портикъ, на южной сторонѣ храма; кромѣ того, онъ противъ портика построилъ дворъ для а п и с а, гдѣ онъ и содержится, при своемъ появленіи. Дворъ этотъ окруженъ колоннадой, богато украшенной изображеніями; вмѣсто столбовъ его поддерживаютъ колоссы, въ двѣнадцать локтей вышиною.

Іонянамъ же и каріянамъ Псамметихъ далъ за услугу земли для поселенія, лежащія одна противъ другой и раздѣленныя Ниломъ. Земли эти получили названіе «Лагерей».

---

[1]) Псамметихъ (665—611) сталъ единовластнымъ въ 651 году.

Кромѣ этого, царь исполнилъ и всѣ прочія свои обѣщанія. Онъ даже поручилъ имъ египетскихъ дѣтей для обученія эллинскому языку; отъ этихъ людей, изучившихъ чужой языкъ, происходятъ теперешніе переводчики египетскіе.

Іоняне и каріяне долгое время жили на этихъ земляхъ,— онѣ лежатъ у моря, немного ниже города Бубаста, на такъ называемомъ пелузійскомъ устьѣ Нила. Впослѣдствіи царь Амазисъ, выселивъ ихъ отсюда въ Мемфисъ, образовалъ изъ нихъ стражу для себя противъ египтянъ. Со времени поселенія ихъ въ Египтѣ, находясь съ ними въ сношеніяхъ, мы, греки, отлично знаемъ все, что происходитъ въ Египтѣ; это былъ первый иноязычный народъ, поселившійся въ Египтѣ. На тѣхъ мѣстахъ, откуда они выселились, еще въ мое время виднѣлись корабельныя стоянки и обломки жилищъ.

Е. Амазисъ. Когда воцарился Амазисъ [1]), египтяне на первыхъ порахъ пренебрегали имъ и нисколько не цѣнили его, такъ какъ онъ происходилъ изъ незнатнаго дома; но затѣмъ онъ привлекъ ихъ на свою сторону своею мудростью и ловкостью. Среди безчисленныхъ сокровищъ у него была, между прочимъ, золотая лохань, въ которой самъ онъ и всѣ застольники обмывали себѣ ноги. Изломавъ ее, онъ велѣлъ сдѣлать изъ нея статую бога, которую и поставилъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ городѣ. Египтяне стали толпой ходить къ статуѣ и воздавать ей большія почести. Узнавъ о такомъ поведеніи гражданъ, Амазисъ созвалъ ихъ и объяснилъ, что статуя сдѣлана изъ лохани, въ которую прежде плевали, въ которой египтяне мыли ноги, межъ тѣмъ какъ теперь они ей поклоняются. Такое же превращеніе, какъ съ лоханью, случилось и съ нимъ самимъ, прибавилъ онъ: прежде онъ былъ простолюдиномъ, а въ настоящее время онъ—царь ихъ; поэтому онъ велѣлъ чтить его и оказывать ему уваженіе. Такимъ-то путемъ Амазисъ расположилъ къ себѣ египтянъ, такъ что они нашли справедливымъ рабски подчиняться ему.

Порядокъ занятій у него былъ такой. Съ ранняго утра до того времени, когда площадь наполняется народомъ [2]), онъ усердно занимался дѣлами, о которыхъ ему докладывали; а затѣмъ онъ пилъ, шутилъ съ гостями, проводилъ время въ праздности и забавахъ. Недовольные этимъ, друзья

---

[1]) Амазисъ II (570 525).

[2]) Обычное у эллиновъ выраженіе, указывающее на бытовую черту эллинской городской жизни: площадь наполнялась отъ 10 до 12 часовъ по нашему времени.

старались вразумить его такими рѣчами: «Царь! ты не хорошо поставилъ себя: ты слишкомъ предаешься пустякамъ. На важномъ посту слѣдуетъ важно и возсѣдать, посвящая весь день дѣламъ. Тогда и египтяне будутъ знать, что ими правитъ великій мужъ, и о тебѣ пойдетъ лучшая молва; а теперь ты ведешь себя совсѣмъ не по-царски». Царь отвѣтилъ на это: «Владѣющій лукомъ, когда нужно, натягиваетъ его, а когда не нужно, опускаетъ тетиву. Если бы лукъ все время былъ натянутъ, онъ лопнулъ бы, такъ что въ случаѣ надобности имъ нельзя было бы и пользоваться. Въ такомъ же положеніи и человѣкъ. Если бы ему вздумалось вѣчно заниматься дѣлами и не удѣлять части времени забавамъ, то онъ, самъ того не замѣчая, сошелъ бы, конечно, съ ума или отупѣлъ бы. Зная это, я и удѣляю часть времени и тому и другому». Такъ онъ отвѣчалъ своимъ друзьямъ.

Объ Амазисѣ разсказываютъ, впрочемъ, что, когда онъ былъ еще частнымъ человѣкомъ, онъ не прочь былъ выпить, повеселиться и не очень-то любилъ заниматься дѣломъ. Когда, среди пьянства и развлеченій, ему не хватало на это средствъ, онъ воровалъ кое-гдѣ по окрестностямъ. Если хозяинъ вещей утверждалъ, что вещи у Амазиса, а этотъ запирался, его водили къ мѣстному оракулу. Много разъ оракулы уличали его, но много разъ и оправдывали. Ставши царемъ, онъ поступалъ такъ: которыя божества не признали его воромъ, о тѣхъ онъ совершенно не заботился: ничего не давалъ на содержаніе ихъ храмовъ и самъ не ходилъ туда для жертвоприношеній, потому что считалъ ихъ недостойными поклоненія, а оракулы ихъ лживыми; напротивъ, о божествахъ, уличившихъ его въ воровствѣ, онъ усиленно заботился, считая ихъ истинными богами, а оракулы ихъ— неспособными ко лжи.

Въ Саисѣ Амазисъ построилъ въ честь Аѳины дивный портикъ, превзошедшій всѣ сооруженія его предшественниковъ высотою и обширностью, величиною и цѣнностью камней. Онъ же поставилъ огромные колоссы и замѣчательные по длинѣ сфинксы съ мужской головою. Для этихъ сооруженій онъ велѣлъ привезти необычайной величины камни: одни были доставлены изъ каменоломенъ у Мемфиса, другіе, самые огромные, изъ города Элефантины, отстоящаго отъ Саиса на двадцать дней пути по рѣкѣ. Еще болѣе удивительнымъ кажется мнѣ слѣдующее предпріятіе: изъ города Элефантины онъ велѣлъ перевезти монолитное зданіе. Три года везли

его, двѣ тысячи человѣкъ приставлены были къ дѣлу—и все кормчіе по профессіи. Длина этого покоя снаружи—21 локоть, ширина 14, вышина 8, а изнутри длина—18 съ лишкомъ, ширина—12, вышина—5 локтей. Онъ лежитъ теперь у входа въ святилище: внутрь не втащили его, и вотъ почему: когда тащили его, архитекторъ все время охалъ, недовольный работой и тѣмъ, что она тянулась очень долго. Амазиса встревожило это, и онъ не позволилъ тащить дальше. Другіе говорятъ, что былъ раздавленъ одинъ изъ рабочихъ, занятыхъ передвиженіемъ: изъ-за этого и не втащили монолита [1].

Въ царствованіе Амазиса Египетъ въ высшей степени благоденствовалъ: рѣка обогащала страну, страна людей; число населенныхъ городовъ доходило въ немъ до двадцати тысячъ. Амазисъ установилъ для египтянъ законъ, чтобы каждый египтянинъ ежегодно объявлялъ начальнику области, откуда онъ получаетъ средства къ жизни: кто не дѣлаетъ этого или кто не можетъ доказать, что онъ живетъ законными средствами, тотъ предается смерти. Аѳинянинъ Солонъ, заимствовавъ изъ Египта этотъ законъ, установилъ его и для своихъ согражданъ, и они постоянно соблюдаютъ этотъ безупречный законъ.

Амазисъ полюбилъ эллиновъ и многимъ изъ нихъ оказалъ услуги. Между прочимъ, онъ далъ право прибывающимъ въ Египетъ эллинамъ селиться въ городѣ Навкратисѣ, а нежелавшимъ переселяться и пріѣзжавшимъ лишь по торговымъ дѣламъ далъ участки земли—для сооруженія жертвенниковъ и храмовъ богамъ [2].

Съ Амазисомъ заключилъ дружественный союзъ Поликратъ, правитель острова Самоса. Они обмѣнялись дарами.

---

[1]) Портикъ въ Саисѣ (городъ на Дельтѣ) былъ сооруженъ при старинномъ храмѣ Нетъ или Нитъ, дѣвы-богини огня, творящаго міръ. Въ каменоломняхъ Верхняго Египта найдены надписи архитекторовъ и инженеровъ, посланныхъ Амазисомъ. Часовни изъ цѣльнаго гранита (наосы) и доселѣ сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта. Самая большая изъ нихъ имѣетъ, впрочемъ, лишь около 3 саженъ въ вышину; полагаютъ, что Геродотъ видѣлъ памятникъ Амазиса лежащимъ на боку и принялъ ширину его за высоту. Въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ, хранится наосъ изъ цѣльнаго камня, высѣченный при Амазисѣ, но онъ меньшихъ размѣровъ.

[2]) Навкратисъ (на канопійскомъ рукавѣ Нила) скоро сталъ цвѣтущей эллинской республикой и торговымъ центромъ. Египтяне недовольны были льготами, данными иностранцамъ; этимъ объясняются насмѣшливые разсказы объ Амазисѣ.

Вскорѣ послѣ этого могущество Поликрата въ короткое время сильно возрасло, и слава о немъ гремѣла по Іоніи и всей Элладѣ. Куда онъ ни отправлялся въ походъ, все ему удавалось. Имѣя сотню пятидесяти-весельныхъ кораблей и тысячу стрѣлковъ, онъ всѣхъ безъ различія разорялъ и грабилъ; онъ говорилъ, что больше угодитъ другу—возвративъ ему отнятое, нежели въ томъ случаѣ, если ничего не отниметъ. Онъ захватилъ цѣлую массу острововъ и много городовъ на материкѣ.

Великое счастье Поликрата не ускользнуло отъ вниманія Амазиса и сильно озаботило его. Видя, что оно все болѣе и болѣе возрастаетъ, Амазисъ послалъ на Самосъ письмо такого содержанія: «Амазисъ Поликрату. Пріятно знать, что другъ и союзникъ благоденствуетъ; но твои великія удачи не радуютъ меня: я знаю, что божество завистливо И для себя и для людей, къ которымъ я расположенъ, я желалъ бы счастья въ однихъ дѣлахъ и неудачи въ другихъ, такъ чтобы жить съ перемѣннымъ счастьемъ, а не всегда и вездѣ быть счастливымъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы человѣкъ, пользовавшійся во всемъ удачей, избѣгъ злой смерти и окончательнаго разоренія. Послушайся же меня, прими противъ счастья своего такую мѣру: подумай, что у тебя есть самаго драгоцѣннаго, потеря чего больше всего тебя огорчила бы, и закинь эту вещь такъ, чтобы она уже не попадалась въ руки людямъ. Если и послѣ этого счастье у тебя не будетъ чередоваться съ горемъ, опять прибѣгай къ тому средству, которое я указываю». Прочитавъ письмо и понявши, что Амазисъ даетъ хорошій совѣтъ, Поликратъ сталъ размышлять, какое изъ его сокровищъ ему тяжелѣе всего было бы потерять. Онъ остановился наконецъ вотъ на чемъ. Былъ у него перстень съ печатью,—отдѣланный въ золото смарагдъ, работа самосца Ѳеодора, сына Телекла; онъ носилъ его на рукѣ; его-то онъ и рѣшилъ забросить и поступилъ для этого такъ: снарядилъ пятидесяти-весельное судно, сѣлъ на него и велѣлъ плыть въ открытое море. Отъѣхавъ далеко отъ острова, онъ на виду всѣхъ плывшихъ съ нимъ снялъ перстень и бросилъ въ море. Затѣмъ онъ поплылъ обратно, вернулся домой и уразумѣлъ горе.

Но на пятый или шестой день случилось слѣдующее. Одинъ рыбакъ поймалъ большую и прекрасную рыбину и рѣшилъ поднести ее Поликрату въ подарокъ. Явившись съ

нею въ дворецъ, онъ заявилъ, что желаетъ лично видѣть Поликрата. Когда это ему удалось, онъ сказалъ, вручая рыбу: «Царь! поймавъ эту рыбу, я рѣшилъ, что не долженъ нести ее на рынокъ, хотя я и живу трудами рукъ своихъ: она показалась мнѣ достойною тебя и твоего сана, поэтому я и подношу тебѣ ее». Царь остался доволенъ этою рѣчью и сказалъ: «Отлично ты поступилъ,—вдвойнѣ благодарю тебя: за рѣчь и за подарокъ. Приходи на обѣдъ и ты». Рыбакъ, считая это для себя великою честью, вернулся домой. Межъ тѣмъ слуги взрѣзали рыбу и въ желудкѣ ея нашли Поликратовъ перстень. Увидѣвъ, они тотчасъ же захватили его съ собою и съ радостью понесли къ Поликрату; передавая его, они разсказали, какъ онъ былъ найденъ. Поликратъ, догадавшись, что это дѣло божества, описалъ все, что сдѣлалъ и что изъ этого вышло, и послалъ письмо въ Египетъ.

Прочитавъ полученное отъ Поликрата письмо, Амазисъ понялъ, что человѣкъ человѣка не можетъ спасти отъ предстоящей бѣды, что Поликратъ не хорошо окончитъ свою жизнь, разъ ему везетъ во всемъ, разъ онъ находитъ даже то, что забрасываетъ. Пославъ въ Самосъ вѣстника, онъ заявилъ, что разрываетъ союзъ. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы самому не терзаться въ душѣ за своего друга, когда Поликрата постигнетъ великое и страшное горе [1]).

Ж. Псамменитъ. Разбитые персидскимъ царемъ Камбизомъ [2]), египтяне въ совершенномъ безпорядкѣ бѣжали съ поля битвы. Когда они добрались до Мемфиса, Камбизъ послалъ къ нимъ вверхъ по рѣкѣ на митиленскомъ [3]) суднѣ посла, перса родомъ, предлагая заключить договоръ. Но египтяне, завидѣвъ подошедшее къ Мемфису судно, толпой устремились съ укрѣпленій, разломали судно, изрубили людей въ куски и унесли ихъ съ собою въ укрѣпленіе. Осажденные послѣ этого персами, египтяне наконецъ покорились.

На десятый день послѣ взятія мемфисской крѣпости

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ о томъ, какъ Поликратъ лишился могущества, какъ его заманилъ къ себѣ и умертвилъ одинъ персидскій сатрапъ. Разсказъ Геродота, такъ живо рисующій взгляды эллиновъ на судьбу и отношеніе боговъ къ людямъ, обработанъ въ прекрасной балладѣ Шиллера *Поликратовъ перстень*, переведенной Жуковскимъ.

[2]) При Пелузіи (у пелузійскаго рукава) въ 525 г.

[3]) Митилена—городъ на Лесбосѣ

Камбизъ посадилъ въ городскомъ предмѣстьѣ на поруганіе царя египетскаго Псамменита, процарствовавшаго всего шесть мѣсяцевъ. Посадивъ здѣсь царя вмѣстѣ съ другими египтянами, онъ рѣшилъ испытать его мужество. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ одѣть дочь его въ платье рабыни и послалъ ее съ кувшиномъ за водою; съ нею были посланы и другія дѣвушки, дочери первыхъ въ странѣ людей, одѣтыя такъ же, какъ и царевна. Съ криками и воплями проходили дѣвушки мимо отцовъ своихъ. Послѣдніе, видя позоръ дѣтей, тоже подняли вопль и рыданія. Одинъ лишь Псамменитъ, бросивъ взглядъ впередъ и понявъ все, молча поникъ головою. Лишь только прошли дѣвушки, Камбизъ велѣлъ вести сына его съ двумя тысячами другихъ египтянъ одного съ нимъ возраста, взнузданныхъ, съ веревкою на шеѣ. Ихъ вели на казнь, чтобы отомстить за митиленцевъ, погибшихъ въ Мемфисѣ вмѣстѣ съ судномъ. Такъ рѣшили царскіе судьи, предложившіе за каждаго убитаго казнить десятерыхъ знатныхъ египтянъ. Псамменитъ видѣлъ, какъ они проходили мимо, и понялъ, что сынъ его идетъ во главѣ ихъ на смерть. Всѣ прочіе египтяне, сидѣвшіе кругомъ него, рыдали, громко выражая свое горе; но онъ и тутъ велъ себя такъ же, какъ при видѣ дочери. Только что юноши прошли, произошелъ такой случай. Мимо Псамменита и сидѣвшихъ съ нимъ египтянъ плелся по предмѣстью одинъ изъ застольныхъ друзей его, человѣкъ довольно пожилой, потерявшій состояніе, впавшій въ нищету и бродившій по войску за милостыней. Замѣтивъ его, Псамменитъ громко зарыдалъ, окликнулъ друга по имени и сталъ бить себя по головѣ. Стоявшая при немъ стража доносила Камбизу обо всемъ, что дѣлалъ Псамменитъ, при видѣ той или иной процессіи. Камбиза удивило поведеніе Псамменита; онъ послалъ къ нему вѣстника, который сказалъ: «Царь Камбизъ спрашиваетъ тебя, почему ты при видѣ позора дочери, при видѣ сына, влекомаго на смерть, не рыдалъ и не испускалъ криковъ, но почтилъ своимъ сочувствіемъ нищаго, который, какъ царь слышалъ, даже не связанъ съ тобой узами родства?» Въ отвѣтъ на это Псамменитъ велѣлъ передать такія слова: «О сынъ Кира! домашнее мое горе слишкомъ велико для того, чтобы его оплакивать; но горе друга достойно слезъ,—друга, который на порогѣ старости отъ изобилія и благоденствія перешелъ къ нищетѣ». Когда отвѣтъ принесли Камбизу, онъ нашелъ его удачнымъ. Крезъ же, сопровожда-

вшій Камбиза въ Египтѣ, по словамъ египтянъ, даже плакалъ при этомъ; плакали и бывшіе тутъ персы. Камбизъ былъ тронутъ и сейчасъ же велѣлъ освободить царевича отъ казни, а самого Псаммениmа привести изъ предмѣстья къ нему.

Однако посланные не застали уже юношу въ живыхъ: онъ казненъ былъ первымъ; Псаммениmа они захватили и привели. Съ этого времени онъ и жилъ у Камбиза, ничѣмъ не стѣсняемый.

III. Скиѳія и скиѳы.

Скиѳы. Скиѳы разсказываютъ, что они—юнѣйшій изъ всѣхъ народовъ и произошли такимъ образомъ. Первымъ человѣкомъ въ этой землѣ, тогда еще пустынной, былъ нѣкто Таргитай; родителями этого Таргитая они называютъ, чему я однако не вѣрю, Зевса и дочь Борисѳена-рѣки [1]). Таковъ разсказъ о происхожденіи Таргитая. У послѣдняго было три сына: Липоксай, Арпоксай и младшій Колаксай. При нихъ съ неба упали на скиѳскую землю золотыя вещи: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша. Увидѣвши ихъ первымъ, старшій братъ подошелъ было ближе, желая взять ихъ, но золото, при его приближеніи, загорѣлось, и онъ отбѣжалъ прочь. Затѣмъ пошелъ было средній братъ,—золото снова воспламенилось. Такимъ образомъ горящее золото обоихъ ихъ отпугнуло прочь; когда же приблизился третій братъ, самый младшій, оно потухло, и онъ взялъ вещи себѣ. Старшіе братья въ виду этого согласились передать все царство младшему.

Отъ Липоксая произошли тѣ скиѳы, которые носятъ названіе рода авхатовъ; отъ средняго, Арпоксая,—тѣ, которыхъ зовутъ катіарами и траспіями; а отъ младшаго—«царскіе» скиѳы, называемые паралатами. Всѣ вмѣстѣ они называются сколотами, по имени царя; а скиѳами назвали ихъ эллины.

Такъ разсказываютъ скиѳы о своемъ происхожденіи, прибавляя, что со времени ихъ возникновенія, отъ перваго царя Таргитая, до похода Дарія въ ихъ страну прошло круглымъ числомъ не болѣе тысячи лѣтъ. Что касается священнаго золота, то его весьма заботливо оберегаютъ «царскіе»

---

[1]) Борисѳенъ—Днѣпръ; Босфоръ Киммерійскій—Керченскій проливъ; Гипакирисъ—Молочная, впадающая въ Азовское море; Гипанисъ—Бугъ; Меотидское озеро—Азовское море; Пантикапъ-Конка, притокъ Днѣпра; Понтъ Эвксинскій—Черное море; Таврика—Крымъ; Танаисъ—Донъ; Тиръ—Днѣстръ.

скиѳы; они прибѣгаютъ къ нему съ молитвой, ежегодно умилостивляя великими жертвами. Кто, охраняя священное золото, заснетъ подъ открытымъ небомъ во время праздника, тотъ, по мнѣнію скиѳовъ, не проживетъ даже года; поэтому-то такой человѣкъ получаетъ въ подарокъ землю,— сколько объѣдетъ на конѣ въ одинъ день. Такъ какъ страна эта велика, то Колаксай учредилъ въ ней три царства для своихъ дѣтей и одно изъ нихъ сдѣлалъ наиболѣе обширнымъ: въ немъ и сохраняется золото. Выше этой страны, къ сѣверу, по разсказамъ скиѳовъ, невозможно ни видѣть въ даль, ни пройти, вслѣдствіе массы разсыпанныхъ перьевъ: перьями тамъ сплошь покрыта земля, и наполненъ воздухъ, —они-то и застилаютъ даль.

Аристей, сынъ Каистробія, уроженецъ Проконнеса, говоритъ въ своей эпической поэмѣ [1], что, вдохновленный Фебомъ, онъ ходилъ къ исседонамъ, что де выше исседоновъ живутъ одноглазые аримаспы, за ними—стерегущіе золото грифы, а еще выше гипербореи, простирающіеся до моря. Всѣ эти народы, кромѣ гипербореевъ, вѣчно нападаютъ, по его словамъ, на своихъ сосѣдей: аримаспы у него гонятъ изъ страны исседоновъ, исседоны скиѳовъ, а киммеріяне, жившіе у моря, на югѣ [2]), покидаютъ страну подъ напоромъ скиѳовъ. Такимъ образомъ разсказъ его не сходится съ преданіемъ самихъ скиѳовъ.

---

[1]) Аристей, уроженецъ острова Проконнеса (нынѣ Мармора, на Мраморномъ морѣ), современникъ Кира и Креза, описывалъ свои путешествія въ поэмахъ, не дошедшихъ до насъ. Древніе упоминаютъ о его сочиненіи *Аримаспея*. Впослѣдствіи личность Аристея стала легендарною; о немъ стали разсказывать, что онъ могъ творить чудеса

[2]) Разумѣется Черное море.—По преданію, передаваемому самимъ Геродотомъ, киммеріяне были древнѣйшими обитателями той страны, которая потомъ занята была скиѳами. Явившіеся изъ Азіи скиѳы-кочевники напали на киммеріянъ въ ихъ собственной странѣ. Населеніе рѣшило бѣжать, цари же киммерійскіе всѣ перебили другъ друга и похоронены были подлѣ рѣки Тира (Днѣстра). Бѣжавшіе киммеріяне устремились вдоль берега Чернаго моря, черезъ Кавказъ, въ Азію и поселились, по словамъ Геродота, «на томъ полуостровѣ, гдѣ стоитъ эллинскій городъ Синопа» (на южномъ берегу Чернаго моря) И дѣйствительно, исторія хорошо знаетъ киммеріянъ, жившихъ въ Азіи. Они въ 650 году овладѣли даже городомъ Сардами: ихъ разбилъ лидійскій царь Алліатъ. Полагаютъ, что народъ «гомеръ», упоминаемый въ Ветхомъ Завѣтѣ, это—тѣ же киммеріяне. Они же сражались съ ассиріянами, и имя ихъ встрѣчается въ ассирійскихъ надписяхъ. Въ Европѣ воспоминаніе о киммеріянахъ осталось въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Геродотъ говоритъ, что и въ его время въ Скиѳіи

Впрочемъ, того, что находится выше страны, о которой мы повели рѣчь, никто въ точности не знаетъ. Я не могъ найти ни одного человѣка, который самъ видѣлъ бы, что тамъ есть. Даже Аристей, о которомъ я только что упоминалъ, не ходилъ дальше исседоновъ, какъ онъ говоритъ въ самой поэмѣ; о странахъ же болѣе отдаленныхъ онъ разсказываетъ по-наслышкѣ, ссылаясь на то, что такъ говорили ему исседоны. Какъ бы то ни было, я сообщу всѣ точныя свѣдѣнія, какія мы могли собрать объ этихъ отдаленнѣйшихъ странахъ.

За торговымъ городомъ борисѳенянъ [1]), занимающимъ какъ разъ середину морского побережья Скиѳіи, первы ми живутъ каллипиды, представляющіе собою полуэллиновъ-полускиѳовъ; выше ихъ живетъ другой народъ, алазоны. Эти послѣдніе, а равно и каллипиды ведутъ совершенно такой же образъ жизни, какъ скиѳы; хлѣбъ они сѣютъ и потребляютъ, также какъ и лукъ, чеснокъ, чечевицу, просо. Выше алазоновъ живутъ скиѳы-пахари, которые сѣютъ хлѣбъ не для собственнаго потребленія, а для продажи. Еще выше живутъ невры. Сѣверная же часть ихъ страны, насколько мы знаемъ, необитаема. Таковы народы, живущіе вдоль рѣки Гипаниса, къ западу отъ Борисѳена.

Перейдя Борисѳенъ, мы прежде всего вступаемъ въ прилегающую къ морю Гилею; за ней идутъ скиѳы-земледѣльцы, которые у эллиновъ, живущихъ по Гипанису и называющихъ себя ольбіопольцами, слывутъ подъ именемъ борисѳенянъ. Страна этихъ скиѳовъ-земледѣльцевъ простирается къ во-

---

были «киммерійскія укрѣпленія», «киммерійскія переправы» и «Киммерійскій Босфоръ». Гдѣ были эти укрѣпленія и переправы, мы не знаемъ, но Киммерійскимъ Босфоромъ у эллиновъ назывался Керченскій проливъ, отдѣляющій восточную оконечность Крыма отъ Таманскаго полуострова. Такимъ образомъ, если киммеріяне жили нѣкогда и въ Европѣ, то Крымъ, несомнѣнно, былъ одной изъ странъ, которыя они занимали.

[1]) Рѣчь идетъ о цвѣтущемъ и богатомъ городѣ Ольбіи (Ольвіи), милетской колоніи, основанной около 645 года на правомъ берегу Буга. Незадолго до Р. Х. она была разрушена гетами. Нынѣ на этомъ мѣстѣ, у села Ильинскаго, въ 35 верстахъ къ югу отъ Николаева, на правомъ берегу Бугскаго лимана, виднѣется рядъ кургановъ,—по-мѣстному «Сто могилъ».—Борисѳенами ниже названы скиѳы, живущіе на востокъ отъ Борисѳена. Геродотъ Ольбію называетъ «городомъ борисѳенянъ», т. е. лежащимъ въ землѣ борисѳенянъ, хотя городъ лежалъ не на самомъ Борисѳенѣ, а у лимана, образованнаго водами Гипаниса и Борисфена.

стоку на три дня пути [1]), до рѣки, называемой Пантикапомъ, а къ сѣверу, по Борисѳену, на одиннадцать дней пути. Выше ея лежитъ обширная пустыня. За пустыней живутъ андрофаги, племя особое, не скиѳскаго происхожденія. А еще выше простирается настоящая уже пустыня, незанятая ни однимъ, насколько мы знаемъ, народомъ.

Къ востоку отъ этихъ скиѳовъ-земледѣльцевъ, за рѣкою Пантикапомъ, живутъ уже скиѳы-кочевники; они ничего не сѣютъ и не пашутъ. Всѣ эти земли, за исключеніемъ Гилеи, безлѣсны. Область этихъ кочевниковъ простирается къ востоку на четырнадцать дней пути, до рѣки Герра

За Герромъ идутъ такъ называемыя «царскія мѣста»; здѣсь живетъ самое храброе и самое многочисленное племя скиѳовъ, считающее остальныхъ скиѳовъ своими рабами. Страна ихъ на югъ простирается до Таврики, на востокъ до рва, который выкопали, какъ извѣстно, потомки слѣпыхъ, и до такъ называемыхъ Кремновъ, гавани на Меотидскомъ озерѣ [2]). Нѣкоторыя владѣнія ихъ доходятъ до рѣки Танаиса. Къ сѣверу отъ царскихъ скиѳовъ живутъ меланхлены, народъ особый, не скиѳскаго происхожденія; а еще выше лежатъ, насколько мы знаемъ, болота и безлюдная пустыня.

За рѣкою Танаисомъ страна уже не скиѳская. Первая область здѣсь принадлежитъ савроматамъ. Она тянется отъ угла Меотидскаго озера къ сѣверу на пятнадцать дней пути; здѣсь совершенно нѣтъ деревьевъ, ни дикихъ ни садовыхъ. Слѣдующую область, лежащую выше, занимаютъ будины. Страна ихъ покрыта густымъ и разнообразнымъ лѣсомъ.

Выше будиновъ къ сѣверу на семь дней пути тянется прежде всего пустыня; за пустыней, по направленію къ востоку, живутъ ѳиссагеты, народъ особый и многочисленный;

---

[1]) «День пути»—это, по Геродоту, 200 стадій, т. е. около 35 верстъ.

[2]) Геродотъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что однажды скиѳы пошли въ походъ на Мидію. Въ ихъ отсутствіе молодое потомство ослѣпленныхъ скиѳами рабовъ рѣшило не пускать скиѳовъ назадъ, на родину. Для этого молодежь вырыла ровъ «отъ Таврическихъ горъ до наиболѣе широкой части Меотидскаго озера». Полагаютъ, что ровъ этотъ отдѣлялъ восточную часть Крыма—Керченскій полуостровъ и тянулся отъ Ѳеодосіи до Арабатской стрѣлки, отдѣляющей Сивашъ отъ Азовскаго моря. Кремны—торговый пунктъ, недалеко отъ нынѣшняго Ногайска, на Азовскомъ морѣ.

средства къ жизни они добываютъ охотой. Рядомъ съ ними въ той же мѣстности живутъ іирки. Средства къ жизни они добываютъ тоже охотой, которая производится слѣдующимъ образомъ. Взлѣзши на дерево, охотникъ садится тамъ въ засадѣ (вся страна эта покрыта лѣсами); внизу у каждаго на-готовѣ собака и лошадь, пріученная лежать на брюхѣ для того, чтобы она была ниже. Завидѣвъ съ дерева звѣря, охотникъ пускаетъ изъ лука стрѣлу, садится на коня и бросается въ погоню, сопровождаемый собакою. Къ востоку отъ этого племени живутъ другіе скиѳы, отдѣлившіеся отъ прочихъ и прибывшіе въ эту мѣстность.

До земли этихъ скиѳовъ всѣ перечисленныя нами страны представляютъ равнину съ тучной почвой: а начиная отсюда, земля каменистая и неровная. Если перейти значительную часть и этой неровной мѣстности, то у подошвы высокихъ горъ встрѣтимъ людей, которые, говорятъ, всѣ плѣшивы отъ рожденія, мужчины и женщины одинаково, имѣютъ плоскій носъ и большія челюсти; рѣчь у нихъ совершенно особая; одежду они носятъ скиѳскую, а питаются плодами дерева, извѣстнаго подъ именемъ понтійскаго (черешни). Величиной это дерево приблизительно со смоковницу; оно приноситъ плодъ, похожій на бобъ, съ косточкой въ серединѣ. Когда плоды созрѣютъ, ихъ процѣживаютъ сквозь ткань; получается густой черный сокъ, называемый асхи. Сокъ этотъ лижутъ, пьютъ, смѣшавши съ молокомъ, а изъ мясистой части приготовляютъ пастилу, которую и ѣдятъ. Скота здѣсь не много, потому что нѣтъ хорошихъ пастбищъ. Жители здѣсь круглый годъ живутъ каждый подъ деревомъ— и зимой, когда дерево закрываютъ кругомъ толстымъ бѣлымъ войлокомъ, и лѣтомъ, когда войлока не нужно. Никто изъ людей не обижаетъ ихъ: они слывутъ священными. Оружія у нихъ совершенно нѣтъ. Они разбираютъ споры у окружныхъ сосѣдей: убѣжавшій къ намъ изгнанникъ никѣмъ уже не можетъ быть обиженъ. Имя этого народа—аргиппеи.

Всѣ страны до этихъ плѣшивыхъ хорошо извѣстны, равно какъ и племена, живущія передъ ними. Племена эти посѣщаются нѣкоторыми изъ скиѳовъ, отъ которыхъ не трудно получить свѣдѣнія, равно какъ и отъ эллиновъ изъ портоваго города Борисѳена [1]) и изъ другихъ городовъ, лежа-

[1]) Борисѳенъ (по имени сосѣдней рѣки Днѣпра-Борисѳена)—другое названіе Ольбіи. При Понтѣ лежали Пантикапея, Фанагорія, Танаида и другія колоніи эллиновъ.

щихъ при Понтѣ. Посѣщающіе ихъ скиѳы ведутъ свои дѣловыя сношенія на семи языкахъ съ помощью семи переводчиковъ.

Итакъ до плѣшивыхъ страна извѣстна, а что дальше ихъ. этого никто не можетъ сказать съ достовѣрностью; ибо на границѣ стоятъ высокія неприступныя горы, которыхъ никто не переходилъ. Плѣшивые эти разсказываютъ— чему я, впрочемъ, не вѣрю—что въ горахъ живутъ люди съ козьими ногами, а за ними дальше—люди, которые шесть мѣсяцевъ спятъ; но это представляется мнѣ уже совершенно невѣроятнымъ. Страна на востокъ отъ плѣшивыхъ занята исседонами,—это въ точности извѣстно; но что выше плѣшивыхъ и исседоновъ, это извѣстно лишь изъ разсказовъ этихъ двухъ народовъ.

У исседоновъ, говорятъ, существуетъ такой обычай. Когда умретъ у кого отецъ, родственники пригоняютъ всѣ скотъ, рѣжутъ его въ жертву, разрѣзаютъ на куски мясо, а равно и трупъ родителя хозяина, перемѣшиваютъ все это и подаютъ на столъ. Черепъ же покойнаго, освободивъ отъ волосъ и вычистивъ, покрываютъ позолотой и затѣмъ употребляютъ вмѣсто священнаго сосуда при совершаемыхъ ежегодно торжественныхъ жертвоприношеніяхъ. Сынъ устраиваетъ все это въ честь отца,—въ родѣ того, какъ и у эллиновъ бываютъ поминки. Вообще же и этотъ народъ слыветъ справедливымъ; женщины у него равноправны съ мужчинами.

Такимъ образомъ и этотъ народъ до нѣкоторой степени извѣстенъ; свѣдѣнія же о томъ, что дальше его, мы получаемъ лишь отъ исседоновъ, которые разсказываютъ, что тамъ живутъ одноглазые люди и грифы, стерегущіе золото. Отъ исседоновъ свѣдѣнія эти перешли къ скиѳамъ, отъ скиѳовъ къ намъ; поэтому-то мы и называемъ этотъ народъ скиѳскимъ именемъ аримаспами: арима у скиѳовъ значитъ «одинъ», а спу—«глазъ».

Климатъ всѣхъ только что перечисленныхъ странъ очень холодный: нестерпимые холода стоятъ здѣсь цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Въ эту пору, выливъ на землю воду, не получишь грязи, а разожжешь огонь—получится грязь. Море и весь Киммерійскій Босфоръ замерзаютъ; скиѳы, живущіе по сю сторону рва, ходятъ по льду въ походъ и переѣзжаютъ въ повозкахъ на другой берегъ, къ синдамъ [1]). Такимъ обра-

[1]) Синды жили на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ. Ихъ

зомъ восемь мѣсяцевъ тамъ тянется зима, да и въ остальные четыре мѣсяца бываетъ холодно. Зима въ этихъ странахъ, сравнительно со всѣми другими странами, имѣетъ ту особенность, что дожди въ обычную для нихъ пору [1]) идутъ лишь самые незначительные, межъ тѣмъ какъ лѣтомъ дождь здѣсь не прекращается. Грозъ тамъ не бываетъ въ ту пору, когда онѣ бываютъ въ другихъ мѣстахъ, но лѣтомъ онѣ очень сильны. Если громъ послышится зимою, всѣ этому дивятся, какъ чуду. Точно такъ же чудомъ считается въ Скиѳіи и землетрясеніе,—будь оно лѣтомъ или зимой. Лошади выносятъ такую зиму, но мулы и ослы совершенно не выносятъ ея, хотя въ другихъ странахъ лошади, стоящія на морозѣ, погибаютъ отъ воспаленія, а ослы и мулы выдерживаютъ холодъ.

Мнѣ кажется, что по этой же причинѣ и безрогая порода быковъ не имѣетъ тамъ роговъ. Мнѣніе мое подтверждается и стихомъ Гомера,—изъ Одиссеи. Онъ говоритъ о Ливіи, гдѣ «ягнята рогатыми быстро бываютъ» [2]). Здѣсь вѣрно подмѣчено, что въ теплыхъ странахъ рога выростаютъ быстро; межъ тѣмъ при сильныхъ холодахъ рога у скота совсѣмъ не растутъ или едва-едва выростаютъ.

Что же касается перьевъ, которыми, какъ говорятъ скиѳы, тамъ наполненъ воздухъ и изъ-за которыхъ нельзя ни видѣть въ даль ни пройти, то я держусь на этотъ счетъ такого мнѣнія. Въ странахъ, лежащихъ выше Скиѳіи, постоянно идетъ снѣгъ,—лѣтомъ конечно, меньше, чѣмъ зимою. Кто видѣлъ вблизи, какъ идетъ густой снѣгъ, тотъ понимаетъ меня, такъ какъ снѣгъ похожъ на перья. Вслѣдствіе слишкомъ суровой зимы, сѣверныя области материка стали необитаемыми, а снѣгъ скиѳы и ихъ сосѣди, выражаясь образно, и называютъ перьями. Таковы свѣдѣнія объ этихъ отдаленнѣйшихъ краяхъ.

О гипербореяхъ же ничего не сообщаютъ ни скиѳы ни иные обитатели тамошнихъ странъ. Можно было бы думать,

---

городъ Синда былъ на мѣстѣ нынѣшней Анапы. Керченскій проливъ и нынѣ часто замерзаетъ, такъ какъ здѣсь обыкновенно скопляется много наноснаго льду.

[1]) Т. е. въ ту пору, когда въ Элладѣ бываютъ частые дожди. Грозы въ Элладѣ чаще всего бываютъ весною и осенью.

[2]) *Одиссея, IV,* 85. Геродотъ не говорилъ бы этого, если бы зналъ объ огромныхъ рогахъ оленей и лосей, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ.

что о нихъ знаютъ исседоны; но и они, кажется мнѣ, ничего не могутъ разсказать о гипербореяхъ; въ противномъ случаѣ, о нихъ разсказывали бы и скиѳы, какъ разсказываютъ они объ одноглазыхъ людяхъ. О гипербореяхъ упоминается, впрочемъ, у Гезіода, а также и у Гомера въ Эпигонахъ, если только поэму эту составилъ дѣйствительно Гомеръ [1]).

Гораздо больше даютъ о нихъ свѣдѣній делосцы. По ихъ разсказамъ, отъ гипербореевъ приходятъ къ нимъ священные дары, завернутые въ пшеничную солому [2]). Сначала дары эти приходятъ къ скиѳамъ, а отъ скиѳовъ, передаваемые отъ народа къ народу, доставляются на отдаленный западъ, къ Адріатическому морю; отсюда дары пересылаются дальше на югъ и въ Элладѣ прежде всего проходятъ черезъ руки жителей Додоны, а отъ нихъ идутъ къ Малійскому заливу и на Эвбею, переходя изъ города въ городъ до самаго Кариста. Изъ Кариста дары, минуя Андросъ, попадаютъ на Теносъ, а отсюда и въ Делосъ [3]). Такимъ-то путемъ прибываетъ, по словамъ делосцевъ, эта святыня къ нимъ на островъ [4]). Но въ первый разъ гипербореи послали съ дарами двухъ дѣвушекъ, которыхъ делосцы назы-

---

[1]) Гезіодъ, родившійся въ Аскрѣ, у подошвы горы музъ Геликона, писавшій языкомъ и размѣромъ Гомера, котораго древніе считали современникомъ его, былъ родоначальникомъ дидактическаго эпоса. Отъ него сохранились сочиненія: *Дѣла и дни*, наставленія для сельскаго хозяина, *Ѳеогонія*, ученіе о происхожденіи боговъ, и небольшое стихотвореніе *Щитъ Геракла*. Изъ этихъ сочиненій только первое всѣми признается за подлинное произведеніе Гезіода. О гипербореяхъ въ этихъ сочиненіяхъ ничего не говорится.—*Эпигонами* называлось эпическое произведеніе, повѣствовавшее о второмъ походѣ противъ Ѳивъ, предпринятомъ «эпигонами», т. е. потомками (сыновьями) семи героевъ, совершившихъ первый походъ

[2]) Разумѣется первый сборъ зерна или плодовъ, который у многихъ народовъ посвящался божеству.

[3]) Изъ Додоны, въ Эпирѣ, дары идутъ на юговостокъ къ Малійскому заливу, лежащему на югѣ Ѳессаліи, у Ѳермопилъ, противъ Эвбеи. Городъ Каристъ лежалъ на южномъ побережьѣ Эвбеи; Андросъ, первый на пути изъ цикладскихъ острововъ, не имѣлъ святилища Аполлона, поэтому послы съ дарами не заходили сюда.

[4]) Делосъ, меньшій изъ цикладскихъ острововъ, мѣсто рожденія Аполлона и Артемиды, былъ для Эллады торговымъ центромъ и складомъ огромныхъ богатствъ, которыя находились здѣсь подъ охраною божества. Съ 476 года по 454 здѣсь хранилась союзническая касса аттической лиги. Близъ гавани находился великолѣпный храмъ Аполлона. На весенній делосскій праздникъ въ честь Аполлона съѣзжались посольства отъ іонянъ изъ разныхъ странъ Эллады и даже отъ устья

ваютъ Гиперохою и Лаодикою. Вмѣстѣ съ ними гипербореи послали въ видахъ безопасности пятерыхъ мужчинъ въ качествѣ проводниковъ изъ числа своихъ согражданъ; они и теперь еще, подъ именемъ перфереевъ («подателей»), пользуются на Делосѣ высокимъ почитаніемъ. Такъ какъ посланные не возвращались назадъ, то гипербореи изъ опасенія, какъ бы послы не стали пропадать постоянно, съ тѣхъ поръ приносятъ дары, завернутые въ пшеничную солому, только къ своей границѣ и тутъ поручаютъ своимъ сосѣдямъ препровождать эти дары все дальше и дальше, отъ народа къ народу. Пересылаемые такимъ путемъ, дары достигаютъ наконецъ Делоса. Мнѣ лично извѣстенъ одинъ обрядъ, напоминающій эти дары: когда ѳракійскія и пеонійскія женщины приносятъ жертву Царицѣ-Артемидѣ [1]), онѣ обязательно употребляютъ при этомъ пшеничную солому.

Кромѣ того, въ честь этихъ гиперборейскихъ дѣвушекъ, умершихъ на Делосѣ, делосскіе дѣвы и юноши стригутъ себѣ волосы. Первыя изъ нихъ передъ свадьбою отрѣзаютъ у себя локонъ волосъ и, намотавши на веретено, кладутъ на могилу; самая могила находится внутри святилища, направо, при входѣ въ храмъ Артемиды; на ней растетъ маслина. Делосскіе же юноши наматываютъ пряди волосъ на какую-нибудь зелень и тоже кладутъ ихъ на эту могилу.

У Понта Эвксинскаго обитаютъ, говоря вообще, наиболѣе невѣжественные въ свѣтѣ народы, если не считать скиѳовъ. По сю сторону Понта [2]) мы не можемъ указать ни одного народа, сколько-нибудь мудраго, кромѣ скиѳовъ; мы не знаемъ здѣсь даже ни одного выдающагося по уму человѣка, кромѣ Анахарсиса [3]). Впрочемъ, и скиѳскій народъ оказывается наиболѣе мудрымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ въ одномъ только отношеніи, правда, наибо-

---

Дуная. Аполлону въ это время приносили первые плоды весны. Веселый праздникъ, сопровождавшійся пѣніемъ и плясками, былъ въ то же время чѣмъ то въ родѣ ярмарки: сюда съѣзжались купцы, здѣсь продавали, покупали и заключали контракты.

[1]) Пеонія — верхнія долины рѣкъ Аксія, нынѣшняго Вардара, впадающаго въ Салоникскій заливъ, и Стримона. Геродотъ разумѣетъ здѣсь ѳракійскую богиню луны Бендиду.

[2]) Съ точки зрѣнія Геродота это выраженіе означаетъ: «къ сѣверо-западу отъ Понта».

[3]) Скиѳъ Анахарсисъ извѣстенъ былъ въ Элладѣ своими отдаленными путешествіями; разсказывали, между прочимъ, что онъ былъ въ Элладѣ и видѣлся съ Солономъ.

лѣе важномъ въ судьбахъ человѣчества; за все прочее я не могу его похвалить. Преимущество это заключается въ томъ, что ни одинъ врагъ, напавшій на скиѳовъ, не можетъ ни ускользнуть ни захватить ихъ, если они не захотятъ быть открытыми, потому что у нихъ нѣтъ ни городовъ ни укрѣпленій. Они передвигаютъ свои жилища съ собою: всѣ они—конные стрѣлки и добываютъ средства не земледѣліемъ, а скотоводствомъ. Жилища у нихъ—на повозкахъ,—какъ же имъ послѣ этого не быть непобѣдимыми и недоступными для врага!

Такой образъ жизни они придумали потому, что этому способствуетъ и самая страна ихъ и рѣки. Земля у нихъ ровная, обильная пастбищами и водою. Она почти такъ же изрѣзана рѣками, какъ Египетъ каналами. Я назову лишь тѣ рѣки, которыя славятся и по которымъ можно плыть прямо съ моря. Это—Истръ, съ пятью устьями [1]), Тиръ Гипанисъ, Борисѳенъ, Пантикапъ, Гипакирисъ, Герръ и Танаисъ. Я опишу ихъ теченія.

Истръ—величайшая изъ рѣкъ, какія мы знаемъ; уровень его всегда одинаковъ, и лѣтомъ и зимой. Эта первая рѣка на западѣ въ скиѳской землѣ потому и оказывается величайшей, что въ нее вливается много другихъ рѣкъ. Истръ течетъ черезъ всю Европу, а начало беретъ у кельтовъ, которые, послѣ кинетовъ, оказываются самымъ крайнимъ народомъ на западѣ Европы [2]). Пройдя черезъ всю Европу, онъ впадаетъ въ море, образуя границу скиѳской земли.

Благодаря множеству рѣкъ, несущихъ воды въ Истръ, послѣдній становится величайшей изъ рѣкъ; но если одинъ Истръ сравнивать съ Ниломъ, то Нилъ окажется многоводнѣе, потому что въ него вѣдь не впадаетъ ни одной рѣки, ни одного ручья, который могъ бы пополнять его воды [3]). А то обстоятельство, что уровень Истра лѣтомъ и зимой всегда одинаковъ, объясняется, какъ мнѣ кажется, вотъ чѣмъ.

---

1) Нынѣ Дунай изливается въ море тремя гирлами.

2) Кинеты—неизвѣстный народъ; они жили, очевидно, на сѣверѣ Пиренейскаго полуострова. Кельты, жившіе раньше въ западной и южной Германіи, на истокахъ Дуная, и оттѣсненные германцами, заняли потомъ Галлію (Францію).

3) Послѣдній притокъ Нила Атбара лежитъ на 17^0 с. ш.; ниже у Нила нѣтъ притоковъ. Замѣчанія Геродота о неизмѣняемости уровня воды въ Дунаѣ нынѣ не соотвѣтствовали бы дѣйствительности.

Зимою количество воды въ немъ нормальное или немного развѣ больше нормальнаго, ибо зимой въ этихъ странахъ бываетъ очень мало дождей и все бываетъ покрыто снѣгомъ. Лѣтомъ же снѣгъ, выпавшій въ изобиліи за зиму, таетъ, и вода отовсюду стекаетъ въ Истръ. Рѣка такимъ образомъ пополняется отъ таянія снѣговъ, а кромѣ того частыми и обильными дождями, которые идутъ лѣтомъ. Если лѣтомъ солнце больше притягиваетъ къ себѣ воды, чѣмъ зимою, зато лѣтомъ и воды прибываетъ въ Истръ во много разъ больше, чѣмъ зимою. Благодаря этому возмѣщенію, получается равновѣсіе, такъ что рѣка всегда оказывается одинаково многоводной.

Такимъ образомъ одной изъ скиѳскихъ рѣкъ является Истръ. За нимъ слѣдуетъ Тиръ. Онъ течетъ съ сѣвера и беретъ начало изъ большого озера, которое разграничиваетъ земли скиѳскую и неврскую. У устья его живутъ эллины, извѣстные подъ именемъ тирянъ [1]).

Третья рѣка, Гипанисъ, беретъ начало въ Скиѳіи же изъ большого озера, вокругъ котораго водятся бѣлыя дикія лошади. Озеро это справедливо называется матерью Гипаниса. По выходѣ изъ него, рѣка на протяженіи пяти дней плаванія незначительна и пока еще несетъ сладкую воду; но затѣмъ до самаго моря, на протяженіи четырехъ дней плаванія, вода въ ней очень горька. Въ рѣку впивается горькій ручей: онъ настолько горекъ, что, при всей незначительности своей, дѣлаетъ горькой и воду Гипаниса, съ которымъ лишь немногія рѣки можно сравнить по величинѣ. Ручей этотъ находится на границѣ скиѳовъ-пахарей и алазоновъ. Имя ручья и той мѣстности, откуда онъ течетъ, по скиѳски Экзампай, а по-эллински Священные Пути. Тиръ и Гипанисъ сближаются своими извилинами въ землѣ алазоновъ; но затѣмъ они отклоняются другъ отъ друга и раздѣляющее ихъ пространство увеличивается [2]).

---

[1]) Тиръ или Тирасъ (Днѣстръ, который и теперь у турокъ носитъ имя Турла-су) вытекаетъ не изъ озера, а съ Карпатскихъ горъ. На мѣстѣ нынѣшняго Аккермана, на лиманѣ Днѣстра, былъ эллинскій городъ Тиръ, образовавшійся изъ милетской колоніи Офіуссы.

[2]) Бугъ (Гипанисъ) вытекаетъ изъ обширнаго болота и лишь въ 70 верстахъ отъ устья образуетъ озеро въ три версты длиною. Трудно сказать, о какомъ именно ручьѣ говоритъ Геродотъ. Слѣва впадаютъ въ Бугъ рѣчка Синюха, съ притокомъ Гнилымъ Тикичемъ, на границѣ подольской и херсонской губерніи, съ негодною для питья водою, далѣе рѣчки Мертвыя воды, Гнилой Еланецъ, самыя названія которыхъ

Четвертая рѣка—Борисѳенъ. Это, послѣ Истра, самая большая рѣка въ этихъ странахъ и наиболѣе обильная, по нашему мнѣнію, полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми остальными, кромѣ египетскаго Нила, съ которымъ не можетъ итти въ сравненіе никакая другая рѣка. Борисѳенъ доставляетъ прекраснѣйшія и тучнѣйшія пастбища для скота, отборную рыбу въ большомъ изобиліи, пріятнѣйшую для питья воду; вода его чиста, хотя онъ течетъ рядомъ съ болотными низменностями. По берегамъ родится превосходная жатва, а гдѣ не сѣютъ, тамъ очень высокая трава. Въ устьѣ рѣки сама собою осаживается соль въ огромномъ количествѣ. Въ рѣкѣ водятся огромныя рыбы, не имѣющія позвоночника, извѣстныя подъ именемъ антакаевъ [1]; онѣ идутъ на соленье; много въ ней есть и иного, достойнаго вниманія. До Герра, мѣстности, отстоящей на сорокъ дней плаванія, рѣка имѣетъ, какъ мы знаемъ, направленіе съ сѣвера на югъ; а черезъ какія страны она протекаетъ выше, этого никто не можетъ сказать [2]). Несомнѣнно однако, что до страны скиѳовъ-земледѣльцевъ она течетъ черезъ пустыню, а скиѳы эти живутъ вдоль рѣки на протяженіи десяти дней плаванія. Только у этой рѣки да у Нила я не могу указать истоковъ; думаю, что ихъ не знаетъ и ни одинъ изъ эллиновъ. Приближаясь къ морю, Борисѳенъ сливается съ Гипанисомъ въ одинъ общій лиманъ. Клинъ земли, заключающійся между этими рѣками, называется мысомъ Гипполая [3]); на немъ

свидѣтельствуютъ о степени пригодности ихъ воды. Само собою разумѣется, что ручей не могъ испортить воду большой рѣки на протяженіи четырехъ дней плаванія.—Полагаютъ, что названіе «Священные Пути», мало подходящее къ ручью съ негодной водой, относилось собственно къ той каменистой, гранитной грядѣ, которая пересѣкаетъ Бугъ между теперешними городами Ольвіополемъ и Вознесенскомъ, образуя на немъ пороги и сообщая прилегающей мѣстности красивый горный видъ, рѣзко отличающій ее отъ окружающихъ степей Гряда эта идетъ верстъ на 200 къ востоку, переходя въ днѣпровскіе пороги; она пересѣкаетъ и Днѣстръ къ западу.

1) Ольбія была такимъ же торговымъ центромъ, какъ нынѣшняя Одесса, и вела съ сосѣдними племенами обширную торговлю хлѣбомъ, солью и рыбою, которыми и нынѣ изобилуютъ окружающія мѣстности.—Полагаютъ, что подъ именемъ антакаевъ разумѣются различныя осетровыя рыбы: бѣлуга, осетръ, севрюга; но ихъ нельзя назвать безпозвоночными.

2) Раньше сказано, что выше этой пустыни жили андрофаги.

3) Нынѣ мысъ Станиславъ.

воздвигнутъ храмъ Деметры. За этимъ храмомъ у Гипаниса живутъ борисѳеняне. Таковы свѣдѣнія объ этихъ рѣкахъ.

Затѣмъ слѣдуетъ пятая рѣка, по имени Пантикапъ. Течетъ и она съ сѣвера и тоже изъ озера. Между нею и Борисѳеномъ живутъ скиѳы-земледѣльцы. Вступивъ въ Гилею и протекая черезъ нее, Пантикапъ сливается съ Борисѳеномъ. Шестая рѣка, Гипакирисъ, начинаясь изъ озера, течетъ по серединѣ земли кочевыхъ скиѳовъ и впадаетъ у города Каркинита, замыкая справа Гилею и такъ называемое «Ахиллесово ристалище». Седьмая рѣка, Герръ, отдѣлена отъ Борисѳена въ той области, до которой Борисѳенъ извѣстенъ. Выйдя изъ этой области и получивъ то же названіе, какъ и самая область, она на пути къ морю разграничиваетъ страну кочевыхъ скиѳовъ и страну царскихъ скиѳовъ и затѣмъ впадаетъ въ Гипакирисъ [1]. Восьмая рѣка, Танаисъ,

---

[1]) Между Борисѳеномъ и Танаисомъ (Днѣпромъ и Дономъ) Геродотъ помѣщаетъ три рѣки: Пантикапъ, Гипакирисъ и Герръ. Нелегкое дѣло разыскать всѣ эти рѣки на современной географической картѣ, тѣмъ болѣе, что самая мѣстность, называемая у Геродота Гилеей, т. е. «лѣсной», утратила уже свой прежній характеръ, превратившись въ степи и пески. Гипакирисъ, по словамъ Геродота, впадаетъ въ море; между Днѣпромъ и Гипакирисомъ остаются такимъ образомъ двѣ рѣки—Пантикапъ, лѣвый притокъ Днѣпра, и Герръ, правый притокъ Гипакириса. Въ настоящее время на огромномъ протяженіи отъ устья до города Александровска единственнымъ лѣвымъ притокомъ Днѣпра является рѣка Конка, идущая съ юговостока на встрѣчу Днѣпру и впадающая въ него однимъ рукавомъ немного ниже Александровска. Недалеко отъ впаденія отъ нея отдѣляются рукава, идущіе къ югу вдоль Днѣпра; они носятъ то же названіе, какъ и рѣка, и, то соединяясь съ Днѣпромъ, то отдѣляясь отъ него, тянутся до самаго посада Каховки, лежащаго противъ города Берислава. Рѣка Конка, во второй половинѣ теченія, очевидно, соотвѣтствуетъ Пантикапу, упоминаемому Геродотомъ. Пантикапъ, по Геродоту, течетъ съ сѣвера на югъ, какъ и Борисѳенъ. Нижняя часть Конки, т. е. та, которая составляетъ рукавъ, дѣйствительно имѣетъ одинаковое съ Днѣпромъ направленіе,—обѣ рѣки текутъ параллельно, на югозападъ. Пространство между лѣвымъ берегомъ Днѣпра и правымъ Конки, извѣстное нынѣ подъ именемъ Великаго луга, покрытое и нынѣ сѣнокосами и рощами, занято было скиѳами-земледѣльцами. Рѣка Герръ, по словамъ Геродота, вытекала изъ страны Герръ, которая лежала по Днѣпру же, на разстояніи сорока дней плаванія отъ устьевъ его. Это, очевидно, та же Конка въ ея верхнемъ теченіи. Геродотъ не зналъ въ точности той сѣти рукавовъ, которая соединяетъ Конку съ Днѣпромъ, и представлялъ рѣку текущею не къ Днѣпру, а отъ Днѣпра на востокъ. Гипакирисомъ могла быть лишь рѣка Молочная, ближайшая изъ рѣкъ, впадающихъ въ море и сколько-нибудь замѣтныхъ по своей величинѣ. Молочная течетъ съ сѣвера на югъ и впадаетъ въ Азовское море, нѣсколько восточнѣе Си-

вытекаетъ сверху изъ большого озера и впадаетъ въ еще большее, называемое Меотидскимъ и отдѣляющее царскихъ скиѳовъ отъ савроматовъ. Въ Танаисъ впадаетъ еще одна рѣка, по имени Гиргисъ [1]). Вотъ наиболѣе значительныя рѣки, которыми орошается Скиѳія. Трава же, растущая въ Скиѳіи, больше всякой иной травы, извѣстной намъ, развиваетъ у скота желчь [2]); въ этомъ легко убѣдиться при вскрытіи животныхъ.

Такимъ образомъ важнѣйшими предметами скиѳы надѣлены въ избыткѣ. Что же касается ихъ обычаевъ, то они таковы. Изъ боговъ они почитаютъ только слѣдующихъ: на первомъ мѣстѣ Гестію, затѣмъ Зевса и землю—Гею, считая послѣднюю супругой Зевса, послѣ нихъ Аполлона, Небесную Афродиту, Геракла и Ареса. Этихъ боговъ принимаютъ всѣ скиѳы; царскіе же скиѳы приносятъ жертвы и Посейдону. Гестія называется по-скиѳски Табити, Зевсъ совершенно правильно, по моему мнѣнію, — Папаемъ, Земля—Апіей, Аполлонъ—Этосиромъ, Небесная Афродита—Аргимпасой, Посейдонъ—Ѳамимасадомъ [3]). Статуй, алтарей и

ваша. Такъ какъ Герръ представлялся Геродоту текущимъ отъ Днѣпра къ востоку, то естественнымъ являлось предположеніе, что онъ встрѣчается съ Гипакирисомъ и впадаетъ въ него. Въ дѣйствительности же Конка течетъ къ Днѣпру и своими верховьями лишь сближается съ верховьями Молочной. Между Днѣпромъ и Гипакирисомъ лежала Гилея. Въ югозападномъ ея углу находилось «Ахиллесово ристалище»: такъ называлась узкая песчаная коса, примыкающая къ той выдвинутой впередъ части морского берега, которая лежитъ между Днѣпровскимъ лиманомъ и Перекопскимъ перешейкомъ; коса эта тянется двумя очень длинными отрогами на востокъ и на западъ. По позднѣйшимъ легендамъ мать Ахиллеса Ѳетида унесла своего сына съ пылающаго костра на Бѣлый островъ (противъ устьевъ Дуная): герой, ставши безсмертнымъ, упражнялся потомъ на упомянутой косѣ въ бѣгѣ. Въ Ольбіи поклонялись Ахиллесу, считая его покровителемъ плаванія по Понту.—Положеніе города Каркинита въ точности неизвѣстно, хотя и найдены монеты съ именемъ этого города.

[1]) Въ предположеніи, что всѣ большія рѣки Скиѳіи вытекаютъ изъ озеръ, отразились, очевидно, доходившіе до эллинскихъ колонистовъ морского побережья слухи о великихъ озерахъ нынѣшней сѣверной Россіи.—Подъ именемъ Гиргиса можно разумѣть наибольшій притокъ Дона—Донецъ.

[2]) Овидій тоже говоритъ о сильной горечи травъ въ понтійскихъ степяхъ: разумѣются степи полынныя.

[3]) Приведенныя Геродотомъ имена породили массу догадокъ о языкѣ, происхожденіи и религіи скиѳовъ, но всѣ эти догадки мало основательны и произвольны. Изъ словъ Геродота, сопоставляющаго по обыкновенію иноземную религію съ эллинскою, можно заключить

храмовъ скиѳы не имѣютъ обыкновенія сооружать, если не считать Ареса, которому сооружаютъ святилища.

Самый способъ жертвоприношенія у всѣхъ и при всякаго рода жертвахъ одинаковъ. Поступаютъ такъ: ставится животное съ связанными передними ногами: приносящій жертву становится сзади и, потянувъ конецъ веревки, сваливаетъ съ ногъ животное. Въ то время, какъ оно падаетъ, приносящій жертву взываетъ къ божеству, въ честь котораго совершаетъ жертву; затѣмъ, накинувъ быстро петлю на шею животнаго и вложивъ въ нее палку, закручиваетъ эту палку и удавливаетъ жертву. Огня передъ этимъ не возжигаютъ; не бываетъ и возліянія или иныхъ предварительныхъ обрядовъ. Удавивши животное и снявши кожу, приступаютъ къ варкѣ мяса.

Такъ какъ земля скиѳовъ совершенно безлѣсна, то они придумали такой способъ варки мяса. Ободравъ животное, они снимаютъ мясо съ костей и бросаютъ его въ котлы мѣстнаго производства, у кого они есть. Котлы эти очень похожи на лесбосскія чаши, только гораздо больше. Наложивъ въ котлы мяса, они варятъ его на костяхъ, которыя горятъ вмѣсто дровъ. Если котла нѣтъ подъ рукою, все мясо сваливаютъ въ желудки животныхъ, подливаютъ воды и варятъ на костяхъ. Кости горятъ отлично; а желудки легко вмѣщаютъ въ себѣ мясо, снятое съ костей. Выходитъ, что быкъ или иное жертвенное животное варится своими собственными средствами. Когда мясо сварится, приносящій жертву посвящаетъ первые куски мяса и внутренностей божеству, бросая ихъ передъ собою. Въ жертву идетъ всякаго рода скотъ, а особенно лошади.

Такъ приносятъ жертву всѣмъ богамъ, кромѣ Ареса; Аресу же—слѣдующимъ образомъ. Въ главномъ пунктѣ каждой волости ему воздвигается святилище. Для этого нагромождаются связки хвороста стадія на три въ длину и въ ширину, въ вышину же менѣе этого. Наверху устраивается

лишь то, что скиѳы имѣли боговъ неба, земли, солнца, луны и огня, а приморскіе скиѳы покланялись, кромѣ того, морскому божеству. Имя «Папай» Геродотъ, очевидно, сближаетъ съ греческимъ названіемъ отца на дѣтскомъ языкѣ (въ родѣ нашего «папа»): Зевсъ у эллиновъ считался отцомъ боговъ и людей. Тотъ же корень слова встрѣчаемъ въ названіяхъ главнаго божества и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ (фригіяне называли его Папіасъ, виѳиняне—въ Малой же Азіи—Папасъ, и т. д.).

квадратная площадка; три стороны ея отвѣсны, а съ четвертой можно на нее подниматься. Къ кучѣ каждый годъ подбавляютъ полтораста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды она постоянно осѣдаетъ. На каждой такой насыпи водружается желѣзный старинный мечъ; это и есть изображеніе Ареса. Въ жертву мечу этому ежегодно пригоняютъ рогатый скотъ и коней, какъ и прочимъ божествамъ. Сверхъ того, здѣсь приносятся въ жертву захваченные живыми враги,—каждый сотый мужчина изъ общаго числа плѣнныхъ. Умерщвляютъ ихъ не такъ, какъ скотъ, а иначе: ихъ зарѣзываютъ надъ сосудомъ, возливши предварительно на головы ихъ вино. Кровь убитыхъ относятъ на верхъ, на кучу хвороста, и выливаютъ на мечъ. Тѣмъ временемъ внизу, у подошвы святилища, у зарѣзанныхъ людей отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ рукою и бросаютъ ихъ въ воздухъ. Покончивъ и съ остальными жертвами, всѣ затѣмъ расходятся. Руки остаются лежать тамъ, гдѣ упали, отдѣльно отъ труповъ.

Таковы у скиѳовъ способы жертвоприношенія. Свиней они не приносятъ въ жертву и совершенно не разводятъ ихъ въ своей странѣ. На войнѣ же у нихъ принято такъ поступать. Какъ только скиѳъ низвергнетъ перваго врага, онъ пьетъ его кровь. Сколько бы ни убилъ враговъ, головы ихъ онъ относитъ къ царю! Принесетъ голову,—онъ получаетъ долю въ добычѣ, которую захватятъ; не принесетъ, —ничего не получаетъ. Изъ кожи, снятой съ головы, онъ дѣлаетъ утиральникъ, привѣшиваетъ его къ уздѣ коня, на которомъ ѣздитъ, и хвастается этимъ. У кого больше всего такихъ кожъ-утиральниковъ, тотъ почитается доблестнѣйшимъ мужемъ. Изъ содранныхъ и сшитыхъ кожъ многіе приготовляютъ себѣ одежду, въ родѣ тулуповъ, которую и носятъ.

Съ головами наиболѣе ненавистныхъ враговъ они поступаютъ такъ. Отпиливъ черепъ до бровей, они вычищаютъ его. Затѣмъ бѣдняки просто обтягиваютъ его снаружи сыромятной воловьей кожей,—въ такомъ видѣ и пользуются имъ. Кто же богатъ, тотъ, обтянувъ кожей, покрываетъ его изнутри золотомъ и употребляетъ вмѣсто чаши. Точно такъ же они поступаютъ даже съ родственниками, если вели съ ними тяжбу и выиграли у царя дѣло. Когда приходитъ кто-нибудь чужой и скиѳъ хочетъ оказать ему вниманіе, онъ выноситъ эти черепа и разсказываетъ при этомъ,

какъ такія-то лица затѣяли съ нимъ вражду, несмотря на родство, и какъ онъ взялъ надъ ними верхъ. Они считаютъ это геройскимъ подвигомъ.

Разъ въ году каждый начальникъ выставляетъ въ своемъ округѣ чашу съ разбавленнымъ виномъ, и его пьютъ тѣ изъ скиѳовъ, которые прикончили кого-нибудь изъ враговъ; а кто не совершилъ такого подвига, тѣмъ не даютъ отвѣдать вина: лишенные этой чести, они сидятъ въ сторонѣ —и это бываетъ для нихъ величайшимъ позоромъ. Напротивъ, кто избилъ цѣлую массу людей, тотъ пьетъ разомъ изъ двухъ кубковъ.

Гадателей у скиѳовъ много. Гадаютъ они на ивовыхъ прутьяхъ: принесутъ большія связки прутьевъ, положатъ наземь, развяжутъ и, разложивъ прутья въ рядъ одинъ за другимъ, прорицаютъ. Произнеся прорицанія, они снова собираютъ прутья, складывая ихъ по одному въ кучу. Это—способъ гаданія, завѣщанный предками.

Когда у скиѳовъ заболѣваетъ царь, онъ приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей, которые и гадаютъ указаннымъ выше способомъ. При этомъ они почти всегда заявляютъ, что такой-то (они называютъ имя) ложно клялся царскимъ очагомъ; а у скиѳовъ принято клясться царскимъ очагомъ, особенно если они хотятъ дать самую великую клятву. Обвиненнаго въ клятвопреступленіи тотчасъ схватываютъ и приводятъ. Когда онъ явится, гадатели уличаютъ его въ томъ, что онъ, какъ это явствуетъ изъ гаданія, ложно поклялся царскимъ очагомъ: потому де царь и болѣетъ. Тотъ отрицаетъ, увѣряетъ, что не нарушалъ клятвы, и выражаетъ негодованіе. Когда обвиняемый отрицаетъ вину, царь приглашаетъ другихъ гадателей въ двойномъ числѣ. Если и эти, ссылаясь на свое гаданіе, признаютъ его виновнымъ въ клятвопреступленіи, то ему тутъ же отрубаютъ голову, а имущество его достается первымъ гадателямъ. Если же явившіеся послѣ гадатели оправдаютъ обвиняемаго, то приглашаютъ новыхъ и новыхъ гадателей. Если же, наконецъ, большинство ихъ выскажется за оправданіе, то первымъ гадателямъ самимъ приходится погибать.

Умерщвляютъ ихъ такимъ образомъ. Наваливаютъ въ телѣгу хворосту и запрягаютъ воловъ; гадателямъ сковываютъ ноги, связываютъ руки за спиной, затыкаютъ ротъ и впихиваютъ ихъ въ кучу хвороста; затѣмъ поджигаютъ хворостъ, пугаютъ быковъ и пускаютъ ихъ. Часто быки гиб-

нутъ въ огнѣ вмѣстѣ съ гадателями; иные убѣгаютъ обожженными, когда дышло перегоритъ. Такимъ же способомъ сожигаютъ гадателей и за другія вины; ихъ зовутъ въ этомъ случаѣ лжегадателями. Царь не оставляетъ въ живыхъ даже дѣтей этихъ казненныхъ гадателей: все мужское ихъ потомство онъ избиваетъ, женскаго же не трогаетъ.

Клятвенные договоры, съ кѣмъ нужно, у скиѳовъ заключаются такъ. Въ большую глиняную чашу наливаютъ вина, къ нему примѣшиваютъ кровь договаривающихся, дѣлая для этой цѣли наколы шиломъ или слегка надрѣзая тѣло мечомъ; затѣмъ обмакиваютъ въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и дротикъ. По окончаніи этого обряда, долго молятся и наконецъ отпиваютъ изъ чаши какъ сами договаривающіеся, такъ и знатнѣйшія лица изъ ихъ свиты.

Гробницы царей находятся въ той самой землѣ герровъ, до которой Борисѳенъ судоходенъ. Если умираетъ царь, то прежде всего выкапываютъ здѣсь большую квадратную яму. Когда яма бываетъ готова, берутся за покойника: покрываютъ тѣло воскомъ, вскрываютъ брюшную полость, вычищаютъ ее, наполняютъ толченымъ киперомъ [1]), ладаномъ, сѣменами сельдерея и аниса и затѣмъ зашиваютъ. Послѣ всего этого тѣло везутъ на телѣгѣ къ другому племени. Принимающіе привезенный трупъ дѣлаютъ съ собой то же, что и царскіе скиѳы: отрѣзаютъ часть уха, стригутъ кругомъ волосы, изрѣзываютъ руки, царапаютъ лобъ и носъ, прокалываютъ лѣвую руку стрѣлами. Затѣмъ трупъ царя везутъ въ телѣгѣ къ третьему изъ подвластныхъ племенъ, а то племя, къ которому привозили раньше, слѣдуетъ за покойникомъ. Объѣхавши съ трупомъ всѣ племена, скиѳы прибываютъ наконецъ къ геррамъ, самому отдаленному изъ подвластныхъ имъ племенъ,—туда, гдѣ находятся гробницы. Затѣмъ трупъ кладутъ въ могилу на соломенномъ тюфякѣ, вбиваютъ по ту и другую сторону копья, кладутъ на нихъ жерди и все покрываютъ рогожей. Въ остальной, довольно обширной части могилы хоронятъ, предварительно задушивши, одну изъ женщинъ, виночерпія, повара, конюха, прислужника, вѣстового, затѣмъ коней, первенцевъ всякаго другого скота и золотыя чаши; серебра и мѣди при этомъ не употребляютъ. Послѣ этого всѣ принимаются насыпать большой холмъ, соревнуя другъ съ другомъ въ ра-

---

[1]) Киперъ, или ситникъ,—душистое растеніе (cyperus rotundus)

ботѣ и заботясь о томъ, чтобы онъ былъ какъ можно выше.

Такъ погребаютъ царей. Что касается простыхъ скиѳовъ, то ближайшіе родственники покойника кладутъ его на телѣгу и объѣзжаютъ съ нимъ друзей его. Послѣдніе принимаютъ провожатыхъ и хорошо угощаютъ ихъ; при этомъ и покойнику предлагаютъ всего того, что подаютъ гостямъ. Частныхъ лицъ сорокъ дней возятъ такимъ образомъ, а затѣмъ уже хоронятъ. Послѣ похоронъ скиѳы очищаютъ себя. Намазавши и смывши потомъ голову, они для очищенія тѣла поступаютъ такъ. Прислоняютъ другъ къ другу три шеста, обтягиваютъ ихъ кругомъ войлокомъ; затѣмъ, заложивъ тщательно всѣ дыры, бросаютъ раскаленные докрасна камни въ сосудъ, поставленный среди этого шатра.

Въ землѣ скиѳовъ есть растеніе—конопля, очень похожее на ленъ, но только гораздо толще и выше. Растетъ она сама по себѣ, но ее также и сѣютъ. Ѳракіяне приготовляютъ изъ нея даже одежду, очень похожую на льняную. Кто не достаточно знакомъ съ этимъ растеніемъ, тому не легко распознать, изъ конопли сдѣлана одежда или изъ льна; а кто не видалъ съ роду конопли, тотъ приметъ одежду за льняную.

Захвативъ сѣмянъ этой самой конопли, скиѳы собираются подъ войлочный шатеръ и бросаютъ эти сѣмена на камни, раскаленные докрасна. Сѣмена начинаютъ куриться и даютъ столько испареній, что никакая эллинская баня не превзойдетъ въ этомъ отношеніи скиѳскую. Наслаждаясь баней, скиѳы вопятъ отъ удовольствія. Это замѣняетъ имъ купанье, ибо они совершенно не моются водою. Женщины же у нихъ, подливши воды, перетираютъ на твердомъ камнѣ куски кипариса, кедра и ливана [1]) и этой густой массой

[1]) Кипарисы растутъ на южномъ берегу Крыма, но кедръ и ливанъ получался, очевидно, отъ приморскихъ эллинскихъ колонистовъ и торговцевъ.—Полторы тысячи лѣтъ спустя первый русскій лѣтописецъ Несторъ записалъ легенду объ апостолѣ Андреѣ Первозванномъ, который съ такимъ же удивленіемъ разсказывалъ въ Римѣ о баняхъ, видѣнныхъ имъ у славянъ, поселившихся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ во времена Геродота жили скиѳы. «И приде въ Словѣны, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и какъ ся мыють, хвощються (хлыщутъ себя), и удивися имъ. И приде въ Римъ и рече: дивьно видѣхъ Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгуть я рамяно (сильно), совлокуться и будуть нази, и облѣються квасомь усніянымь (изъ пшеничныхъ отрубей съ солью), и возмуть на ся прутье

намазываютъ себѣ все тѣло и лицо. Отъ этого получается пріятный запахъ; а когда на другой день мазь снимутъ, тѣло становится чистымъ и глянцевитымъ.

Принимать иноземныя учрежденія скиѳы очень боятся, особенно эллинскія, какъ это доказалъ примѣръ Анахарсиса. Посѣтивъ многія земли и выказавъ всюду великую мудрость, онъ возвращался на родину, въ Скиѳію; плывя по Геллеспонту, онъ присталъ къ Кизику. Заставши здѣсь праздникъ, пышно справляемый кизикіянами въ честь Матери боговъ, Анахарсисъ далъ передъ Матерью обѣтъ принести ей жертву, если вернется домой цѣлымъ и здоровымъ, съ тѣми же обрядами, какіе онъ видѣлъ у кизикіянъ, и установить всенощное празднество. Вернувшись въ Скиѳію, онъ удалился въ такъ называемую Гилею,—страна эта, лежащая близъ Ахиллесова ристалища, сплошь покрыта всевозможнымъ лѣсомъ; укрывшись сюда, онъ совершалъ здѣсь всѣ праздничные обряды въ честь богини, увѣшавъ себя изображеніями и съ литаврами въ рукахъ [1]). Одинъ изъ скиѳовъ засталъ его за этимъ занятіемъ и донесъ царю Савлію. Тотъ явился самъ и, увидѣвъ, что Анахарсисъ совершаетъ эти обряды, убилъ его стрѣлою изъ лука. И теперь еще, если спрашиваютъ скиѳовъ объ Анахарсисѣ, они отвѣчаютъ, что не знаютъ его,—и это потому, что Анахарсисъ ѣздилъ въ Элладу и перенялъ иноземные нравы.

О численности скиѳовъ я не могъ получить точныхъ свѣдѣній, но слышалъ объ этомъ различныя мнѣнія: одни говорили, что ихъ очень много; другіе—что собственно скиѳовъ мало. Однако вотъ что показывали мнѣ лично. Между

младое, бьються сами и того ся добьють, егда вълѣзуть ли живи, и облються водою студеною, тако оживуть; и то творять по вься дьни немучими никымьже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье собѣ, а мученье».

[1]) Милетская колонія—Кизикъ лежалъ на южномъ, малоазійскомъ берегу Мраморнаго моря.—Культъ Реи или Кибелы, супруги Кроноса, «Матери боговъ» (она мать Зевса, Геры, Гадеса, Посейдона), перешелъ въ Элладу съ горъ Малой Азіи. Во Фригіи поклоненіе Кибелѣ сопровождалось особенно шумными обрядами. Жрецы привѣтствовали возрожденіе растительности при возвращеніи весны и оплакивали всеобщее увяданіе во время осени. Ихъ радость и печаль выражалась въ дикихъ крикахъ, оглушительной музыкѣ и бѣшеныхъ танцахъ. Литавры были необходимою принадлежностью громкой фригійской музыки. Жрецы («галлы») увѣшивали себя небольшими изображеніями Кибелы и любимца богини, прекраснаго юноши Атиса, олицетворявшаго весну со всѣмъ ея блескомъ, ослѣпительнымъ, но мимолетнымъ.

рѣками Борисѳеномъ и Гипанисомъ есть мѣстность, по имени Эксампай. Въ этой-то мѣстности стоитъ мѣдный сосудъ, который въ шесть разъ больше чаши, находящейся у входа въ Понтъ и посвященной Павзаніемъ, сыномъ Клеомброта [1]). Кто не видалъ этой чаши, тому укажу вотъ что: скиѳскій сосудъ легко вмѣщаетъ въ себѣ шестьсотъ амфоръ [2]), а толщиною онъ въ шесть пальцевъ. Туземцы разсказывали, что сосудъ этотъ получился изъ наконечниковъ стрѣлъ. По ихъ словамъ, скиѳскій царь, по имени Аріантъ, желая знать численность скиѳовъ, велѣлъ каждому скиѳу принести ему по одному наконечнику отъ стрѣлы; не принесшему угрожалъ онъ смертью. И вотъ принесли ему огромную массу наконечниковъ; онъ рѣшилъ соорудить изъ нихъ памятникъ для потомства. Такимъ-то образомъ и сдѣлалъ этотъ сосудъ изъ наконечниковъ, поставленный въ Эксампаѣ. Вотъ что я узналъ о численности скиѳовъ.

Скиѳія представляетъ собою четыреугольникъ, двѣ стороны котораго примыкаютъ къ морю. Сторона, идущая внутрь материка, какъ разъ равна сторонѣ, идущей вдоль моря: отъ Истра до Борисѳена десять дней пути, отъ Борисѳена до Меотидскаго озера еще десять; а отъ моря внутрь материка до меланхленовъ, которые живутъ выше скиѳовъ, —двадцать дней пути. На дневной путь я кладу двѣсти стадій; такимъ образомъ Скиѳія и поперекъ тянется на 4.000 стадій и вдоль, вглубь материка, тоже на 4.000 [2]). Таковы размѣры этой страны.

Сосѣдями скиѳовъ оказываются тавры, агаѳирсы, невры, андрофаги, меланхлены, гелоны, будины и савроматы. Изъ нихъ тавры держатся такихъ обычаевъ. Они приносятъ въ жертву Дѣвственницѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и всякаго эллина, котораго захватятъ въ открытомъ морѣ. Послѣ предварительныхъ обрядовъ они бьютъ жертву дубиной по головѣ. Одни разсказываютъ, что тѣло при этомъ сталкивается со скалы внизъ (святилище сооружено на скалѣ), а голова втыкается на колъ; другіе же, подтверждая подробности, касающіяся головы, увѣряютъ, что туловище не сталкивается со скалы, а зарывается въ землю. Божество,

---

[1]) Чаша была поставлена въ честь Посейдона у берега Босфора Ѳракійскаго (нынѣшняго Константинопольскаго пролива), по случаю взятія Византіи въ 477 году.

[2]) Амфора—эллинская мѣра жидкостей въ 3 ведра 2 кружки.

[3]) Около 700 верстъ.

которому приносятъ жертву, по словамъ самихъ тавровъ, есть Ифигенія, дочь Агамемнона [1]). Если тавръ захватитъ въ плѣнъ врага, то онъ отрѣзаетъ ему голову и несетъ домой; здѣсь, насадивъ на длинный шестъ, онъ ставитъ ее высоко надъ своимъ жилищемъ, чаще всего надъ дымовой трубой: это, по словамъ тавровъ, стража, охраняющая сверху цѣлый домъ. Средства къ жизни они добываютъ грабежомъ и войною. Агаѳирсы, наоборотъ, очень изнѣжены и особенно любятъ носить на себѣ золото. По своимъ обычаямъ они очень походятъ на ѳракіянъ.

У невровъ тѣ же обычаи, что у скиѳовъ. Въ предшествовавшемъ поколѣніи, передъ походомъ Дарія, имъ пришлось покинуть всю свою страну изъ-за змѣй. Страна ихъ произвела массу змѣй, еще больше вторглось ихъ сверху, изъ пустынь, такъ что тѣснимые ими жители покинули наконецъ родину и поселились съ будинами. Кажется, что люди эти—колдуны. По разсказамъ скиѳовъ и эллиновъ, поселившихся въ Скиѳіи, разъ въ годъ каждый изъ невровъ становится на нѣсколько дней волкомъ, а затѣмъ снова принимаетъ свой прежній видъ. Меня эти разсказы не убѣждаютъ; тѣмъ не менѣе разсказы существуютъ и даже подтверждается клятвою.

Андрофаги («людоѣды») изъ всѣхъ народовъ отличаются наиболѣе дикими нравами; они не признаютъ правды и не имѣютъ никакихъ законовъ. Они—кочевники; одежда у нихъ похожа на скиѳскую, но языкъ особый. Изъ всѣхъ тамошнихъ племенъ они одни ѣдятъ человѣческое мясо.

Меланхлены носятъ черную одежду, откуда и получили свое названіе; обычаи же у нихъ скиѳскіе.

---

[1]) Свирѣпое божество луны, почитавшееся въ Тавридѣ, эллины уподобляли своей богинѣ луны, дѣвственной Артемидѣ. Мало того, самый культъ таврической богини проникъ въ Элладу. По эллинскимъ легендамъ, Ифигенія, дочь Агамемнона, была нѣкоторое время жрицей таврической богини и должна была приносить ей въ жертву всѣхъ иностранцевъ, пристававшихъ къ Тавридѣ. Когда къ берегу пристали Орестъ, ея братъ, и Пиладъ, ей не оставалось ничего дѣлать, какъ бѣжать, лишь бы не приносить ихъ въ жертву жестокой богинѣ. Вернувшись изъ Тавриды съ кумиромъ Артемиды, Ифигенія, по словамъ легенды, высадилась въ Бравронѣ, въ Аттикѣ. Въ этой мѣстности въ древнѣйшія времена приносились Артемидѣ таврической даже человѣческія жертвы, какъ это дѣлалось въ Тавридѣ. Въ Спартѣ у алтаря Артемиды сѣкли мальчиковъ розгами,—это тоже было остаткомъ древняго обычая приносить богинѣ человѣческія жертвы. Артемида таврическая пользовалась особеннымъ почитаніемъ у эллиновъ въ Херсонесѣ Таврическомъ (позднѣйшей Корсуни).

Будины, сильный и многочисленный народъ, всѣ—съ свѣтлоголубыми глазами и рыжими волосами. У нихъ есть деревянный городъ,—имя этому городу Гелонъ. Стѣна его съ каждой стороны имѣетъ въ длину по тридцати стадій; она высока и вся деревянная; дома и храмы здѣсь тоже деревянные. Есть здѣсь святилища эллинскихъ боговъ со статуями, какъ у эллиновъ, алтарями и деревянными кумирнями; черезъ каждые два года бываетъ праздникъ въ честь Діониса съ оргіями[1]. Гелоны первоначально были эллинами, переселившимися изъ портовыхъ городовъ къ будинамъ. Они говорятъ то на скиѳскомъ языкѣ, то на эллинскомъ; будины же говорятъ не на томъ языкѣ, на какомъ гелоны.

Образъ жизни у гелоновъ и будиновъ не одинаковый. Будины—это туземцы и кочевники, они одни въ этихъ странахъ питаются шишками; гелоны же—земледѣльцы, питаются хлѣбомъ, имѣютъ сады и не похожи на будиновъ ни наружностью, ни цвѣтомъ кожи. Впрочемъ у эллиновъ и будины слывутъ подъ именемъ гелоновъ, но это названіе неправильно. Страна ихъ вся покрыта разнообразными лѣсами. Въ самомъ обширномъ изъ лѣсовъ есть большое озеро, а вокругъ него болото и тростникъ. Въ этомъ озерѣ ловятъ выдръ, бобровъ и другихъ животныхъ съ четыреугольными мордами,—шкуры ихъ употребляются на опушку шубъ.

У савроматовъ женщины, съ мужьями и безъ нихъ, ѣздятъ на охоту и на войну и одѣваются, какъ мужья ихъ. Языкъ у савроматовъ скиѳскій. Что касается брака, то у нихъ такое правило: ни одна дѣвушка не выходитъ замужъ, пока не убьетъ врага. Иныя до самой старости и смерти не могутъ вступить въ бракъ, не имѣя возможности выполнить это требованіе.

---

[1]) Въ Элладѣ культъ Діониса, бога винограда и винодѣлія, носившій веселый характеръ, повелъ впослѣдствіи къ созданію театра и театральныхъ представленій. Но затѣмъ культъ Діониса былъ глубоко видоизмѣненъ вліяніями, пришедшими изъ Азіи. Въ Азіи Діонисъ, или Вакхъ, былъ изнѣженнымъ богомъ, предсѣдательствовавшимъ на оргіяхъ; эти безнравственныя празднества были символомъ безчинствъ, которыя бываютъ послѣдствіемъ опьяненія.

О Геродотовой Скиѳіи.

Разсказы Геродота о Скиѳіи —это самая первая и самая древняя исторія той мѣстности, которая нынѣ составляетъ южную Россію. За послѣдній вѣкъ изъ земли было добыто много вещественныхъ памятниковъ древности. Всѣ эти курганы, могилы, монеты, оружіе, утварь, предметы искусства и домашняго обихода тоже могутъ намъ дать понятіе о томъ, какъ жили здѣсь люди въ самыя отдаленныя до-историческія времена; но древнѣйшимъ *письменнымъ* памятникомъ все-таки остается одинъ Геродотъ. Его разсказъ написанъ за тысячу триста лѣтъ до основанія русскаго государства.

Развернемъ современную карту Россіи и станемъ слѣдить за этимъ разсказомъ. Отправнымъ пунктомъ при описаніи Скиѳіи Геродотъ беретъ «торговый городъ борисѳенянъ» Ольбію. Эта богатая эллинская колонія лежала у устьевъ Буга. По Бугу вверхъ шли въ восходящемъ порядкѣ слѣдующіе народы: 1) каллипиды—въ нынѣшней херсонской губерніи, 2) алазоны—въ южной части подольской губерніи, 3) скиѳы-пахари—въ сѣверной части этой губерніи, 4) невры—отъ верховьевъ Буга къ сѣверу и западу, въ нынѣшней волынской губерніи и Галиціи. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, сейчасъ же у лимана, начиналась лѣсистая Гилея, которая тянулась на востокъ до Гипакириса—нынѣшней Молочной рѣки, а на сѣверѣ до Пантикапа и далѣе. Такъ какъ Пантикапу соотвѣтствуетъ, очевидно, та часть Конки, которая течетъ вдоль Днѣпра отъ Александровска до Берислава, то Гилея такимъ образомъ занимала сѣверную половину таврической губерніи, всю мѣстность, лежащую между Днѣпромъ, Перекопскимъ перешейкомъ и р. Молочной на востокѣ. Надъ Гилеей по Днѣпру жили скиѳы земледѣльцы, которыхъ эллинскіе колонисты города Ольбіи называли также «борисѳенянами», т. е. обитателями побережьевъ Борисѳена-Днѣпра. Скиѳы-земледѣльцы, по словамъ Геродота, къ востоку жили на протяженіи трехъ дней пути, до Пантикапа, а къ сѣверу, по Борисѳену, на протяженіи одиннадцати дней пути. Такъ какъ Пантикапъ оказывается у Геродота лѣвымъ притокомъ Днѣпра, то, значитъ, южная граница страны скиѳовъ-земледѣльцевъ начиналась тамъ, гдѣ Конка-Пантикапъ, образуя съ Днѣпромъ уголъ, удаляется отъ него на три дня пути. Выше мы видѣли, что по верховьямъ Буга Геродотъ помѣщалъ скиѳовъ-пахарей. Несомнѣнно, что выраженіе «скиѳы-пахари» означаетъ то же, что и «скиѳы-земледѣльцы»; такимъ образомъ скиѳы, занимавшіеся земледѣліемъ, жили на всемъ протяженіи Днѣпра отъ нижнихъ его пороговъ почти до нынѣшняго Кіева и отсюда къ западу до Верхняго Буга. Въ востоку отъ рукава—Конки шла земля кочевыхъ скиѳовъ. «По серединѣ земли кочевыхъ скиѳовъ» течетъ рѣка Гипакирисъ, а притокъ Гипакириса Герръ разграничиваетъ страну кочевыхъ скиѳовъ отъ страны царскихъ скиѳовъ. Такимъ образомъ оказывается, что скиѳы-кочевники жили по верховьямъ Гипакириса до впаденія въ него праваго притока Герра. За Герръ Ге-

родотъ принималъ нынѣшнюю верхнюю Конку, которая на самомъ дѣлѣ не впадаетъ въ Гипакирисъ—Молочную, а наоборотъ, течетъ отъ верховьевъ Молочной на западъ и впадаетъ въ Днѣпръ. Такимъ образомъ страна кочевыхъ скиѳовъ начиналась отъ верхней Конки и верховьевъ Молочной и шла далеко на сѣверовостокъ въ предѣлы нынѣшней харьковской губерніи и далѣе. На югъ отъ кочевыхъ скиѳовъ, между ними и Азовскимъ моремъ, до самаго Дона на востокѣ, жили царскіе скиѳы. Царскіе скиѳы занимали, очевидно, и сѣверный Крымъ; здѣсь земли ихъ на востокѣ простирались до рва, отдѣлявшаго Керченскій полуостровъ. За Дономъ начинались земли савроматовъ, которые жили на огромномъ пространствѣ между нижнимъ Дономъ и нижней Волгой.

Скиѳія, по словамъ Геродота, представляла четыреугольникъ, двѣ стороны котораго примыкаютъ къ морю. При взглядѣ на современную карту мы затруднились бы найти эти двѣ стороны, примыкающія къ морю. Но все дѣло въ томъ, что Геродотъ не совсѣмъ правильно представлялъ себѣ очертанія Крыма и Азовскаго моря. Онъ не имѣлъ понятія о Перекопскомъ перешейкѣ и представлялъ себѣ Крымъ выступомъ материка, ограниченнымъ съ юга Понтомъ, а съ востока Азовскимъ моремъ, такъ что береговая линія, по его представленіямъ, отъ устьевъ Днѣпра шла прямо съ запада на востокъ, а потомъ у Керченскаго пролива поворачивала прямо на сѣверъ. Такимъ образомъ одной стороной Скиѳія примыкала, по представленіямъ Геродота, къ Понту, другою къ Азовскому морю. Длину южной стороны четыреугольника Геродотъ исчисляетъ въ 20 дней пути, считая на дневной путь 200 стадій. «Отъ Истра до Борисѳена, говоритъ онъ, «10 дней пути, отъ Борисѳена до Меотидскаго озера еще 10». Въ настоящее время отъ Измаила, города, лежащаго на рукавѣ Дуная, до Николаева на Бугѣ считается 312 верстъ; по Геродоту, слѣдовало бы имѣть 350 верстъ. Отъ Николаева до Керчи по прямой линіи около 350 верстъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ цифрѣ, указанной Геродотомъ. Восточную сторону, которая, по Геродоту, тянется тоже на 20 дней пути, составлялъ берегъ Азовскаго моря и Донъ, текущій, по представленію Геродота, съ сѣвера на югъ. Западную сторону составлялъ Дунай. Геродотова Скиѳія занимала такимъ образомъ нынѣшнія губерніи бессарабскую, херсонскую, екатеринославскую, таврическую, подольскую, полтавскую, кіевскую, части черниговской, курской, воронежской. Таковы предѣлы Скиѳіи. Гораздо труднѣе опредѣлить мѣстожительство тѣхъ народовъ, которые обитали за сѣверными предѣлами Скиѳіи, на огромномъ пространствѣ средней Россіи и далѣе къ востоку, по направленію къ Сибири. Геродотъ даетъ намъ цѣлый десятокъ названій, но всѣ его свѣдѣнія о территоріяхъ, занимаемыхъ этими отдаленными народами, ограничиваются самыми общими и неопредѣленными указаніями, въ родѣ такихъ выраженій, какъ: «выше», «противъ такого-то народа», «къ востоку», «за пустыней» и т. д. Мало помогаютъ при опредѣленіи территоріи и тѣ немногія бытовыя черты, которыя указаны Геродотомъ. Черты эти большею частью не настолько характерны, чтобы по нимъ легко было отличить одинъ народъ отъ всѣхъ другихъ; чаще всего это такія черты, которыя одинаково встрѣчались и встрѣчаются у многихъ народовъ. Выше Скиѳіи, на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ нея, по описанію Геродота, жили агаѳирсы, невры, андрофаги, гипербореи, будины, гелоны, меланхлены, ѳиссагеты, іирки, агриппеи, исседоны и наконецъ разные чудесные народы, въ разсказы о которыхъ не вѣритъ самъ Геродотъ. По-

стараемся разобраться въ указаніяхъ Геродота и намѣтить, если возможно, территоріи этихъ народовъ. Съ Запада примыкали къ Скиѳіи агаѳирсы. Въ ихъ землѣ течетъ, по словамъ Геродота, притокъ Истра Марисъ. Полагаютъ, что подъ этимъ именемъ Геродотъ разумѣлъ нынѣшній Марошъ, лѣвый притокъ Тиссы, впадающей въ Дунай. Такимъ образомъ агаѳирсы жили между Дунаемъ и Днѣстромъ въ нынѣшней Трансильваніи. Нравы у нихъ были, по словамъ Геродота, почти тѣ же, что у ѳракіянъ, которые оказывались ихъ южными сосѣдями. Карпатскія горы, очевидно, доставляли имъ то золото, которое они любили носить на себѣ въ видѣ украшеній. По сосѣдству съ агаѳирсами, на сѣверо-востокъ отъ нихъ, въ нынѣшней волынской губерніи и Галиціи жили невры. Земля ихъ, по словамъ Геродота, отдѣлялась отъ Скиѳіи тѣмъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Тиръ (Днѣстръ). Мы уже видѣли, что такого озера не существуетъ нынѣ; остается предположить, что земля невровъ начиналась отъ верховьевъ Днѣстра и простиралась на сѣверъ, къ верховьямъ Буга, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ, что невры жили на Гипанисѣ (Бугѣ). Трудно сказать, гдѣ была сѣверная граница земли невровъ и дѣйствительно ли невры жили до рѣки Нарева и были предками нынѣшнихъ литовцевъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи старины. Сосѣдніе народы называли невровъ колдунами и увѣряли, что разъ въ году каждый невръ превращается на нѣкоторое время въ волка. Но вѣрованіе въ оборотней мы встрѣчаемъ у цѣлой массы древнихъ и новыхъ народовъ: у римлянъ, эллиновъ (тотъ самый Аристей, который писалъ объ исседонахъ и другихъ народахъ сѣвера, обращался, по легендамъ, въ ворона), германцевъ, славянъ, литовцевъ, латышей, эстовъ, у цѣлаго ряда племенъ восточной Россіи и Сибири. Мало того, это вѣрованіе встрѣчаемъ у сотни другихъ народовъ во всѣхъ концахъ земного шара. Въ другихъ краяхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, вѣруютъ въ возможность обращаться въ льва, тигра и т. д.; въ Малороссіи, въ Великороссіи, въ Литвѣ вѣрятъ въ волковъ-оборотней, въ волкулаковъ (припомнимъ стихотвореніе Пушкина «Вурдалакъ»). Выше скиѳовъ-земледѣльцевъ, на востокъ отъ невровъ, жили андрофаги, т. е. людоѣды. Они были отдѣлены отъ скиѳовъ обширной пустыней. Скиѳы-земледѣльцы, какъ мы видѣли, жили на протяженіи одиннадцати дней пути по Днѣпру, начиная отъ верхняго конца Гилеи; по сравнительному расчету земля ихъ простиралась до нынѣшняго Кіева. Такимъ образомъ «пустыня», отдѣлявшая скиѳовъ отъ андрофаговъ, приходится на обширную область нынѣшнихъ пинскихъ болотъ. «Людоѣды» жили гдѣ-то сѣвернѣе этой пустыни. Кромѣ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ Геродотомъ, мы ничего не знаемъ объ этомъ народѣ. Исторія не знала людоѣдовъ на нашемъ сѣверѣ; но зато во многихъ мѣстахъ земного шара путешественники, даже въ недавнемъ прошломъ, кромѣ подлиннаго людоѣдства, находили у дикихъ народовъ множество варварскихъ обычаевъ и обрядовъ, при которыхъ человѣкъ убивалъ человѣка. Самъ Геродотъ разсказываетъ, что индѣйцы поѣдали своихъ больныхъ, исседоны поѣдали умершихъ родителей. Восточнѣе андрофаговъ надъ скиѳами жили меланхлены. Южную границу ихъ земли Геродотъ опредѣляетъ довольно точно: отъ Керченскаго пролива до нихъ можно было добраться въ двадцать дней пути по восточной границѣ Скиѳіи, которую, по Геродоту, составляли западный берегъ Азовскаго моря и рѣка Донъ. Если путь считать по самому Дону, который Геродоту предста-

влялся текущимъ съ сѣвера на югъ, то земли меланхленовъ должны были начинаться съ южнаго конца нынѣшней саратовской губерніи, откуда онѣ простирались на западъ въ предѣлы тамбовской и воронежской губерніи и далѣе. Если же восточную границу брать отъ устьевъ Дона прямо къ сѣверу, то земли меланхленовъ должны были начинаться въ нынѣшней воронежской губерніи и итти отсюда на западъ, по направленію къ сѣвернымъ предѣламъ скиѳовъ-земледѣльцевъ, т. е. по направленію къ верхнему Днѣпру. За землею меланхленовъ, по словамъ Геродота, шли озера; здѣсь, очевидно, мы имѣемъ смутное отраженіе темныхъ слуховъ о далекихъ озерахъ сѣверной Россіи. Мы не знаемъ собственнаго имени того народа, который у эллинскихъ колонистовъ черноморскаго побережья былъ извѣстенъ подъ названіемъ меланхленовъ, т. е. людей, носящихъ черные кафтаны (хленой назывался у эллиновъ зимній плащъ изъ шерсти).

Восточнѣе меланхленовъ жили будины. Южную границу ихъ Геродотъ опредѣляетъ достаточно точно. За Дономъ, начиная отъ угла Меотидскаго озера, т. е. отъ устьевъ Дона, на разстояніи пятнадцати дней пути жили савроматы, а выше савроматовъ, по Геродоту, лежала земля будиновъ; она была уже не надъ Скиѳіей, а восточнѣе. Такимъ образомъ земля будиновъ начиналась приблизительно въ пятистахъ верстахъ отъ устьевъ Дона, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ Донъ ближе всего подходитъ къ Волгѣ, и простиралась на сѣверъ на территоріи нынѣшнихъ саратовской, симбирской и пензенской губерній, если только не переходила и за Волгу, къ Уралу, такъ какъ будиновъ Геродотъ называетъ многочисленнымъ народомъ. Не опредѣляя восточныхъ и сѣверныхъ границъ, Геродотъ тѣмъ не менѣе даетъ вполнѣ отчетливое представленіе о землѣ будиновъ. Межъ тѣмъ ни одинъ изъ упоминаемыхъ Геродотомъ народовъ не вызывалъ столько произвольныхъ толкованій и теорій, какъ будины. Все дѣло въ томъ, что среди немногихъ подробностей, сообщаемыхъ Геродотомъ о будинахъ, нашлись такія черты, которыя остановили на себѣ особенное вниманіе изслѣдователей старины. Геродотъ говоритъ, что будины всѣ съ свѣтлоголубыми глазами, что у нихъ есть деревянный городъ. Кромѣ того, Геродотъ называетъ это племя «рыжимъ» (буквально: «огненнымъ», «огневиднымъ» — такъ эллины выражались, говоря о рыжемъ цвѣтѣ); межъ тѣмъ иные, безъ достаточнаго основанія, стали переводить соотвѣтствующее греческое понятіе словами: «бѣлокурый», «свѣтловолосый». И вотъ въ этихъ двухъ-трехъ чертахъ многіе усмотрѣли неоспоримое доказательство въ пользу того, что будины были славянами. Послѣ этого будиновъ стали помѣщать въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ, но непремѣнно на западѣ, а не тамъ, гдѣ точно и ясно помѣщаетъ ихъ Геродотъ. Одни ихъ помѣщаютъ «на Вислѣ, къ сѣверу отъ Галиціи до Балтійскаго моря», другіе — «по верхней Окѣ, Деснѣ, Сожу и Днѣпру», третьи — «по среднему теченью Днѣпра, четвертые — «въ Бѣлоруссіи», «въ землѣ кривичей», о которыхъ говоритъ лѣтопись Нестора, и т. д. Изслѣдователи, которымъ особенно хотѣлось видѣть въ будинахъ «древнѣйшее славянское племя», испоконъ вѣковъ жившее тамъ, гдѣ застала его исторія, стали уличать Геродота въ противорѣчіяхъ, въ ошибкахъ и совершенно отбросили точныя указанія Геродота на территорію будиновъ. Дѣло въ томъ, что, разсказывая о неврахъ, Геродотъ говоритъ, что за одно поколѣніе до похода Дарія на страну невровъ напали змѣи и вынудили ихъ, покинувъ родину, поселиться вмѣстѣ съ будинами.

Разсказъ Геродота простъ и понятенъ: у невровъ была своя страна на западѣ, у будиновъ своя на востокѣ,—и вотъ однажды невры переселились къ будинамъ. Межъ тѣмъ этотъ простой эпизодъ стали толковать въ томъ смыслѣ, что будины были сосѣдями невровъ и жили рядомъ съ той территоріей, которую Геродотъ отводитъ для невровъ. Стали утверждать, что Геродотъ «ошибся» и, забывши, что невры, по его собственнымъ словамъ, были сосѣдями будиновъ, придумалъ для этихъ послѣднихъ новое мѣстопребываніе. Но уличать въ противорѣчіяхъ можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы Геродотъ настаивалъ на томъ, что невры переселились всѣ до одного; если же невры переселились лишь частью, то естественно, что кромѣ невровъ, переселившихся на востокъ къ будинамъ, оставалась еще земля невровъ на западѣ на территоріи, намѣченной Геродотомъ.

Выше будиновъ жили ѳиссагеты. Разсказывая о походѣ Дарія, Геродотъ такимъ образомъ описываетъ погоню персовъ за скиѳами: «Вторгшись въ страну будиновъ, персы встрѣтили деревянное укрѣпленіе, покинутое будинами, и сожгли его. Послѣ этого они шли все дальше и дальше по пятамъ непріятеля, пока не прошли черезъ землю будиновъ и не вступили въ пустыню. Пустыня эта совершенно безлюдна; она лежитъ надъ землею будиновъ и тянется на семь дней пути. Выше пустыни живутъ ѳиссагеты; отъ нихъ текутъ четыре большихъ рѣки, которыя, проходя черезъ страну меотовъ, впадаютъ потомъ въ Меотидское озеро. Имена этихъ рѣкъ: Ликъ, Оаръ, Танаисъ и Сиргисъ». Подъ Сиргисомъ обыкновенно разумѣютъ ту же рѣку, которую Геродотъ при описаніи Танаиса называетъ Гиргисомъ, т. е. Донецъ. Въ упоминаніи рѣкъ Лика и Оара отразилось, очевидно, смутное представленіе о великихъ рѣкахъ Уралѣ и Волгѣ (Оаръ), впадающихъ, однако, не въ Меотидское озеро. Такимъ образомъ страну ѳиссагетовъ приходится искать гдѣ-нибудь на обширномъ пространствѣ бассейновъ средней Волги и Камы. Точныхъ границъ здѣсь нельзя уже указать, такъ какъ и самыя представленія о рѣкахъ восточной Россіи, которыми Геродотъ опредѣляетъ положеніе страны ѳиссагетовъ, у историка были совершенно неопредѣленныя и смутныя. Сосѣдями ѳиссагетовъ были іирки (или «гирки», какъ нѣкоторые читаютъ), жившіе гдѣ-то на востокъ отъ Волги. За обширной равниной нынѣшней южной Россіи, за бассейнами восточныхъ рѣкъ идетъ, по словамъ Геродота, «земля каменистая и неровная», а за нею стоятъ высокія горы. Здѣсь мы опять имѣемъ точное географическое представленіе: неровная и каменистая земля—это предгорья Урала. У «подножья высокихъ горъ», т. е. у подножья Урала, жили аргиппеи, «плѣшивые» люди, съ плоскимъ носомъ и большими челюстями. Каждый аргиппей жилъ подъ особымъ деревомъ, которое онъ на зиму обтягивалъ войлокомъ; но въ дѣйствительности это было, конечно, не дерево, а лишь жерди, обтянутыя войлокомъ, т. е. юрты. «Плѣшивыми» аргиппеи были, очевидно, потому, что имѣли обычай брить головы. Всѣ эти племенныя особенности напоминаютъ, напр., калмыковъ, которые нынѣ отодвинулись отъ Уральскихъ горъ на югъ, въ приволжскую степь, а въ древности жили сѣвернѣе, ближе къ Уралу. Калмыки, башкиры, живущіе нынѣ на южныхъ предгорьяхъ Урала, и даже сосѣди ихъ—русскіе казаки и донынѣ приготовляютъ изъ черешень почти тѣ же блюда, которыя описаны Геродотомъ; высушенныя черешни варятся въ молокѣ, пока не получится нѣчто въ родѣ кашицы. Казанскіе татары сокъ черешень называютъ и нынѣ «*атши*».

Къ востоку отъ «плѣшивыхъ» жили исседоны. Въ разсказѣ о походѣ Кира на массагетовъ Геродотъ сообщалъ, что массагеты жили за Араксомъ—«противъ исседоновъ». Такимъ образомъ исседоны жили гдѣ-то между Уральскими горами и Азовскимъ моремъ, въ сѣверозападномъ углу сибирско-туранской низменности, или, быть-можетъ, значительно восточнѣе. Исседоны являются крайнимъ на сѣверовостокѣ народомъ, о которомъ доходили до эллинскихъ колонистовъ болѣе или менѣе точные слухи. Что было выше аргиппеевъ и исседоновъ, о томъ никто не зналъ ничего достовѣрнаго. Къ сѣверу отъ этихъ народовъ шли уже легендарныя страны и легендарныя племена. До скиѳовъ—а отъ нихъ и до эллиновъ—доходили лишь тѣ басни, которыя разсказывали объ этихъ невѣдомыхъ краяхъ аргиппеи и исседоны. Надъ страною «плѣшивыхъ» шли неприступныя горы, которыхъ никто не переходилъ. Это, очевидно, Уральскій хребетъ, дикій и недоступный для аргиппеевъ, кочевавшихъ съ своими юртами по необозримому простору степей. Эти кочевники разсказывали, что въ горахъ живутъ люди съ козлиными ногами, за ними дальше люди, которые шесть мѣсяцевъ въ году спятъ. «Людьми съ козлиными ногами» были, очевидно, тѣ бродячія племена, которыя, какъ нынѣшніе вогулы на Уралѣ, занимались въ горахъ охотою и одѣвались въ звѣриныя шкуры; и понынѣ многіе инородцы Сибири шьютъ себѣ изъ шкуръ одежду не такъ, какъ мы шьемъ шубы и тулупы, а шерстью вверхъ. Охотникъ, одѣтый въ такую, плотно облегавшую ноги, одежду казался кочевнику человѣкомъ съ козлиными ногами. Въ разсказѣ же о людяхъ, которые по полугоду спятъ, отразились смутные слухи о полярныхъ странахъ, гдѣ ночь тянется цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Надъ исседонами жили одноглазые аримаспы и стерегущіе золото грифы. Въ другомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ: «На сѣверѣ Европы, очевидно, очень много золота. О томъ, какъ оно добывается, я не могу сказать ничего достовѣрнаго. Говорятъ, что аримаспы, одноглазые люди, похищаютъ его у грифовъ. Но я не могу повѣрить, чтобы существовали одноглазые люди, похожіе во всемъ остальномъ на обыкновенныхъ людей». Въ разсказѣ о золотѣ отражается смутное представленіе о минеральныхъ богатствахъ, скрывавшихся въ нѣдрахъ Урала, и о тѣхъ неимовѣрныхъ трудахъ и опасностяхъ, которыя приходилось преодолѣвать первобытному золотоискателю. Преданіе о грифахъ имѣетъ свою многовѣковую исторію. На парапетахъ крышъ, на фризахъ роскошныхъ зданій мы и теперь можемъ часто видѣть этихъ миѳологическихъ грифовъ въ видѣ фигуръ съ тѣломъ льва и головою орла. Эти архитектурныя украшенія перешли къ намъ и въ Западную Европу съ отдаленнаго востока, гдѣ они появились въ самыя древнѣйшія эпохи восточнаго искусства: этихъ четвероногихъ птицъ мы находимъ уже на барельефахъ Нимврода въ Ассиріи. Ихъ встрѣчаютъ на самыхъ древнихъ глиняныхъ сосудахъ. По другимъ сказаніямъ, родина грифовъ—Индія, гдѣ они были посвящены солнцу и также стерегли золото. Самое сказаніе о грифахъ—индійскаго происхожденія. Оно переходило отъ народа къ народу въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ христіанскомъ искусствѣ грифы стали символомъ воскресенія: фигуры ихъ находимъ на старинныхъ паникадилахъ, на порталахъ храмовъ и т. д.—Выше аримасповъ, на самомъ крайнемъ сѣверѣ, у самаго уже моря, жили легендарные «гиперборен», т. е. обитающіе «за Бореемъ», за предѣлами сѣвернаго вѣтра, на сѣверномъ концѣ свѣта. Объ этомъ сказочномъ народѣ разсказываетъ не одинъ Геродотъ, но и многочи-

сленныя эллинскія легенды. Этотъ вѣчно юный народъ не знаетъ ни горя, ни заботъ; онъ не знакомъ ни съ болѣзнями, ни съ войнами. Въ этой райской странѣ каждый человѣкъ можетъ дожить до тысячи лѣтъ; но, утомленные жизнью, гипербореи обыкновенно сами сокращаютъ ее, бросаясь со скалы въ море. Въ этой чудной странѣ охотно живетъ Аполлонъ: не даромъ гиперборейскія дѣвушки приносили дары на Делосъ, родину Аполлона. И эти сказанія о гипербореяхъ тоже имѣли свою многовѣковую исторію. Они, какъ и сказанія о фениксѣ, о грифахъ, перешли впослѣдствіи и въ древнюю Русь. Изъ древнихъ хронографовъ, космографій, изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ наши старинные грамотеи узнавали о блаженныхъ рахманахъ, которые «одѣваются листвіемъ садовымъ», не имѣютъ «ни ризъ, ни скота, ни хлѣба», живутъ до восьмисотъ лѣтъ и т. д.

Мало говоритъ Геродотъ о народахъ, окружавшихъ Скиѳію. Гораздо больше онъ даетъ свѣдѣній о самихъ скиѳахъ. Но и тутъ сообщаемыя имъ и другими древними писателями свѣдѣнія далеко еще недостаточны для того, чтобы точно отвѣтить на вопросъ, кто же такое были скиѳы, къ какой изъ извѣстныхъ въ исторіи и теперь существующихъ расъ они принадлежали. Ученые изслѣдователи часто сопоставляли всѣ свѣдѣнія о скиѳахъ, дошедшія до насъ отъ древнихъ эллинскихъ, римскихъ, арабскихъ писателей, и все-таки не пришли къ единогласнымъ рѣшеніямъ. О національности скиѳовъ въ настоящее время существуютъ три различныхъ мнѣнія. Одни причисляютъ ихъ къ туранской расѣ, другіе къ арійской, третьи полагаютъ, что Скиѳія имѣла разнородное по составу населеніе, принадлежавшее частью къ арійской, частью къ урало-алтайской или туранской расѣ. Записанная Геродотомъ легенда о происхожденіи скиѳовъ напоминаетъ сказки многихъ другихъ народовъ объ упавшихъ съ неба предметахъ, о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ младшій оказывается наиболѣе смышленымъ и удачливымъ, и т. д. Припомнимъ наши русскія многочисленныя сказки о трехъ братьяхъ, объ Иванушкѣ-дурачкѣ, который перехитрилъ всѣхъ, о разныхъ золотыхъ или горящихъ, какъ золото, предметахъ, которые приходится добывать сказочнымъ богатырямъ. Четыре упавшихъ съ неба предмета это символы занятій первобытнаго человѣка: земледѣлія, скотоводства, звѣроловства. Власть достается младшему,—это указываетъ на то, что исконное населеніе страны обыкновенно подчинялось вновь пришедшему племени, занявшему страну. Скиѳы считали себя самымъ младшимъ народомъ,—это значитъ, что они были переселенцами, а не исконными жителями страны. Геродотъ разсказываетъ, что отъ трехъ братьевъ произошли три скиѳскихъ поколѣнія. Авхаты, катіары-траспіи и паралаты—это не племена скиѳскія, а роды, впослѣдствіи, можетъ-быть, перемѣшавшіеся. Для современныхъ Геродоту скиѳовъ эти поколѣнія были уже смутнымъ воспоминаніемъ. Третій родъ составляли не всѣ царскіе скиѳы, а паралаты, которые потомъ вошли въ составъ царскихъ скиѳовъ.

Нарисованная Геродотомъ картина скиѳскаго быта и скиѳскихъ обычаевъ въ настоящее время можетъ быть дополнена и другими подробностями, которыя удалось выслѣдить въ раскопкахъ или которыя сообщены другими писателями, жившими послѣ Геродота. Многіе описанные Геродотомъ обычаи оказываются принадлежащими не только скиѳамъ, но и другимъ народамъ. Напр., мечъ былъ богомъ войны у германскаго племени алановъ; подобный же культъ оружія находили у квадовъ, вендовъ, татаръ и другихъ народовъ; даже въ Римѣ мечъ долго былъ не

только символомъ, но и изображеніемъ бога войны. Описанный Геродотомъ способъ гаданія существовалъ у многихъ другихъ народовъ, напр., у германцевъ и индійцевъ. У скандинавовъ на прутьяхъ вырѣзались таинственные знаки (руны). Обычай умерщвлять вмѣстѣ съ казненнымъ и все мужское потомство его существовалъ также у многихъ варварскихъ народовъ; по словамъ Геродота, такой обычай былъ нѣкогда даже у персовъ. Индійцы и древніе германцы тоже умерщвляли у могилы близкихъ покойному лицъ и хоронили вмѣстѣ съ нимъ. Сходные съ скиѳскими поминальные обряды находили на самыхъ отдаленныхъ концахъ земного шара, даже, напр., въ Патагоніи. Обычай хоронить вмѣстѣ съ покойникомъ и разные предметы домашняго обихода существовалъ у множества народовъ во всѣхъ концахъ земного шара. Употребленіе при заключеніи договоровъ крови тоже мы находимъ у многихъ народовъ. Геродотъ разсказываетъ, что у лидянъ и мидянъ договаривавшіеся надрѣзывали кожу на рукахъ и слизывали другъ у друга кровь; у арабовъ кровью изъ рукъ смазывали положенные между договаривающимися лицами камни, и т. д. Погребальные обычаи скиѳовъ, описанные Геродотомъ, подтверждаются многочисленными раскопками такъ называемыхъ скиѳскихъ могилъ, которыхъ особенно много въ кіевской и екатеринославской губерніи. Страну Герръ, въ которой погребали скиѳскихъ царей, Геродотъ помѣщаетъ приблизительно около Днѣпровскихъ пороговъ. И дѣйствительно, нигдѣ нельзя встрѣтить такой массы могильныхъ кургановъ самой разнообразной величины и формы, какъ въ прилегающихъ къ порогамъ степяхъ, на пространствѣ верстъ въ 200—300 въ ширину и столько же въ длину. Мы не можемъ утверждать, что эти безчисленные курганы насыпаны именно скиѳами. Тутъ не найдено ни одной могилы, которую можно было бы отнести ко временамъ Геродота. Въ этомъ мѣстѣ, и помимо скиѳовъ, останавливалось и проходило много народовъ, которые оставляли послѣ себя могильныя насыпи, уцѣлѣвшія среди голой степи. Но все-таки многія могилы по своему плану, обстановкѣ и находимымъ въ нихъ предметамъ напоминаютъ описаніе Геродота. Особенно замѣчательны тѣ курганы, которые выдѣляются изъ массы другихъ своею обширностью и высотою. Такіе курганы могли быть насыпаны только надъ могилами правителей: нуженъ былъ огромный трудъ, чтобы набрать среди голой степи ту массу огромныхъ камней, изъ которыхъ обыкновенно составляется цоколь, нижняя окружность кургана, Въ такихъ большихъ могильникахъ въ серединѣ подъ насыпью обыкновенно находится яма до трехъ саженъ глубиною. Въ углахъ этой центральной ямы бываютъ обыкновенно выкопаны особыя квадратныя пещеры, соединенныя съ ямой иногда корридорами; въ этихъ боковыхъ пещерахъ размѣщались погребаемые съ покойникомъ люди, кони, вещи. Въ большихъ курганахъ находятъ иной разъ огромную массу всякаго рода вещей, по которымъ можно судить о бытѣ отдаленныхъ эпохъ. Чтобы дать понятіе объ этихъ находкахъ, перечислимъ рядъ предметовъ, найденныхъ, напр., въ Чертомлыцкой могилѣ (въ екатеринославскомъ уѣздѣ). Вышина могилы по откосу доходила до 26 саженъ, вертикальная высота—9 саженъ, окружность у подошвы 165 саженъ. Въ разныхъ отдѣленіяхъ этой могилы найдено было нѣсколько тысячъ разныхъ, преимущественно металлическихъ вещей. Тутъ были желѣзныя конскія удила (250 штукъ въ одной кучѣ), сотни золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ бляхъ, кучи бронзовыхъ стрѣлъ, золотыхъ пластинокъ въ видѣ перьевъ и листьевъ,

бронзовыя фигуры львовъ, драконовъ, птицъ, золотые обручи, перстни, кольца, серьги, бусы, бронзовыя зеркала, серебряныя ложки, точильные брусья съ золотыми рукоятками, бронзовые свѣтильники, бронзовыя чаши и ведра, мѣдныя вазы съ ручками въ видѣ козловъ, глиняныя амфоры, колчаны, ножи, мечи, копья и т. д. Въ одномъ отдѣленіи погребено было 11 коней—пять съ серебряною сбруей и шесть съ золотою. На одномъ изъ человѣческихъ остововъ на шеѣ былъ серебряный, покрытый листовымъ золотомъ, обручъ, въ правомъ ухѣ золотая серьга, на пальцѣ золотое кольцо въ видѣ спирали и т. д. Золотыя украшенія состояли изъ пластинокъ съ изображеніями драконовъ, львовъ, оленей, цвѣтовъ, плодовъ и узоровъ, драконовъ, терзающихъ оленя, драконовъ, борющихся со сфинксами,—изъ бляхъ съ изображеніями медузы, львовъ, терзающихъ оленя, грифовъ, зайцевъ, изъ запонокъ въ видѣ сфинксовъ и т. д.,—такихъ украшеній найдено было до 2.500 штукъ. На ножнахъ изображены сцены изъ эллинской миѳологіи, на рукояткахъ мечей изображены грифы, олени, сцены охоты, бычачьи головы безъ роговъ, на бляхахъ—фигура скиѳа, пьющаго изъ рога, женщина съ зеркаломъ въ рукѣ, на золотомъ перстнѣ—летящая птица и т. д. Между прочимъ, въ этой же могилѣ найдена серебряная ваза, вышиною въ аршинъ и въ десять вершковъ діаметромъ, вся унизанная чеканнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ цвѣтовъ, птицъ, грифовъ, терзающихъ оленя; по плечу вазы идутъ выпуклыя и вызолоченныя изображенія сценъ изъ жизни скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями. Здѣсь представлены прежде всего двѣ лошади, пасущіяся въ степи; затѣмъ ихъ ловятъ арканами скиѳы: лошади рвутся убѣжать, скиѳы упираются ногами и всѣми силами удерживаютъ ихъ. Далѣе, трое скиѳовъ валятъ съ ногъ дикаго коня, для того, чтобы взнуздать его. Вотъ конь взнузданъ, и скиѳъ треножитъ его и т. д. Ваза эта, конечно, есть произведеніе эллинскаго искусства и по отдѣлкѣ принадлежитъ къ лучшему эллинскому стилю (полагаютъ, что она можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Х.). На золотой вазѣ, найденной въ другомъ мѣстѣ, около Керчи, въ горѣ Куль-Оба, скиѳы представлены среди своихъ домашнихъ занятій. На стулѣ сидитъ царь съ царскою повязкою на головѣ и копьемъ въ рукѣ; передъ нимъ сидитъ, поджавъ колѣна, скиѳъ, опирающійся копьемъ въ землю; позади другой скиѳъ натягиваетъ тетиву,—это, очевидно, сборы къ войнѣ и совѣщанія. Въ другой группѣ одинъ скиѳъ щупаетъ пальцемъ зубъ у другого; послѣдній крѣпко схватываетъ его за руку; другой скиѳъ перевязываетъ у товарища рану на ногѣ и т. д.

IV. Персы въ Европѣ.

Покореніе пеонянъ. Разскажу про одинъ случай, заставившій Дарія дать Мегабазу [1]) приказъ покорить пеонянъ и переселить ихъ изъ Европы въ Азію. Жили два пеонянина, Пигретъ и Мантій. Когда Дарій вернулся въ Азію, имъ захотѣлось стать тиранами у пеонянъ. Они явились въ Сарды, вмѣстѣ съ своей сестрой, статной и красивой женщиной. Выждавъ моментъ, когда Дарій творилъ судъ въ предмѣстьѣ лидійской столицы, они поступили такимъ образомъ: нарядили сестру въ лучшій нарядъ и послали съ сосудомъ на головѣ за водой; она, кромѣ того, вела лошадь, привязавъ узду къ рукѣ, и пряла ленъ. Когда женщина проходила мимо, Дарій обратилъ на нее вниманіе. Что она дѣлала, это не было въ обычаѣ ни въ Персіи, ни въ Лидіи, ни гдѣ бы то ни было въ Азіи. Замѣтивъ ее, Дарій послалъ нѣкоторыхъ изъ тѣлохранителей съ порученіемъ слѣдить за тѣмъ, что станетъ дѣлать женщина съ лошадью. Тѣ послѣдовали за нею. Дойдя до рѣки, она стала поить лошадь; напоивши, она наполнила сосудъ водою и пошла назадъ той же дорогой, неся на головѣ воду, рукой ведя лошадь и въ то же время вращая веретеномъ. Дарій удивлялся слышанному отъ соглядатаевъ и тому, что видѣлъ самъ; онъ велѣлъ привести къ себѣ женщину. Когда ту привели, явились и братья ея, наблюдавшіе все это изъ сосѣдняго мѣста. Дарій спросилъ, кто она. Юноши отвѣчали, что они пеоняне, а это ихъ сестра. Дарій опять спросилъ, кто такое пеоняне, въ какой землѣ живутъ и зачѣмъ пришли въ Сарды. Тѣ отвѣчали, что пришли передаться ему, что Пеонія лежитъ по рѣкѣ Стримону, а Стримонъ недалеко отъ Геллеспонта, что они потомки тевкровъ изъ Трои. Они раз-

---

[1]) Вернувшись изъ похода на скиѳовъ, Дарій оставилъ во Ѳракіи Мегабаза съ войскомъ съ порученіемъ завоевать Ѳракію.

сказывали о всемъ подробно, а Дарій разспрашивалъ, всѣ ли женщины въ той странѣ такія работницы. Тѣ поспѣшно подтвердили: изъ-за этого они все и устроили.

Тогда Дарій пишетъ письмо Мегабазу, котораго оставилъ военачальникомъ во Ѳракіи, и поручаетъ ему выселить пеонянъ съ ихъ мѣстожительства и привести къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми и женщинами. Всадникъ тотчасъ же скачетъ съ порученіемъ къ Геллеспонту, переправляется и передаетъ посланіе Мегабазу. Прочитавъ письмо, тотъ беретъ проводниковъ изъ Ѳракіи и отправляется въ походъ на Пеонію.

Пеоняне, услыхавъ, что персы идутъ на нихъ, собрались и выступили къ морю, предполагая, что персы вторгнутся и нападутъ на нихъ съ этой именно стороны. Такимъ образомъ пеоняне готовы были задержать наступающее войско Мегабаза; но персы, узнавъ, что пеоняне собрались и ждутъ вторженія съ моря, повернули съ своими проводниками на верхнюю дорогу и, не замѣченные пеонянами, напали на города ихъ, покинутые населеніемъ. Городами легко было овладѣть. Когда пеоняне узнали, что города ихъ заняты, они тотчасъ же разсѣялись и, вернувшись къ себѣ, поодиночкѣ сдались персамъ. Такимъ образомъ многіе пеоняне выселены были въ Азію, а именно сиропеоняне, пеопляне и тѣ, которые занимали страну до Прасіадскаго озера.

Не были покорены Мегабазомъ только тѣ пеоняне, которые занимали Пангейскія горы и Прасіадское озеро, хотя озерныхъ жителей Мегабазъ и пытался было выселить. У этихъ послѣднихъ поселки устроены такимъ образомъ. На высокихъ сваяхъ среди озера сдѣланъ сплошной помостъ; съ материка идетъ къ нему узкій проходъ черезъ мостикъ. Поддерживающія помостъ сваи сначала вбиты были общими усиліями всѣхъ гражданъ; затѣмъ вошло въ обычай ставить ихъ такимъ порядкомъ: каждый вступающій въ бракъ приноситъ на каждую жену по три сваи съ горы Орбела и вколачиваетъ ихъ; а женъ имѣютъ они по многу. Самыя жилища у нихъ устроены такъ: у каждаго на помостѣ есть своя хижина, въ которой онъ и живетъ; она -съ опускною дверью, ведущей черезъ помостъ къ озеру. Малыхъ ребятъ они привязываютъ веревкой за ногу изъ опасенія, чтобы они не скатывались внизъ. Лошадей и вьючный скотъ они кормятъ вмѣсто сѣна рыбой, которой тамъ такъ много, что стоитъ только отвер-

нуть опускную дверь и опустить на веревкѣ въ озеро пустую корзину, и черезъ нѣкоторое время уже вытащишь полную корзину рыбы [1]).

Первый походъ персовъ на Элладу. Когда Дарію возвѣстили, что Сарды взяты и сожжены аѳинянами и іонянами и что руководителемъ союза, задумавшимъ все это, былъ Аристагоръ изъ Милета [2]), онъ, говорятъ, не обратилъ, при этомъ извѣстіи, никакого вниманія на іонянъ, хорошо зная, что возстаніе не останется безнаказаннымъ, но спросилъ, кто такое аѳиняне. Получивъ отвѣтъ, онъ потребовалъ лукъ, взялъ его, наложилъ стрѣлу на тетиву и пустилъ ее вверхъ къ небу. Когда стрѣла летѣла въ воздухѣ, онъ воскликнулъ: «Дай же мнѣ, Зевсъ, отомстить аѳинянамъ!» Затѣмъ онъ велѣлъ одному изъ слугъ трижды повторять ему всякій разъ, какъ онъ будетъ садиться за обѣдъ: «Владыка! помни объ аѳинянахъ».

Постепенно царь приводилъ въ исполненіе свои замыслы, такъ какъ и слуга заставлялъ его помнить объ аѳинянахъ, и пизистратиды не переставали клеветать на ихъ, да и самому Дарію хотѣлось, воспользовавшись предлогомъ, покорить тѣхъ изъ эллиновъ, которые не дали ему земли и воды. Онъ отнимаетъ командованіе у Мардонія, не имѣ-

---

[1]) Черезъ Прасіадское озеро (нынѣ Такино) протекаетъ рѣка Стримонъ передъ впаденіемъ своимъ въ море. Орбелъ (нынѣ Перинъдагъ или Аргентаро) и Пангей (нынѣ Пирнари)—это южные отроги Балканскихъ горъ у верховьевъ Аксія, Стримона и Неста (нынѣшней Месты). Сиропеоняне назывались такъ по имени своего города Сириса, лежавшаго надъ озеромъ Прасіадскимъ.—Остатки первобытныхъ свайныхъ построекъ находятъ во многихъ мѣстахъ Европы,—въ Швейцаріи, Австріи, Германіи, Италіи. Такія постройки защищали первобытнаго человѣка отъ враговъ и хищныхъ звѣрей. Ихъ и нынѣ можно встрѣтить у папуасовъ въ Новой Гвинеѣ, у даяковъ на островѣ Борнео, у негровъ въ верховьяхъ Нила и т. д.

[2]) Во время похода Дарія на скиѳовъ милетскій тиранъ Гистіей помѣшалъ другимъ разрушить мостъ черезъ Дунай и тѣмъ спасъ Дарія. Царь далъ ему въ награду обширныя владѣнія во Ѳракіи, но потомъ сталъ опасаться его могущества и вызвалъ Гистіея къ себѣ въ Сузы. Тяготясь почетнымъ плѣномъ при дворѣ, Гистіей убѣдилъ своего зятя Аристагора, ставшаго послѣ него милетскимъ тираномъ, поднять среди іонянъ возстаніе. Іонійскіе города изгнали тирановъ, поставленныхъ персами; получивъ помощь отъ аѳинянъ и эретріянъ, союзники взяли въ 499 г. Сарды и сожгли ихъ.

шаго успѣха въ походѣ [1]), и назначаетъ для войны съ Эретріей и Аѳинами другихъ военачальниковъ – Датиса, мидянина по происхожденію, и Артаферна, сына Артафернова, своего племянника; онъ приказываетъ имъ поработить Аѳины и Эретрію и порабощенныхъ жителей привести прямо къ нему.

Вновь назначенные полководцы отправляются въ путь и приходятъ на Алейскую равнину въ Киликіи [2]), во главѣ большого и хорошо снабженнаго всѣмъ войска. Тутъ они располагаются лагеремъ. Сюда же является весь флотъ, который приказано было снарядить разнымъ народамъ; явились и суда для перевозки коней, которыя еще въ предшествующемъ году Дарій велѣлъ заготовлять своимъ данникамъ. Поставивъ коней на транспортныя суда и посадивъ на корабли пѣхоту, персы поплыли на шестидесяти тріерахъ въ Іонію. Отсюда они направили корабли не вдоль материка, не прямо къ Геллеспонту и Ѳракіи, но плыли вдоль Икарійскаго моря отъ острова къ острову, начиная съ Самоса, потому что очень боялись обходить Аѳонъ, такъ какъ въ предыдущемъ году, плывя здѣсь, понесли большой уронъ; кромѣ того, имъ не хотѣлось миновать Наксоса, котораго раньше не могли взять [3]).

На пути изъ Икарійскаго моря они и пристали къ Наксосу; это былъ первый островъ, на который персы задумали напасть. Помня прошлое, жители острова поспѣшно

---

[1]) Подъ пизистратидами разумѣется Гиппій съ сыновьями, сынъ аѳинскаго тирана Пизистрата, правившій послѣ отца въ Аѳинахъ и бѣжавшій послѣ изгнанія изъ Аѳинъ къ Дарію. Чтобы наказать аѳинянъ за помощь іонянамъ, Дарій въ 493 г. послалъ въ Элладу зятя своего Мардонія съ войскомъ; но флотъ Мардонія потерпѣлъ крушеніе у Аѳона, а сухопутное войско встрѣтило отпоръ со стороны ѳракіянъ. Въ 491 г. Дарій послалъ въ Элладу пословъ требовать у эллиновъ въ знакъ покорности земли и воды. Большинство эллинскихъ городовъ исполнило требованіе; спартанцы же и аѳиняне умертвили пословъ.

[2]) Алейская равнина лежала между рѣками Саромъ и Пирамомъ въ Киликіи, на южномъ малоазійскомъ побережьѣ, на большой военной дорогѣ, которая вела отъ Эвфрата къ Сардамъ и по которой шелъ Киръ Младшій противъ брата своего Артаксеркса (*Анабасисъ* Ксенофонта).

[3]) Икарійскимъ моремъ называлась юговосточная часть Эгейскаго моря, гдѣ, по преданіямъ, утонулъ Икаръ, летѣвшій черезъ море на искусственныхъ крыльяхъ, сдѣланныхъ отцомъ его Дедаломъ.—Наксосъ— самый большой изъ Цикладскихъ острововъ.—Крушеніе у Аѳона произошло за три года до похода Датиса и Артаферна.

бѣжали въ горы, не дожидаясь непріятеля. Персы обратили въ рабство тѣхъ, кто попалъ въ руки, сожгли храмы и городъ и поплыли къ другимъ островамъ.

Тѣмъ временемъ делосцы тоже покинули свой островъ и поспѣшно бѣжали на Теносъ. Когда войско стало приближаться къ Делосу, Датисъ, плывшій впереди, велѣлъ стать на якорь не у этого острова, а напротивъ, у Ренея. Узнавши, гдѣ делосцы, онъ послалъ глашатая и велѣлъ имъ сказать: «Святые мужи! зачѣмъ вы убѣжали, составивъ ложное мнѣніе обо мнѣ? Я и самъ настолько благоразуменъ да и отъ царя получилъ приказъ отнюдь не причинять вреда странѣ, гдѣ родились два божества,—ни самой странѣ ни ея жителямъ. Вернитесь же въ ваши дома и обладайте островомъ». Вотъ что онъ возвѣстилъ делосцамъ черезъ глашатая; затѣмъ, возложивъ на алтарь триста талантовъ ладана [1]), онъ совершилъ воскуреніе. Послѣ этого онъ поплылъ съ войскомъ прямо къ Эретріи, ведя за собою іонянъ и эолянъ.

По отъѣздѣ его, Делосъ, какъ говорили жители, раздвинулся; это сотрясеніе произошло въ первый и въ послѣдній разъ до моего времени [2]). Очевидно, божество явило это чудо въ ознаменованіе грядущихъ бѣдствій. Дѣйствительно, при Даріи, сынѣ Гистаспа, Ксерксѣ, сынѣ Дарія, и Артаксерксѣ, сынѣ Ксеркса, при трехъ этихъ поколѣніяхъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ, Эллада вытерпѣла больше бѣдъ, нежели въ теченіе двадцати поколѣній, предшествовавшихъ Дарію, при чемъ однѣ бѣды шли отъ персовъ, другія отъ самихъ эллинскихъ вождей, воевавшихъ другъ съ другомъ изъ-за власти. Поэтому ничего не было необычайнаго въ томъ, что Делосъ, бывшій до этого времени неподвижнымъ, теперь двинулся. Да и оракулъ о нёмъ гласитъ такъ:

«Двину я Делосъ, дотолѣ недвижный».

Отплывши отъ Делоса, варвары приставали къ островамъ, брали оттуда войско и уводили заложниками дѣтей островитянъ. Переплывая отъ острова къ острову, они пристали къ Каристу. Жители Кариста не дали заложниковъ и отказались итти на сосѣдніе города, т. е. Эретрію и Аѳи-

---

[1]) На нашъ вѣсъ 480 пудовъ.

[2]) По эллинскимъ легендамъ Посейдонъ ударомъ своего трезубца поднялъ Делосъ на поверхность моря, и островъ долго блуждалъ по морю, пока Аполлонъ не сдѣлалъ его неподвижнымъ.

ны. Тогда персы стали осаждать ихъ и до тѣхъ поръ опустошали землю, пока и каристяне не перешли на сторону персовъ.

Эретріяне, услыхавъ, что на нихъ плыветъ персидское войско, просили аѳинянъ оказать имъ помощь. Аѳиняне не отказали въ просьбѣ и дали имъ вспомогательный отрядъ въ 4.000 клеруховъ, владѣвшихъ землями халкидскихъ гиппоботовъ. [1]) Къ сожалѣнію, у эретріяхъ не было никакого разумнаго плана: приглашая аѳинянъ, они сами были въ большомъ разногласіи. Одни предлагали, покинувъ городъ, удалиться на Эвбейскія высоты; другіе, разсчитывая на личныя выгоды, ожидаемыя отъ персидскаго царя, замышляли предать городъ. Зная настроеніе тѣхъ и другихъ, Эсхинъ, сынъ Ноѳона, главное лицо въ Эретріи, подробно изложилъ прибывшимъ аѳинянамъ положеніе дѣлъ на островѣ и просилъ ихъ вернуться въ свою страну, чтобы не погибнуть вмѣстѣ. Аѳиняне послѣдовали этому совѣту Эсхина, перешли въ Оропъ [2]) и тѣмъ спаслись.

Персы межъ тѣмъ держали путь на эретрійскія селенія Тамины, Хереи и Эгиліи. Приставши въ этихъ мѣстностяхъ, они тотчасъ же стали высаживать коней и приготовлялись къ нападенію на противника. Но эретріяне и не думали выходить на нихъ и сражаться; они заботились лишь о томъ, какъ бы защитить стѣны, послѣ того какъ рѣшеніе не покидать городъ взяло у нихъ перевѣсъ. Шесть дней продолжалась ожесточенная осада, и многіе пали съ обѣихъ сторонъ. На седьмой день двое выдающихся гражданъ, Эвфорбъ, сынъ Алкимаха, и Филагръ, сынъ Кинея, предали городъ персамъ. Войдя въ городъ, послѣдніе ограбили и сожгли храмы, мстя за сожженіе святилищъ въ Сардахъ, а жителей, согласно приказанію Дарія, обратили въ рабство.

Покоривъ Эретрію и простоявъ тутъ нѣсколько дней, персы поплыли къ Аттикѣ, сильно торопясь и разсчитывая поступить съ аѳинянами такъ же, какъ поступили съ эретріянами. Мараѳонъ былъ наиболѣе удобною въ Аттикѣ

---

[1]) Клерухами назывались колонисты, получившіе въ надѣлъ участки земли въ завоеванной области и сохранившіе за собою всѣ права и обязанности гражданъ метрополіи. При покореніи острова Эвбеи аѳинянами, 4.000 аѳинскихъ клеруховъ получили надѣлы изъ земель, принадлежавшихъ халкидскимъ помѣщикамъ (Халкида—наиболѣе значительный городъ Эвбеи), которые занимались главнымъ образомъ коневодствомъ и поэтому назывались гиппоботами, т. е. коневодами.

[2]) Городъ противъ Эретріи, на границѣ между Беотіей и Аттикой.

мѣстностью для конницы и ближе всего былъ къ Эретріи: сюда поэтому и повелъ войско Гиппій, сынъ Пизистрата.

Услыхавъ объ этомъ, аѳиняне и сами направились къ Мараѳону. Предводительствовали у нихъ десять стратеговъ [1]. Десятымъ состоялъ Мильтіадъ, отцу котораго, Кимону, пришлось бѣжать изъ Аѳинъ отъ Пизистрата. Въ изгнаніи Кимону удалось взять призъ при бѣгѣ колесницъ на олимпійскихъ играхъ. Въ слѣдующую олимпіаду, побѣдивъ на тѣхъ же коняхъ, онъ предоставилъ право побѣдителя Пизистрату; за эту уступку, по условію съ Пизистратомъ, онъ получилъ возможность вернуться на родину. На тѣхъ же коняхъ онъ и въ третій разъ одержалъ побѣду въ Олимпіи; но ему пришлось погибнуть отъ дѣтей Пизистрата, когда самого Пизистрата уже не было въ живыхъ; его убили ночью изъ засады, у пританея. Похороненъ онъ передъ городомъ, на концѣ улицы, извѣстной подъ именемъ «Лощины», а напротивъ него погребены кони, три раза выигравшіе призъ на олимпійскихъ играхъ [2].

Находясь еще въ городѣ, стратеги первымъ долгомъ отправляютъ въ Спарту глашатаемъ аѳинянина Фидиппида, скорохода по профессіи, принявшаго и на этотъ разъ эту обязанность. У горы Парѳенія, повыше Тегеи, Фидиппиду, какъ онъ самъ передавалъ аѳинянамъ, попадается навстрѣчу Панъ, громко окликнувъ его по имени. Панъ велѣлъ спросить у аѳинянъ, почему они нисколько не заботятся о почитаніи его, хотя онъ благосклоненъ къ нимъ, много разъ уже оказывалъ имъ услуги и готовъ еще оказать. И вотъ, когда все потомъ обошлось благополучно, аѳиняне убѣдились въ правдивости разсказа, построили храмъ Пану у подошвы акрополя и съ той поры чтутъ бога ежегодными жертвами и возженіемъ факеловъ [3].

---

[1] Послѣ раздѣленія Клисѳеномъ аѳинскихъ гражданъ на 10 филъ, для начальствованія надъ войскомъ каждая фила избирала ежегодно по одному стратегу.

[2] Пританей—зданіе, гдѣ угощали пословъ и заслуженныхъ гражданъ, у подошвы аѳинскаго акрополя. «Лощина» лежала между холмами Пниксомъ и Музеемъ и вела на югозападъ, къ Пирейскимъ воротамъ. Выдолбленную въ пещерѣ могилу Кимона въ Аѳинахъ показываютъ и нынѣ.

[3] Тропинка, на которой являлся Панъ, существуетъ и понынѣ: она ведетъ изъ Арголиды черезъ горную цѣпь Парѳеніи на Тегейское плоскогорье, въ южную Аркадію. Панъ, богъ лѣсовъ и пастбищъ, изобрѣтатель пастушьей свирѣли, представлявшійся съ козлиными но-

На второй день по выходѣ изъ Аѳинъ Фидиппидъ былъ уже въ Спартѣ [1]). Явившись къ властямъ, онъ сказалъ: «Лакедемоняне! аѳиняне просятъ васъ оказать имъ помощь и не допускать, чтобы древнѣйшій у эллиновъ городъ подпалъ подъ иго варваровъ. Эретрія уже порабощена, и Эллада, съ потерею значительнаго города, стала слабѣе». Глашатай передалъ порученіе, и лакедемоняне рѣшили помочь аѳинянамъ; но сейчасъ же сдѣлать это было невозможно имъ, такъ какъ они не желали нарушать закона: былъ девятый день мѣсяца, а въ девятый день они отказались выступать, такъ какъ не было полнолунія: они ждали полнолунія [2]).

На помощь аѳинянамъ пришли лишь платеяне. Между тѣмъ мнѣнія аѳинскихъ стратеговъ раздѣлились поровну: одни не желали битвы, говоря, что эллиновъ слишкомъ мало для сраженія съ мидійскимъ войскомъ; другіе, въ томъ числѣ и Мильтіадъ, стояли за битву. Одиннадцатымъ подавало голосъ лицо, избранное по жребію въ аѳинскіе полемархи; ибо въ прежнее время аѳиняне предоставляли полемарху одинаковое право голоса со стратегами [3]). Полемархомъ въ это время былъ Каллимахъ изъ Афиднъ. И вотъ, когда мнѣнія раздѣлились и худшее мнѣніе начинало брать верхъ, Мильтіадъ подошелъ къ полемарху и сказалъ: «Теперь въ твоей, Каллимахъ, власти повергнуть Аѳины въ рабство или дать имъ свободу и оставить по себѣ на вѣки вѣчный памятникъ, какого не оставили даже Гармодій и

гами, былъ стариннымъ божествомъ аркадскихъ горъ. Онъ вѣчно бродитъ по лѣсамъ, пляшетъ съ нимфами и играетъ имъ пѣсни. Встрѣтившись въ уединеніи съ человѣкомъ, онъ, какъ у насъ лѣшій, наводилъ ужасъ на человѣка—паническій ужасъ; такой же ужасъ онъ навелъ и на варваровъ при Мараѳонѣ. «Гротъ Пана» показываютъ и нынѣ въ Аѳинахъ, на сѣверозападномъ склонѣ акрополя, гдѣ недавно вырыта была статуя Пана.

[1]) Въ двое сутокъ гонецъ прошелъ 180 верстъ.

[2]) Въ концѣ нашего августа въ Спартѣ справлялся большой національный праздникъ (карнеи) въ честь Аполлона. Во время этого празднества спартанцы не могли браться за оружіе.

[3]) До реформы Клисѳена архонтъ-полемархъ былъ главнокомандующимъ войскъ. Впослѣдствіи онъ потерялъ эту власть и исполнялъ лишь нѣкоторыя второстепенныя обязанности: рѣшалъ тяжбы между иностранцами и гражданами, предсѣдательствовалъ на судѣ присяжныхъ, приносилъ жертвы божествамъ войны, устраивалъ похоронныя игры въ честь павшихъ воиновъ и т. д.

Аристогейтонъ [1]). Аѳиняне съ тѣхъ поръ, какъ явились на свѣтъ, не подвергались такой опасности, какъ теперь. Если они подчинятся персамъ, они будутъ отданы во власть Гиппія,—и можно себѣ представить, что придется ихъ вытерпѣть. Напротивъ, если нашъ городъ возьметъ верхъ, онъ можетъ стать первымъ въ Элладѣ. А теперь скажу, какъ это можетъ произойти и почему отъ тебя зависитъ рѣшеніе этого дѣла. У насъ, стратеговъ, мнѣнія раздѣлились надвое: одни хотятъ битвы, другіе нѣтъ. Если мы не вступимъ въ бой, я боюсь, что какая-нибудь сильная смута поколеблетъ духъ аѳинянъ и они станутъ на сторону мидянъ. Если же мы вступимъ въ бой, пока еще нѣкоторымъ изъ аѳинянъ не пришли въ голову дурныя мысли, то, при помощи боговъ, воздающихъ каждому по дѣламъ, мы можемъ одержать побѣду. И вотъ все это теперь въ твоихъ рукахъ и отъ тебя зависитъ. Если присоединишься къ моему мнѣнію, отечество твое будетъ свободно, городъ будетъ первымъ въ Элладѣ; если же станешь на сторону тѣхъ, которые противодѣйствуютъ мнѣ, тебѣ выпадетъ на долю какъ разъ обратное тому, что я указалъ».

Этими словами Мильтіадъ склонилъ Каллимаха на свою сторону. Полемархъ подалъ голосъ, и окончательно рѣшено было дать битву. Послѣ этого всѣ стратеги, стоявшіе за битву, по мѣрѣ того, какъ наступала для каждаго изъ нихъ дневная очередь быть главнокомандующимъ, стали передавать свои права Мильтіаду; но послѣдній, заступая ихъ, все-таки не давалъ битвы до тѣхъ поръ, пока не пришла его собственная очередь.

Когда чередъ дошелъ до него, аѳиняне, въ виду ожидаемой битвы, стали строиться въ такомъ порядкѣ. Во главѣ праваго крыла сталъ полемархъ Каллимахъ: у аѳинянъ въ то время былъ такой законъ, чтобы именно полемархъ занималъ правое крыло. За нимъ слѣдовали филы, одна за другою, въ томъ порядкѣ, въ какомъ велся ихъ счетъ [2]); на

---

[1]) Аѳинскіе юноши Гармодій и Аристогейтонъ убили тирана Гиппарха, сына Пизистрата, въ 514 г. и освободили родину отъ тираніи. За эту услугу родинѣ они стали въ глазахъ согражданъ героями; полемархъ отъ лица государства совершалъ въ честь ихъ жертвоприношенія. Эти юноши были уроженцами того же дема Афидны, изъ котораго происходилъ и Каллимахъ.

[2]) Для веденія текущихъ дѣлъ въ аѳинскомъ Совѣтѣ ежегодно учреждалось десять комиссій по числу десяти филъ. Каждая комиссія

самомъ концѣ, т. е. на лѣвомъ крылѣ, строились платеяне. Поэтому-то, со времени этой битвы, когда на всенародномъ празднествѣ, повторяющемся черезъ каждые четыре года [1]), аѳиняне совершаютъ жертвоприношенія, то глашатай аѳинянинъ молится о ниспосланіи благъ не только аѳинянамъ, но и платеянамъ. Когда всѣ выстроились, оказалось, что длина фронта равнялась боевой линіи мидянъ, но центръ состоялъ лишь изъ немногихъ рядовъ, и такимъ образомъ здѣсь линія была очень слаба, а главныя силы сосредоточивались на обоихъ флангахъ.

Выстроившись и получивъ благопріятныя жертвенныя предзнаменованія, аѳиняне двинулись съ мѣста и бѣглымъ маршемъ устремились на варваровъ. Разстояніе между войсками было не менѣе восьми стадій. Видя несущихся враговъ, персы готовились дать отпоръ; но разглядѣвъ, что ихъ немного, что у нихъ нѣтъ ни конницы ни стрѣлковъ, что они, при всемъ томъ, бѣгутъ на нихъ бѣгомъ, они приняли аѳинянъ за сумасшедшихъ, которые спѣшатъ на вѣрную смерть. Межъ тѣмъ аѳиняне по всей линіи бросились въ битву съ варварами и сражались съ доблестью, достойною славы. Они первые изъ эллиновъ, о которыхъ мы знаемъ, воспользовались бѣглымъ маршемъ при нападеніи на врага; они же первые не испугались при видѣ мидійской одежды и вооруженныхъ по-мидійски людей; а до этого времени эллинамъ страшно было услышать даже имя мидянъ.

Долго продолжалась битва на Мараѳонѣ. Въ центрѣ, гдѣ стояли сами персы и саки [2]), варвары одолѣли. Прорвавши ряды, они преслѣдовали противника вглубь материка; на флангахъ же побѣду одержали аѳиняне и платеяне. Но послѣ побѣды они обращеннымъ въ бѣгство врагамъ предоставили возможность бѣжать, а сами, сомкнувши оба крыла, стали

завѣдывала дѣлами въ теченіе одной десятой части года по очереди, а самая очередь опредѣлялась въ началѣ года жребіемъ; это и былъ «счетъ» филъ.

[1]) Такимъ общенаціональнымъ праздникомъ, совершавшимся въ третій годъ каждой олимпіады, въ концѣ іюля, были «великія панаѳинеи», въ честь Аѳины—защитницы города. Самую блестящую часть праздника составляло торжественное шествіе въ Эрехѳейонъ, въ которомъ принималъ участіе весь цвѣтъ аѳинскаго населенія.

[2]) Саки, приведенные персами съ дальняго сѣверовостока персидской монархіи, изъ нынѣшнихъ киргизскихъ степей, были отличными стрѣлками и наѣздниками и не уступали самимъ персамъ въ храбрости.

биться съ варварами, прорвавшими центръ, и одолѣли ихъ. Бѣгущихъ персовъ они преслѣдовали и убивали, пока не подошли къ морю; здѣсь они требовали себѣ огня и цѣплялись за корабли.

Въ этомъ бою погибъ, во-первыхъ, полемархъ Каллимахъ, оказавшійся доблестнымъ мужемъ, а изъ стратеговъ Стезилай, сынъ Ѳразилая; далѣе—Кинегиръ, сынъ Эфворіона, ухватившійся за корму корабля и потерявшій руку, отрубленную топоромъ; затѣмъ пали и многіе другіе именитые аѳиняне.

Такимъ-то путемъ аѳиняне завладѣли семью кораблями. На остальныхъ варвары пустились опять въ море. Захвативъ плѣнныхъ эретріянъ съ острова, на которомъ оставили было ихъ, они поплыли вокругъ Сунія, намѣреваясь раньше аѳинянъ подойти къ городу. У аѳинянъ явилось подозрѣніе, что персы задумали этотъ планъ по интригѣ алкмеонидовъ; говорятъ, что эти послѣдніе, по уговору съ персами, будто подняли вверхъ щитъ въ то время, какъ персы были уже на корабляхъ [1].

Такимъ образомъ персы стали огибать Суній; а тѣмъ временемъ аѳиняне со всѣхъ ногъ пустились на защиту города и опередили варваровъ. Прибывъ отъ Гераклова святилища на Мараѳонѣ, они расположились лагеремъ у другого Гераклова святилища—на Киносаргѣ [2]. Варвары же, появившись въ открытомъ морѣ противъ Фалера (онъ былъ въ то время аѳинскою гаванью) [3]) и простоявъ здѣсь нѣкоторое время на якорѣ, отплыли затѣмъ обратно въ Азію.

Нашествіе Ксеркса. Цѣлыхъ четыре года снаряжалъ Ксерксъ войско и заготовлялъ все нужное для него. Одни народы доставляли корабли, другіе—пѣшее войско, третьи—конницу, четвертые, кромѣ воиновъ, обязаны были доставить суда для перевозки лошадей, пятые—длинные корабли для наведенія мостовъ, шестые—припасы и суда.

---

[1]) Мысъ Суній—юговосточная оконечность Аттики. Алкмеониды, игравшіе большую роль въ политической исторіи Аѳинъ, были приверженцами Гиппія. Щитъ былъ поднятъ на какомъ-нибудь возвышеніи въ видѣ условнаго знака.

[2]) Киносаргъ—загородная площадь къ востоку отъ Аѳинъ; здѣсь была арена для гимнастическихъ упражненій и борьбы, посвященная Гераклу.

[3]) Впослѣдствіи военною и торговою гаванью Аѳинъ сталъ Пирей.

Кромѣ того, такъ какъ первые корабли, огибавшіе Аѳонъ, потерпѣли тамъ крушеніе, то у Аѳона почти за три года до этого начались подготовительныя работы. Триремы стояли у Элеунта [1]) въ Херсонесѣ. Отсюда всевозможные отряды войскъ ходили на работу—рыть гору, подъ ударами бича; однихъ смѣняли другіе; работали и жители Аѳона. Работами завѣдывали персы—Бубаръ, сынъ Мегабаза, и Артахей, сынъ Артея. Аѳонъ—это большая, всѣмъ извѣстная гора, спускающаяся къ морю и заселенная людьми. Оканчиваясь у материка, она образуетъ нѣчто въ родѣ полуострова съ перешейкомъ около 12 стадій ширины. Перешеекъ представляетъ равнину съ небольшими холмами, которые идутъ отъ моря до моря, отъ Аканѳа до Тороны, которая лежитъ напротивъ. На этомъ перешейкѣ, позади Аѳона, лежитъ эллинскій городъ Сана. Ближе Саны, по направленію къ горѣ находятся города Діонъ, Олофиксъ, Акроѳой, Ѳиссъ и Клеоны, которые царь изъ материковыхъ и задумалъ превратить въ островные.

Перекапывали гору такимъ образомъ. Проведя прямую линію у города Саны, варвары раздѣлили все пространство это по народностямъ. Затѣмъ, выкопавъ глубокую канаву, одни стали рыть землю, стоя внизу; другіе передавали постоянно вынимаемую землю стоявшимъ сверху, на уступахъ; тѣ принимали и передавали дальше, пока земля не доходила до тѣхъ, кто стоялъ на самомъ верху; эти послѣдніе относили ее и сваливали. Такъ какъ края канала обрушивались, то всѣ, кромѣ финикіянъ, несли двойной трудъ. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, потому что каналъ и сверху и снизу дѣлали одинаковой ширины. Финикіяне же обнаружили и здѣсь обычную въ ихъ работахъ сообразительность. На доставшемся имъ участкѣ они сверху дѣлали выемку вдвое шире предполагаемаго канала и по мѣрѣ углубленія суживали ее; когда докапывались до дна, у нихъ получался такой же ширины каналъ, какъ у прочихъ. По сосѣдству былъ лугъ; на немъ финикіяне устроили рынокъ и завели торговлю. Мука имъ въ большомъ количествѣ доставлялась изъ Азіи.

Взвѣшивая всѣ данныя, я нахожу, что Ксерксъ велѣлъ перекапывать гору изъ высокомѣрія, желая выставить свое

---

[1]) Элеунтъ—городъ на ѳракійскомъ Херсонесѣ, у входа въ нынѣшній Дарданельскій проливъ (Геллеспонтъ—у древнихъ).

могущество и оставить по себѣ память. Можно было безъ всякаго труда перетащить корабли черезъ перешеекъ, а онъ велѣлъ рыть каналъ въ уровень съ моремъ,—такой ширины, чтобы по нему могли плыть рядомъ на веслахъ двѣ триремы. Тѣмъ же самымъ людямъ, которые копали каналъ, поручено было навести мостъ на Стримонѣ.

Тѣмъ временемъ финикіяне и египтяне, по порученію царя, заготовляли снасти для мостовъ изъ папируса и бѣлаго льна. Для войска дѣлались склады припасовъ, чтобы ни воины ни вьючный скотъ не терпѣли голода во время похода на Элладу. Склады велѣно было дѣлать не иначе, какъ разузнавъ мѣстность, для того, чтобы они были въ наиболѣе удобныхъ пунктахъ. Со всѣхъ концовъ Азіи свозили на грузовыхъ судахъ и плотахъ въ разныя мѣста запасы.

Другіе воины строили мостъ на Геллеспонтѣ, изъ Азіи въ Европу. На геллеспонтскомъ полуостровѣ, между городами Сестомъ и Мадитомъ, есть скалистый мысъ, спускающійся къ морю, противъ Абида. Къ этому-то мысу были перекинуты мосты отъ Абида,—одинъ финикіянами съ помощью канатовъ изъ бѣлаго льна, другой—египтянами съ помощью папирусныхъ канатовъ. а отъ Абида до противоположнаго берега семь стадій [1]). Когда переправа была уже готова, поднялась сильная буря, которая все это изломала и разорвала.

Когда Ксерксъ узналъ объ этомъ, онъ разсвирѣпѣлъ и приказалъ дать Геллеспонту триста ударовъ бичомъ и спустить въ море ножныя оковы. Я слышалъ даже, будто онъ послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и клеймовщиковъ - наложить клеймо на Геллеспонтъ. При бичеваніи велѣно было произносить такія варварскія и нечестивыя слова: «Вотъ тебѣ, противная вода! Это зато владыка казнитъ тебя, что ты безъ всякаго повода причинила обиду ему. Хочешь—не хочешь, царь Ксерксъ все-таки перейдетъ черезъ тебя. По дѣломъ, знать, ни одинъ человѣкъ не чтитъ тебя, грязно-соленый потокъ, жертвами!» Такъ было наказано море; а тѣмъ, кто завѣдывалъ сооруженіемъ мостовъ черезъ Геллеспонтъ, велѣно было отрубить головы. Повелѣніе исполнено было лицами,

[1]) Между Сестомъ (на ѳракійскомъ берегу) и Абидомъ (на малоазійскомъ берегу) ширина Геллеспонта=$1^1/_4$ версты. Въ 1810 г. Байронъ переплылъ въ этомъ мѣстѣ Геллеспонтъ.

на которыхъ возлагалась эта непріятная обязанность, а мосты наведены были другими мастерами.

Наводили ихъ такъ. Поставили въ рядъ пятицесятивесельныя суда и триремы,—360 судовъ со стороны Эвксинскаго Понта и 314 по другую сторону; суда стояли наискось къ Понту и каждое по теченію Геллеспонта для того, чтобы канаты были крѣпче натянуты. Установивъ суда, спустили съ нихъ длиннѣйшіе якори,—одни въ сторону Понта, чтобы противостать вѣтрамъ, дующимъ съ этого моря, другіе на западъ, къ Эгейскому морю, противъ западнаго и южнаго вѣтровъ. Между пятидесятивесельными судами и триремами оставленъ былъ въ трехъ мѣстахъ проходъ для мелкихъ судовъ, чтобы всякій желающій могъ проплыть въ Понтъ и изъ Понта. Затѣмъ, при помощи деревянныхъ воротовъ, стали натягивать канаты, прилаживая уже не по одному сорту на каждый мостъ, а по два льняныхъ и по четыре папирусныхъ на мостъ. Канаты были одинаково хороши и толсты, но льняные были относительно тяжелѣе: локоть каната вѣсилъ талантъ. Когда мосты были связаны, напилили деревянныхъ брусьевъ и, обрѣзавъ ихъ вровень съ шириною моста, наложили правильными рядами поверхъ натянутыхъ канатовъ; затѣмъ эти брусья связали по порядку одинъ съ другимъ. Устроивъ все это, наносили лѣсу; уложивъ и его въ порядкѣ, прикрыли все землею и утрамбовали ее. Наконецъ по ту и по другую сторону моста сдѣлали изгородь, чтобы вьючный скотъ и лошади не смотрѣли внизъ въ море и не пугались.

Когда работы по сооруженію мостовъ и на Аѳонѣ были закончены, когда пришло извѣстіе, что насыпи у устьевъ канала, устроенныя изъ-за сильнаго прибоя, для того, чтобы устье не заносилось, и самый каналъ совсѣмъ готовы, войско, зимовавшее у Сардъ, съ наступленіемъ весны двинулось къ Абиду. Когда оно тронулось, солнце, покинувъ занимаемое имъ на небѣ мѣсто, исчезло, хотя небо было безоблачно и погода совершенно ясная; день смѣнился ночью. Ксерксъ, при видѣ всего этого, встревожился и спросилъ у маговъ, что предвѣщаетъ это явленіе. Тѣ отвѣчали, что божество предвѣщаетъ эллинамъ, что имъ придется покинуть города, потому что для эллиновъ предвѣстникомъ служитъ солнце, для самихъ же персовъ—луна. Услышавъ это, Ксерксъ очень обрадовался и началъ выступленіе.

Впереди шли носильщики и вьючный скотъ; за ними

полчища всевозможныхъ народностей, въ перемѣшку, безъ всякаго раздѣленія. За первой, большей половиной войска былъ промежутокъ: первые отряды шли отдѣльно отъ царя. Впереди царя шло 1.000 всадниковъ, отборныхъ между всѣми персами; за ними—1.000 копьеносцевъ, тоже самыхъ отборныхъ, съ опущеннымъ къ низу остріемъ; дальше вели десять такъ называемыхъ нисейскихъ священныхъ коней, всячески разукрашенныхъ. Нисейскими называются они вотъ почему: въ мидійской землѣ есть обширная равнина, имя которой—Нисей; на этой-то равнинѣ и водятся крупные кони [1]. За этими десятью конями взору представлялась священная Зевсова колесница [2]; ее везли восемь бѣлыхъ коней; за конями пѣшкомъ шелъ возница съ вожжами въ рукахъ, ибо никто изъ людей не восходитъ на это сѣдалище. Засимъ слѣдовалъ самъ Ксерксъ,—на колесницѣ, везомой нисейскими же конями; рядомъ шелъ возница, по имени Патирамфъ, сынъ перса Отана.

Въ такомъ порядкѣ Ксерксъ выступилъ изъ Сардъ. Съ колесницы онъ пересаживался, когда ему вздумается, на повозку. За нимъ шла тысяча копьеносцевъ, храбрѣйшихъ и благороднѣйшихъ изъ персовъ,—копья они держали обычнымъ способомъ; далѣе еще тысяча отборныхъ персидскихъ всадниковъ, а за ними 10.000, выбранные изъ остальной массы персовъ; это уже были пѣхотинцы. Изъ нихъ тысяча имѣла на древкѣ, вмѣсто желѣзнаго острія, золотыя гранаты и замыкала кругомъ остальныхъ, а у девяти тысячъ, шедшихъ внутри кольца, на копьяхъ были серебряныя гранаты. Золотыя гранаты имѣли и тѣ, у которыхъ остріе опущено было къ землѣ, а ближайшіе къ Ксерксу имѣли на копьяхъ яблоки. За этими 10.000 слѣдовало 10.000 персидской конницы. За конницей былъ промежутокъ въ двѣ стадіи, и наконецъ шли въ перемѣшку остальныя полчища.

Когда войско подошло къ Скамандру—это первая рѣка на пути, со времени выступленія изъ Сардъ, которая изсякла,

---

[1]) На Нисейской равнинѣ, въ персидской провинціи Рагіанѣ, паслись царскіе табуны лошадей; тутъ же были царскія конюшни и поля для обученія коней; здѣсь содержалось до 150 тысячъ лошадей.

[2]) Эта была священная колесница Митры, божества солнца и чистаго неба; ему приносили въ жертву бѣлыхъ коней. Митру считали посредникомъ между Ормуздомъ и Ариманомъ; онъ производитъ чередованіе дня и ночи, распредѣляетъ господство надъ міормъ между свѣтомъ и мракомъ.

воды которой не хватало людямъ и скоту для питья—такъ когда Ксерксъ подошелъ къ этой рѣкѣ, онъ поднялся къ Пріамову Пергаму, имѣя сильное желаніе его осмотрѣть. Осмотрѣвъ крѣпость и разспросивъ все въ подробности, онъ принесъ въ жертву иліонской Аѳинѣ тысячу коровъ, маги же совершили возліяніе въ честь героевъ. Ночью, вслѣдъ за этимъ, въ лагерѣ распространилась паника. Съ разсвѣтомъ войско оттуда выступило.

Въ Абидѣ Ксерксъ пожелалъ обозрѣть всѣ свои полчища. На высокомъ холмѣ нарочно былъ приготовленъ заранѣе престолъ изъ бѣлаго камня; устроили его жители Абида, получившіе заранѣе приказъ отъ царя. Ксерксъ возсѣлъ здѣсь и, окидывая взоромъ побережье, смотрѣлъ и сухопутное войско и корабли. Ему захотѣлось видѣть состязаніе между судами. Когда желаніе его было исполнено и когда побѣдили финикійцы изъ Сидона, царь былъ восхищенъ и состязаніемъ и своимъ войскомъ.

Видя, какъ весь Геллеспонтъ покрытъ былъ кораблями, какъ всѣ берега и абидскія равнины кишѣли людьми, Ксерксъ счелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, но потомъ онъ заплакалъ.

Дядя его Артабанъ, который уже съ самаго начала свободно высказалъ свое мнѣніе, не совѣтуя итти на Элладу, замѣтилъ эти слезы и сказалъ: «Царь! какая большая разница между теперешнимъ твоимъ поведеніемъ и тѣмъ, что было съ тобой сейчасъ. Ты назвалъ себя счастливѣйшимъ, а теперь плачешь».—«Грустно мнѣ стало», отвѣтилъ царь, «когда я подумалъ, какъ коротка человѣческая жизнь—если изъ всей этой массы людей черезъ сто лѣтъ ни одного не будетъ въ живыхъ».

Приготовившись къ переправѣ, персы выжидали желаннаго восхода солнца, возжигая на мостахъ всякаго рода благовонія и усыпая дорогу миртомъ. Когда солнце взошло, Ксерксъ, совершая въ море возліяніе изъ золотого кубка, молился передъ солнцемъ о томъ, чтобы съ нимъ не случилось какой бѣды, которая могла бы остановить покореніе Европы, прежде чѣмъ онъ достигнетъ ея предѣловъ. Совершивъ молитву, онъ бросилъ въ Геллеспонтъ клубокъ, золотую чашу и персидскій мечъ, который называется у персовъ акинакесъ. Не могу рѣшить въ точности, солнцу ли онъ посвящалъ эти предметы, опущенные въ море, или это онъ приносилъ дары морю, раскаявшись въ томъ, что бичевалъ Геллеспонтъ.

Когда онъ кончилъ, пѣхота и вся конница стала переправляться по одному изъ мостовъ—тому, который ближе къ Понту; по другому, ближайшему къ Эгейскому морю, шелъ вьючный скотъ и прислуга. Впереди всѣхъ были 10.000 персовъ, всѣ съ вѣнками на головахъ; за ними смѣшанное войско изъ разныхъ народностей. Они шли весь этотъ день. На слѣдующій день первыми перешли всадники и воины съ перевернутыми внизъ копьями,—эти были тоже въ вѣнкахъ; за ними слѣдовали священные кони и священная колесница, далѣе—самъ Ксерксъ, копьеносцы, тысяча всадниковъ и затѣмъ остальное войско. Одновременно съ этимъ переправились на противоположную сторону и суда. Впрочемъ я слышалъ и то, что царь переправился послѣднимъ.

Переправившись въ Европу, Ксерксъ смотрѣлъ, какъ переходило его войско подъ ударами бичей. Семь дней и семь ночей шло оно, безъ малѣйшаго перерыва.

Въ Дорискѣ [1]) Ксерксъ производилъ счетъ войску. Сколько войска доставилъ каждый народъ, этого я не могу сказать въ точности: объ этомъ нѣтъ ни у кого извѣстій. Всего же сухопутнаго войска оказалось 1.700.000 человѣкъ. Сосчитали его такимъ образомъ. Собрали въ одну кучу десять тысячъ человѣкъ, сплотили ихъ какъ можно тѣснѣе и очертили снаружи кругъ; затѣмъ, распустивъ этотъ десятокъ тысячъ, по кругу провели заборъ, вышиною по грудь человѣку. Въ огороженное пространство вводили другихъ воиновъ, пока такимъ образомъ не были пересчитаны всѣ. По окончаніи счета войско распредѣлено было по народностямъ.

Когда войско было сосчитано и разставлено, Ксерксъ пожелалъ лично объѣхать его и осмотрѣть. Такъ онъ и сдѣлалъ. Проѣзжая на колесницѣ мимо каждаго отдѣльнаго народа, онъ опрашивалъ его, а писцы записывали, пока такимъ образомъ не проѣхалъ онъ изъ конца въ конецъ, мимо всей конницы и пѣхоты. Послѣ этого, когда корабли были спущены въ море, Ксерксъ сошелъ съ колесницы, сѣлъ на сидонское судно подъ золотымъ шатромъ и поплылъ вдоль линіи корабельныхъ носовъ. Каждое судно онъ спрашивалъ, какъ и при осмотрѣ сухопутнаго войска, и все велѣлъ записывать. Начальники флота отвели суда плеѳра на четыре отъ берега и поставили на якорь, повернувъ всѣ ихъ но-

1) Дорискъ лежалъ на равнинѣ у устья Гебра (нынѣшней Марицы).

сами къ сушѣ и приказавши экипажу вооружиться по военному. Царь плылъ между линіей носовъ и берегомъ и производилъ осмотръ.

Объѣхавъ флотъ и сошедши съ корабля, онъ послалъ за Демаратомъ, сыномъ Аристона, участвовавшимъ въ походѣ на Элладу. Когда тотъ пришелъ, онъ сказалъ ему: «Демаратъ! мнѣ хочется задать тебѣ одинъ вопросъ. Ты—эллинъ и, какъ я слышалъ отъ тебя и прочихъ эллиновъ, бесѣдовавшихъ со мной, происходишь изъ довольно значительнаго и могущественнаго города [1]). Такъ скажи мнѣ вотъ что: осмѣлятся ли эллины поднять на меня руку? Мнѣ думается, если бы даже они всѣ собрались со всѣми остальными обитателями запада, и тогда они не въ силахъ были бы устоять противъ меня, разъ они въ раздорѣ между собою. Каково твое мнѣніе объ этомъ предметѣ?». Такой вопросъ задалъ царь. Демаратъ отвѣтилъ: «Царь! правду сказать тебѣ или только угодить тебѣ?»—Тотъ велѣлъ говорить правду, прибавивъ, что изъ этого не выйдетъ никакой непріятности для Демарата.

Тогда послѣдній сказалъ: «Царь! разъ ты велишь мнѣ говорить сущую правду, такъ чтобы впослѣдствіи ты не могъ уличить меня во лжи, то знай, что Эллада испоконъ вѣковъ воспитана бѣдностью; потомъ сюда присоединилась и доблесть, выработанная мудростью и твердымъ закономъ. Благодаря ей, Эллада спасаетъ себя отъ бѣдности и деспотизма. Я съ похвалой отозвался бы о всѣхъ эллинахъ, занимающихъ эти дорійскія земли, но поведу рѣчь не о всѣхъ, а только о лакедемонянахъ. Прежде всего, немыслимо, чтобы они когда либо приняли твое предложеніе, влекущее Элладу въ рабство. Далѣе, они вступятъ въ бой съ тобою даже въ томъ случаѣ, если всѣ прочіе эллины перейдутъ на твою сторону. Что касается числа ихъ, то не спрашивай, въ какомъ числѣ они способны сдѣлать это. Если ихъ въ походѣ окажется всего тысяча человѣкъ, они, все равно, будутъ сражаться съ тобой; больше ли ихъ будетъ или меньше, дѣло не измѣнится отъ этого».

Услышавъ это, Ксерксъ разсмѣялся и сказалъ: Демаратъ! что ты говоришь? тысяча человѣкъ будутъ сражаться съ та-

---

[1]) Спартанскій царь Демаратъ свергнутъ былъ съ престола своимъ соправителемъ Клеоменомъ и бѣжалъ къ Дарію. По его совѣту Дарій назначилъ себѣ преемникомъ Ксеркса.

кимъ огромнымъ войскомъ? Вотъ ты утверждаешь, что самъ былъ царемъ у этихъ людей; скажи же мнѣ: захочешь ли ты сейчасъ же вступить въ бой съ десяткомъ людей? Вѣдь, если всѣ сограждане у васъ таковы, какими ты ихъ расписываешь, то тебѣ, царю ихъ, по вашимъ же законамъ слѣдуетъ выступить противъ двойного числа противниковъ. Если каждый изъ лакедемонянъ осилитъ въ бою цѣлый десятокъ людей изъ моего войска, то ты, по-моему, долженъ одолѣть два десятка,—и тогда рѣчь твоя, дѣйствительно, окажется правдивой. Если же они по силѣ и росту въ родѣ тебя и тѣхъ эллиновъ, которые приходятъ ко мнѣ бесѣдовать, если вы только хвастаетесь, то смотри, какъ бы рѣчь твоя не оказалась пустымъ бахвальствомъ. Разсуди хорошенько: какимъ образомъ тысяча, десять тысячъ, даже пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, будучи всѣ одинаково свободны и не подчинены одному лицу, могли бы устоять противъ такого огромнаго войска? Вѣдь, если лакедемонянъ пять тысячъ, то у насъ на каждаго изъ нихъ придется больше тысячи. Если бы ими управлялъ одинъ, какъ это водится у насъ, они, изъ страха передъ нимъ, можетъ-быть, превзошли бы въ храбрости самихъ себя и пошли бы, подгоняемые бичомъ, на врага, превосходящаго ихъ численностью. Но если имъ предоставлена полная свобода, они не въ состоянiи сдѣлать ничего подобнаго. Мнѣ думается, что даже при равномъ числѣ грекамъ трудно будетъ справиться даже съ одними персами. То, о чемъ ты говоришь, бываетъ и у насъ,—не часто, правда, а лишь изрѣдка. Иные изъ моихъ персидскихъ копьеносцевъ охотно пойдутъ въ бой каждый на троихъ грековъ сразу. Ты ихъ не знаешь, поэтому и болтаешь вздоръ».

Демаратъ возразилъ: «Царь! я такъ и зналъ, что правда тебѣ будетъ не по сердцу. Но разъ ты заставилъ меня говорить сущую правду, то я и представилъ тебѣ спартанцевъ такими, каковы они въ дѣйствительности. Ты самъ отлично знаешь, какъ я даже въ теперешнемъ своемъ положенiи люблю согражданъ, которые отняли у меня царское достоинство и отцовскiя права, лишили родины, превратили въ изгнанника. Вотъ твой отецъ, принялъ меня, далъ мнѣ средства и кровъ. Здравомыслящiй человѣкъ не станетъ отталкивать отъ себя очевидное благоволенiе,—напротивъ, онъ будетъ высоко цѣнить его. Я не увѣряю, что способенъ сразиться съ десятерыми или даже съ двоими только; я не охотно вступилъ бы и въ единоборство. Однако, если бы явилась нужда,

если бы явилась важная побудительная причина—выйти на состязаніе, я съ величайшей охотой сразился бы съ однимъ изъ этихъ храбрецовъ, увѣряющихъ, что каждый изъ нихъ стоитъ троихъ эллиновъ. Точно такъ же и лакедемоняне: въ битвѣ одинъ на одинъ они никогда не уступятъ, а когда они въ сборѣ, они храбрѣе всѣхъ людей. Они свободны, но не во всемъ. И надъ ними есть владыка,—это законъ, котораго они гораздо больше боятся, чѣмъ твои подданные тебя. Поэтому они исполняютъ все, что ни повелѣлъ бы законъ, а онъ всегда требуетъ одного и того же: онъ не позволяетъ убѣгать съ поля битвы, каково бы ни было число враговъ, а велитъ, оставаясь въ строю, побѣдить или погибнуть. Если тебѣ кажется, что я говорю вздоръ, я готовъ впредь молчать, а теперь я высказался по принужденію. Пусть, царь, все будетъ по-твоему!».

Такъ отвѣчалъ Демаратъ. Ксерксъ обратилъ дѣло въ шутку, нисколько не разсердился и благосклонно отпустилъ его.

Эллада передъ походомъ Ксеркса. Хотя о походѣ Ксеркса шла молва, будто онъ направленъ противъ Аѳинъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ направленъ противъ цѣлой Эллады. Задолго узнавши объ этомъ, эллины не всѣ одинаковыми глазами смотрѣли на дѣло. Давшіе персидскому царю землю и воду держали себя смѣло въ увѣренности, что ничего дурного не потерпятъ отъ варваровъ; отказавшіе же были въ великомъ страхѣ, такъ какъ въ Элладѣ не было достаточнаго числа кораблей, чтобы выдержать нападеніе, да большинство и не желало вмѣшиваться въ войну, охотно склоняясь на сторону мидянъ.

Если бы аѳиняне, испугавшись угрожающей опасности, покинули свою землю или, оставаясь на мѣстѣ, отдались бы Ксерксу, никто не пытался бы выступить противъ царя на морѣ. А если бы никто не противосталъ ему на морѣ, на материкѣ случилось бы вотъ что. Сколько бы ни проводили стѣнъ пелопоннесцы черезъ Истмъ, лакедемоняне были бы покинуты союзниками—не самовольно, а по необходимости, потому что варварскій флотъ взялъ бы ихъ города одинъ за другимъ,—и они остались бы въ одиночку; а оставшись безъ союзниковъ, они, если бы даже совершили великія дѣла, все-таки погибли бы, хотя и славно. Не погрѣшая противъ истины, аѳинянъ можно назвать спасителями Эллады. И

дѣйствительно, на чью сторону они стали бы, та и должна была бы возобладать. Предпочтя для Эллады свободу, они возбудили мужество во всѣхъ остальныхъ эллинахъ, не перешедшихъ на сторону мидянъ, и при помощи боговъ отразили царя. Даже пришедшія изъ Дельфъ изреченія оракула, грозныя и повергавшія въ ужасъ, не убѣдили ихъ покинуть Элладу: они остались и отважились выдержать натискъ врага, напавшаго на страну.

Желая спросить оракула, они отправили было въ Дельфы пословъ. Когда, совершивъ у храма установленные обряды, послы вошли въ святилище и сѣли, пиѳія, по имени Аристоника, изрекла слѣдующее:

«Чего вы сидите, жалкіе люди? Покинь, народъ,
Дома и вершины высокія круглаго города,
На край земли скорѣе бѣги! Не уцѣлѣть
Ни главѣ, ни тѣлу, ни срединѣ его, ни концамъ:
Исчезнетъ все. Низринется пламя въ нѣдра его
И бурный Аресъ, что на сирійской мчитъ колесницѣ [1]).
Низвергнетъ онъ много твердынь,—не тронетъ лишь одного;
Палящему пламени многіе храмы безсмертныхъ предастъ:
И теперь ужъ пòтомъ они истекаютъ, въ страхѣ колеблясь,
И теперь ужъ съ высокихъ кровель струится черная кровь,
Предвѣстница бѣдъ неминучихъ. Идите же вонъ изъ храма
И душу свою въ страданіяхъ излейте».

Услышавъ это, послы аѳинянъ впали въ глубокую печаль. Видя ихъ отчаяніе по поводу предсказанной бѣды, Тимонъ, сынъ Аристобула, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Дельфахъ людей, посовѣтовалъ имъ взять масличныя вѣтви, опять пойти къ оракулу и спросить его, какъ это дѣлаютъ умоляющіе. Аѳиняне послушались и такъ обратились къ оракулу: «Изреки

---

[1]) По представленіямъ эллиновъ, Аресъ—это гигантскій герой, голосъ котораго такъ же громокъ, какъ голоса десяти тысячъ одновременно кричащихъ людей; онъ одѣтъ въ мѣдные сверкающіе доспѣхи, вооруженъ копьемъ, которое пронзаетъ щиты; онъ мчится на быстрыхъ коняхъ, влекущихъ его колесницу среди тысячи умершихъ и умирающихъ людей. Онъ вмѣшивается во всякую битву изъ-за одной свирѣпости, изъ жажды крови и рѣзни. Культъ этого свирѣпаго божества никогда не былъ особенно развитъ въ Элладѣ; художники рѣдко брали его типъ для своихъ статуй.

намъ, владыка, что-нибудь лучшее о родинѣ нашей изъ уваженія къ этимъ вѣтвямъ, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Изреки,—а то мы не уйдемъ изъ святилища и останемся здѣсь, доколь не разстанемся съ жизнью».

Во второй разъ пророчица имъ отвѣчала такъ:

«Не можетъ Паллада Зевса, Олимпа царя, умягчить:
Не внемлетъ онъ ни просьбамъ ея ни мудрымъ совѣтамъ.
Опять скажу тебѣ слово,—какъ сталь, оно крѣпко.
Пусть даже взято все будетъ, что только содержитъ въ себѣ
Гора Кекропса и Киѳерона святого долина,
Даруетъ Зевсъ деревянную Тритогенеѣ твердыню,
Чтобъ несокрушимо стояла, тебя съ дѣтьми охраняя.
И нечего ждать тебѣ, сидя спокойно, пѣшихъ полчищъ
Иль конницы, съ суши идущей. Тылъ поверни,—отступай!
Пора придетъ,—и ты еще встанешь противъ врага.
Божественный Саламинъ! погубишь ты дѣтей,
Женами рожденныхъ,—погубишь въ ту самую пору, какъ [1])
Деметра сѣять станетъ или плоды собирать».

Этотъ отвѣтъ показался посламъ болѣе милостивымъ (какъ это въ дѣйствительности и было), чѣмъ предыдущій. Записавъ его, они вернулись въ Аѳины. Когда послы объявили изреченіе передъ народомъ, то изъ множества мнѣній при разъясненіи оракула особенно выдвинулись два противоположныя. Нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ людей настаивали, будто божество хочетъ указать, что уцѣлѣетъ акрополь, такъ какъ акрополь въ Аѳинахъ въ старину былъ огороженъ терновымъ плетнемъ: выраженіе «деревянная твердыня» они относили къ этому именно палисаду. Другіе утверждали, что божество указываетъ на корабли: они совѣто-

---

[1]) Гора Кекропса—это акрополь аѳинскій: Кекропсъ считался первымъ аѳинскимъ царемъ и основателемъ Аѳинъ. Гора Киѳеронъ составляла границу между Аттикой и Беотіей.—Вѣчно юная и сильная, чистая и мудрая дѣва, Паллада-Аѳина была спеціальной богиней аѳинянъ. Въ древнѣйшія времена ей покланялись и въ Беотіи у Копайскаго озера, въ которое вливается лѣсной потокъ Тритонъ,—и называли Тритогенеей, «рожденной у Тритона», хотя она, по эллинскимъ легендамъ, вышла во всеоружіи прямо изъ головы Зевса.—Деметра («матьземля»)—богиня земледѣлія. Саламинская битва произошла какъ разъ во время сбора плодовъ, въ послѣдніе дни сентября.

вали приняться за снаряженіе кораблей, бросивъ все остальное. Ихъ однако смущали три послѣднихъ стиха въ изреченіи пиѳіи: эти стихи сбивали съ толку людей, утверждавшихъ, что подъ «деревянной твердыней» разумѣются корабли. Оффиціальные толкователи оракуловъ объясняли эти слова въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ морского сраженія у Саламина придется потерпѣть пораженіе.

Въ это время былъ среди аѳинянъ одинъ человѣкъ, лишь незадолго до того ставшій въ ряду вліятельнѣйшихъ гражданъ. Имя ему было Ѳемистоклъ, а звали его сыномъ Неокла. Онъ утверждалъ, что толкователи не все въ оракулѣ объяснили вѣрно; онъ говорилъ, что, если бы указанныя слова относились къ аѳинянамъ, то выраженія здѣсь не были бы столь мягкими; вмѣсто «божественный Саламинъ» было бы сказано: «злополучный Саламинъ», если бы дѣйствительно жителямъ предстояло погибнуть въ борьбѣ за островъ. Напротивъ того, если правильно толковать изреченіе, то выходитъ, что божество разумѣло непріятелей, а не аѳинянъ. Поэтому онъ совѣтовалъ готовиться къ сраженію на корабляхъ, такъ какъ это и есть «деревянная твердыня». Аѳиняне рѣшили послѣдовать лучше совѣту Ѳемистокла, нежели тѣхъ толкователей, которые совѣтовали не готовиться къ морской битвѣ и вообще не поднимать рукъ противъ врага, а покинуть Аттику и поселиться въ другой землѣ.

Раньше этого, къ счастью, восторжествовало и другое мнѣніе Ѳемистокла. Когда у аѳинянъ оказалось въ государственной казнѣ много денегъ, поступившихъ съ лавріонскихъ рудниковъ, они хотѣли было распредѣлить ихъ между собою по десяти драхмъ на человѣка [1]). Но Ѳемистоклъ убѣдилъ аѳинянъ отказаться отъ этого дѣлежа и на эти деньги соорудить двѣсти кораблей для войны,—онъ разумѣлъ войну съ эгинянами. Эта вспыхнувшая тогда война и спасла Элладу, принудивъ аѳинянъ стать морскимъ народомъ. Правда, корабли не были употреблены для той цѣли, съ какою были сооружены, но зато они имѣлись въ Элладѣ на случай надобности. Такимъ образомъ у аѳинянъ были уже готовые корабли, но приходилось строить еще и другіе.

---

[1]) Гора Лавріонъ, на югѣ Аттики, славилась серебряными рудниками. Ѳемистоклъ предложилъ воспользоваться деньгами, полученными за право разработки этихъ рудниковъ, открытыхъ лишь въ 484 году. Драхма—$24^1/_4$ копейки ан наши деньги; всего денегъ имѣлось около 70.000 руб.

Уяснивъ отвѣтъ оракула, они на совѣщаніи рѣшили, повинуясь божеству, всенародно, вмѣстѣ съ тѣми изъ эллиновъ, которые пожелаютъ, сѣсть на корабли и встрѣтить варвара, нападающаго на Элладу.

Наиболѣе благомыслящіе изъ эллиновъ, собравшись въ одно мѣсто, обсудивъ дѣла и давши другъ другу клятву вѣрности, рѣшили прежде всего прекратить распри и взаимныя войны; въ это время были войны и между другими городами, но самая ожесточенная велась между аѳинянами и эгинянами. Затѣмъ, узнавъ, что Ксерксъ съ войскомъ находится въ Сардахъ, они рѣшили послать въ Азію соглядатаевъ для ознакомленія съ могуществомъ царя; кромѣ того, рѣшено было послать пословъ въ Аргосъ—съ предложеніемъ союза противъ персовъ, въ Сицилію къ Гелону, на Керкиру—съ требованіемъ помощи для Эллады—и въ Критъ [1]). Все это они дѣлали для того, чтобы объединить, если можно, всѣхъ эллиновъ и дѣйствовать всѣмъ заодно, такъ какъ опасность одинаково угрожала всѣмъ эллинамъ.

Подвигъ двухъ спартанцевъ. Въ Аѳины и Спарту Ксерксъ не посылалъ глашатаевъ съ требованіемъ земли—и вотъ почему. Прежде, когда глашатаевъ послалъ съ этою цѣлью Дарій, аѳиняне бросили ихъ въ яму, а спартанцы въ колодецъ, предлагая имъ достать оттуда земли и воды для царя. Поэтому-то Ксерксъ и не посылалъ сюда вѣстниковъ. Какая бѣда постигла аѳинянъ зато, что они сдѣлали съ глашатаями, этого я сказать не могу,—развѣ что ихъ страна и городъ были разрушены; но не думаю, чтобы это случилось по этой именно причинѣ.

На лакедемонянъ же обрушился гнѣвъ Талѳибія, Агамемнонова глашатая. Въ Спартѣ есть святилище Талѳибія, есть и потомки его, по имени талѳибіады, которымъ ввѣрена почетная должность—быть, гдѣ нужно, глашатаями отъ лица Спарты [2]). Съ тѣхъ поръ спартанцы не могли добиться при

---

[1]) Гелонъ, бывшій сначала правителемъ города Гелы въ Сициліи, въ 485 г. овладѣлъ Сиракузами, перенесъ сюда свою резиденцію и въ короткое время распространилъ свою власть на большую часть Сициліи.—Керкира—древнее эллинское названіе острова Корфу, сѣвернаго изъ іоническихъ острововъ.

[2]) Гомеръ въ Иліадѣ представляетъ Талѳибія глашатаемъ Агамемнона. Въ Спартѣ и Аргосѣ были въ честь его храмы и ему здѣсь поклонялись, какъ герою.

жертвѣ благопріятныхъ знаменій, и это продолжалось долгое время. Такъ какъ они этимъ огорчались, считали это за несчастіе и, не разъ созывая народное собраніе, кликали кличъ, не желаетъ ли кто изъ лакедемонянъ умереть за Спарту, то спартанцы Сперѳій, сынъ Анериста, и Булисъ, сынъ Николая, люди знатные и занимавшіе первое мѣсто по своему богатству, вызвались добровольно пострадать у Ксеркса за умерщвленіе въ Спартѣ вѣстниковъ Дарія. Такимъ образомъ спартанцы отправили ихъ къ мидянамъ на вѣрную смерть.

Достойна удивленія отвага этихъ людей, какъ и нижеслѣдующая рѣчь ихъ. На пути въ Сузу, они прибыли къ Гидарну. Гидарнъ, родомъ персъ, начальникъ войскъ, расположенныхъ по азіатскому побережью, радушно принялъ ихъ и угостилъ. За столомъ онъ спросилъ ихъ: «Отчего это, лакедемоняне, вы не хотите стать друзьями царя? Вѣдь вы же видите, что царь умѣетъ цѣнить доблестныхъ людей: вамъ стоитъ для этого взглянуть на меня и мое положеніе. То же будетъ и съ вами, если вы подчинитесь царю. Онъ считаетъ васъ людьми доблестными,—и каждый изъ васъ станетъ владыкой надъ какой-нибудь эллинской страной, которою наградитъ его царь».— «Гидарнъ!» отвѣчали спартанцы, «совѣтъ твой, поскольку онъ касается насъ, одностороненъ. Ты испыталъ одну сторону дѣла и не знаешь другой. Рабомъ быть ты отлично умѣешь, а свободы ты не испробовалъ и не знаешь, сладка она или нѣтъ. Если бы ты вкусилъ ея, ты посовѣтовалъ бы намъ биться за нее не то что копьями, а даже дрекольемъ.

Такой отвѣтъ они дали Гидарну. Прибывъ въ Сузу, они предстали предъ лицо царя. Когда тѣлохранители приказывали и силой заставляли ихъ пасть ницъ передъ царемъ, они заявили, что ни въ какомъ случаѣ этого не сдѣлаютъ—пусть ихъ хоть въ голову толкаютъ: не въ обычаѣ де у нихъ молиться человѣку, да и не затѣмъ они пришли. Настоявъ на своемъ, они повели потомъ такого рода рѣчь: «Царь мидянъ! лакедемоняне прислали насъ взамѣнъ вѣстниковъ, погибшихъ въ Спартѣ, чтобы мы искупили вину». Ксерксъ по своему великодушію отвѣчалъ на это, что онъ не уподобится лакедемонянамъ. Тѣ, умертвивъ глашатаевъ, нарушили этимъ право, признанное всѣми людьми, а онъ не сдѣлаетъ того, въ чемъ упрекаетъ ихъ,— не предастъ смерти вѣстниковъ и не избавитъ лакедемонянъ отъ вины. Тѣмъ не менѣе гнѣвъ Талѳи-

бія вскорѣ прекратился, хотя спартанцы и не довели дѣла до конца и хотя Сперѳій и Булисъ вернулись назадъ.

Битва при Ѳермопилахъ. Пройдя Ѳессалію, Ксерксъ расположился лагеремъ въ трахинской области въ Малидѣ, а греки въ проходѣ. Мѣстность эта у большинства грековъ называется Ѳермопилами («теплыми воротами»), у туземцевъ же и у сосѣдей—просто Пилами («воротами»).

У каждаго греческаго отряда были свои военачальники—по городамъ; но наибольшимъ значеніемъ пользовался Леонидъ, сынъ Льва, стоявшій во главѣ всего войска.

Леонида съ отрядомъ спартанцы отправили напередъ, чтобы побудить этимъ остальныхъ союзниковъ выступать въ походъ, а не переходить на сторону персовъ, въ виду медлительности самихъ спартанцевъ. Двинуться со всѣми силами мѣшало имъ карнейское празднество. Послѣ празднества они разсчитывали сейчасъ же выступить, оставивъ въ Спартѣ лишь гарнизонъ. Такой же планъ былъ и у прочихъ союзниковъ, потому что какъ разъ въ это время и у нихъ былъ олимпійскій праздникъ. Такимъ образомъ, не ожидая, что борьба при Ѳермопилахъ начнется такъ скоро, они посылали туда лишь передовые отряды.

Межъ тѣмъ стоявшіе у Ѳермопилъ эллины объяты были ужасомъ при приближеніи персовъ къ проходу и держали совѣтъ насчетъ отступленія. Пелопоннесцы хотѣли вернуться въ Пелопоннесъ, чтобы охранять Истмъ. Но Леонидъ, видя,

---

[1]) Южная часть Ѳессаліи, у Малійскаго залива, называлась Малидою. Въ Малидѣ на склонахъ горнаго кряжа Эты, передъ Ѳермопилами, лежалъ старинный ѳессалійскій городъ Трахинъ. Отдѣлившись отъ Пинда, хребетъ Эта тянется на востокъ къ Малійскому заливу и здѣсь подходитъ къ самому морю, оставляя лишь узкую полосу земли, извѣстную подъ именемъ Ѳермопильскаго прохода: это—узкая и длинная береговая дорога, сжатая между нависшими скалами и моремъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ могла, по словамъ Геродота, проѣхать только одна телѣга. Нынѣ мѣстность эта значительно измѣнилась вслѣдствіе наносовъ горной рѣчки Спирхея, которая теперь называется Элладой: у морского берега образовалось топкое болото; но дорога, идущая подъ горою и нынѣ такъ узка, что по ней едва могутъ ѣхать рядомъ двое верховыхъ. Названіе свое проходъ получилъ отъ лежащихъ по близости теплыхъ ключей. Нынѣ вода ихъ (52^0 по Реомюру) имѣетъ тяжелый сѣрный запахъ и даетъ много минеральныхъ осадковъ. Уже въ древности водою этихъ источниковъ пользовались съ лѣчебною цѣлью и спускали ее для этого въ особые бассейны.

что фокеяне и локры [1]) съ негодованіемъ отвергаютъ это предложеніе, рѣшилъ оставаться на мѣстѣ и послать въ города гонцовъ за помощью, такъ какъ ихъ самихъ было слишкомъ мало для отраженія мидійскихъ полчищъ.

Пока они совѣщались, Ксерксъ послалъ коннаго лазутчика посмотрѣть, сколько здѣсь стоитъ враговъ и что они дѣлаютъ. Онъ еще въ Ѳессаліи слышалъ, что войско собралось здѣсь небольшое и что во главѣ его стоятъ лакедемоняне съ царемъ своимъ Леонидомъ, ведущимъ родъ отъ Геракла. Всадникъ подъѣхалъ къ лагерю, все высматривалъ, но видѣлъ не все войско: воиновъ, находившихся за стѣною, которую греки построили и охраняли стражею, нельзя было видѣть. Онъ замѣтилъ только тѣхъ, которые стояли станомъ снаружи, передъ стѣною; а снаружи въ это время стояли лакедемоняне. Онъ видѣлъ, что одни изъ нихъ заняты гимнастикой, другіе расчесываютъ себѣ волосы. Съ изумленіемъ онъ разсматривалъ ихъ и замѣчалъ, сколько ихъ тутъ. Разузнавъ все въ точности, онъ спокойно поѣхалъ назадъ. Никто его не преслѣдовалъ и не обращалъ на него никакого вниманія. Вернувшись, онъ разсказалъ Ксерксу все, что видѣлъ.

Слушая разсказъ, Ксерксъ не могъ понять дѣйствительной причины этого; онъ не могъ понять, что это эллины приготовляются умереть, истребивъ какъ можно больше враговъ. Ему казалось смѣшнымъ такое поведеніе врага, и онъ послалъ за Демаратомъ, сыномъ Аристона, находившимся въ лагерѣ. Тотъ явился, и царь подробно разспрашивалъ его о всемъ, желая уяснить себя образъ дѣйствій лакедемонянъ.—«Ты ужъ и прежде», сказалъ Демаратъ, «когда мы выступали въ походъ на Элладу, слышалъ отъ меня объ этихъ людяхъ. Ты осмѣялъ меня, когда я говорилъ тебѣ, какъ по-моему, должны были сложиться обстоятельства. Говорить правду тебѣ—не легкая задача. Однако выслушай ее и теперь. Люди эти пришли сражаться съ нами за проходъ: это они готовятся къ бою. Таковъ ужъ у нихъ обычай: когда имъ предстоитъ рисковать жизнью, они убираютъ себѣ голову. Знай же, что, если ты покоришь этихъ людей—а равно и тѣхъ, которые остаются еще въ Спартѣ,—то ни одинъ

---

[1]) Въ случаѣ отступленія эллиновъ къ Истму Фокида и страна локровъ опунтскихъ, жившихъ по сосѣдству съ Ѳермопилами, оставалась бы беззащитною.

ужъ народъ въ свѣтѣ не осмѣлится поднять на тебя руку; ибо ты идешь теперь противъ самаго доблестнаго въ Элладѣ государства и самыхъ доблестныхъ людей». Слова эти казались Ксерксу не заслуживающими вѣры, и онъ снова спросилъ, какимъ это образомъ столь малочисленное войско станетъ сражаться съ его полчищами. Демаратъ отвѣтилъ: «Царь! поступи со мной, какъ съ лжецомъ, если все это не выйдетъ такъ, какъ я тебѣ говорю». Но онъ не убѣдилъ царя этими словами.

Четыре дня прождалъ Ксерксъ, все время надѣясь, что греки пустятся въ бѣгство. На пятый день, когда тѣ не уходили и держались на мѣстѣ по своей наглости и безразсудству, какъ онъ думалъ, онъ въ гнѣвѣ посылаетъ на нихъ мидянъ и киссіянъ [1]) съ повелѣніемъ привести ихъ живыми предъ царскія очи. Мидяне стремительно напали на грековъ. Многіе погибали, ихъ мѣсто заступали другіе; мидяне не отступали, хотя и терпѣли сильный уронъ. Всякому ясно было и не менѣе другихъ царю, что у него много люду, но мало мужей. Цѣлый день шла битва.

Жестоко принятые греками, мидяне наконецъ отступили; на мѣсто ихъ прибыли персы, которыхъ царь называлъ «безсмертными»,—подъ командой Гидарна; они, по-видимому, легко должны были одолѣть. Но когда они столкнулись въ бою съ эллинами, они имѣли не больше успѣха, чѣмъ мидійское войско, такъ какъ сражаться приходилось въ узкомъ мѣстѣ, копья у нихъ были короче, чѣмъ у эллиновъ, и они не могли воспользоваться своею численностью. Лакедемоняне сражались замѣчательно: видно было, что это воины, отлично умѣющіе сражаться, среди неумѣющихъ. Не разъ они обращали тылъ и какъ будто убѣгали кучею. При видѣ бѣгства, варвары съ крикомъ и шумомъ пускались въ погоню; но тѣ, уже настигаемые врагомъ, вдругъ оборачивались лицомъ къ нему, отражали напоръ и истребляли персовъ въ несмѣтномъ количествѣ. Пали тутъ и нѣкоторые изъ спартанцевъ. Не будучи въ состояніи овладѣть проходомъ, хотя нападеніе производилось и отдѣльными отрядами и всякими другими способами, персы отступили.

Во время этихъ стычекъ царь, смотрѣвшій битву, три раза, говорятъ, сбѣгалъ съ трона, въ страхѣ за свое войско.

---

[1]) Киссія—плодородная область персидской монархіи, на востокѣ отъ рѣки Тигра.

Таковъ былъ исходъ борьбы въ первый день. На слѣдующій день варвары сражались нисколько не лучше. Надѣясь, что эллины, при своей малочисленности, безъ труда будутъ переранены и лишены возможности сопротивляться, варвары рвались въ битву. Но эллины распредѣлены были по отрядамъ и народностямъ и сражались по очереди; за исключеніемъ фокеянъ, которые отряжены были на гору для охраны тропинки. Видя, что и въ этотъ день происходитъ то же, что наканунѣ, персы опять отступили.

Когда царь былъ въ затрудненіи, какъ выйти изъ этого положенія, къ нему явился маліянинъ Эфіальтъ, сынъ Эвридема, разсчитывая получить отъ царя какую-нибудь большую награду. Онъ разсказалъ о тропинкѣ, ведущей черезъ гору къ Ѳермопиламъ, и такимъ образомъ погубилъ стоявшихъ здѣсь эллиновъ.

Ксерксъ съ большой радостью принялъ предложеніе Эфіальта и тотчасъ же послалъ туда Гидарна съ отрядомъ. Въ сумерки, когда пришло время зажигать огни, Гидарнъ тронулся въ путь.

Переправившись черезъ Асопъ, персы цѣлую ночь шли по указанной Эфіальтомъ тропѣ между Этой справа и Трахинскими высотами слѣва [1]. На зарѣ они достигли уже вершины горы. Здѣсь стояла на стражѣ тысяча фокейскихъ гоплитовъ [2], защищавшихъ свою страну и охранявшихъ тропинку.

Персы поднялись незамѣченными, такъ какъ вся гора покрыта дубовымъ лѣсомъ. Въ воздухѣ стояла тишь; но лежавшіе подъ ногами листья произвели, какъ и слѣдовало ожидать, сильный шумъ. Фокеяне вскочили, бросились къ оружію,—а варвары уже лицомъ къ лицу. Увидѣвъ вооруженныхъ людей, персы изумились: они разсчитывали не встрѣтить никакого препятствія, а межъ тѣмъ наткнулись на войско. Принявши фокеянъ за лакедемонянъ, перепугавшійся Гидарнъ спросилъ Эфіальта, что это за войско; получивъ от-

---

[1] Асопъ—горный потокъ, впадавшій въ море у западнаго выхода изъ Ѳермопилъ, со стороны Ѳессаліи. Тропинка поднималась по правому берегу Асопа, вырывающагося изъ горнаго ущелья между Этой и ближайшимъ къ заливу и проходу отрогомъ Эты—Трахинскими высотами; затѣмъ тропинка поворачивала по горному кряжу на востокъ и спускалась къ морю, по другую сторону Ѳермопилъ.

[2] Гоплиты—тяжело-вооруженные воины, носившіе копье, мечъ, щитъ, панцырь, шлемъ и набедренники.

вѣтъ, онъ построилъ персовъ въ боевой порядокъ. Осыпанные тучею стрѣлъ, фокеяне пустились бѣгомъ на самый верхъ горы, думая, что персы противъ нихъ именно и выступили. Они готовились уже къ гибели. Но персы, съ Гидарномъ и Эфіальтомъ во главѣ, оставили ихъ безъ всякаго вниманія и поспѣшно стали спускаться съ горы.

Въ лагерѣ же грековъ, стоявшихъ въ Ѳермопилахъ, прежде всего гадатель Мегистій, осмотрѣвъ жертвы, объявилъ, что на зарѣ имъ предстоитъ смерть. Затѣмъ явились перебѣжчики съ извѣстіемъ объ обходномъ движеніи персовъ. Объ этомъ узнали еще ночью. Наконецъ, когда уже разсвѣло, явились и развѣдчики, сбѣжавшіе съ высотъ. Эллины держали совѣтъ между собою. Мнѣнія раздѣлились. Одни не соглашались покидать стоянку, другіе были противъ этого. Послѣ этого оставалось только разойтись: одни вернулись назадъ и разсѣялись по своимъ городамъ; другіе, съ Леонидомъ во главѣ, рѣшили оставаться на мѣстѣ.

Разсказываютъ также, что Леонидъ самъ отсслалъ союзниковъ, заботясь, чтобы они не погибли, и въ то же время считая долгомъ чести для себя и спартанцевъ, бывшихъ при немъ,—не покидать поста, для защиты котораго они пришли. Я склоняюсь болѣе къ тому мнѣнію, что Леонидъ потому и велѣлъ союзникамъ вернуться назадъ, что замѣтилъ ихъ малодушіе и нежеланіе подвергаться съ нимъ опасности; уходить же самому онъ считалъ постыднымъ. Если онъ останется на мѣстѣ,—думалъ онъ,—ему выпадетъ на долю великая слава, да и благоденствіе Спарты увеличится. Дѣло въ томъ, что, когда спартанцы въ самомъ началѣ войны обращались къ оракулу, пиѳія отвѣтила имъ, что или Лакедемонъ будетъ низвергнутъ варварами или у нихъ погибнетъ царь. Она дала имъ такой отвѣтъ въ шестистопныхъ стихахъ:

О, граждане Спарты обширной! Или скоро падетъ
Вашъ городъ, великій и славный, отъ рукъ мужей персидовъ [1]);
Иль стогны Лакедемона воплемъ огласятся,
О смерти услышавъ царя, потомка Гераклова рода.
Не отразитъ врага въ бою ни сила льва
Ни ярая сила быковъ; ибо Зевсова мощь у него.
И не смирится онъ, пока не пожретъ цѣликомъ
Добычи своей.

---

[1]) Основываясь на сходствѣ именъ, эллины считали персовъ потомками легендарнаго героя Персея, побѣдителя чудовищной Медузы.

Обдумывая это изреченіе и желая покрыть славою однихъ только спартанцевъ, Леонидъ и отослалъ союзниковъ.

Съ лакедемонянами остались одни ѳеспіяне и ѳивяне [1]). Послѣдніе оставались поневолѣ, вопреки своему желанію: Леонидъ удерживалъ ихъ въ качествѣ заложниковъ. Ѳеспіяне же остались съ величайшей охотой: они прямо отказались уйти и покинуть Леонида. Впослѣдствіи они погибли съ нимъ. Начальникомъ ихъ былъ Демофилъ, сынъ Діадрома.

Когда солнце взошло, Ксерксъ совершилъ возліяніе и, прождавъ почти до полудня, повелъ наконецъ атаку. Это сдѣлано было по указаніямъ Эфіальта; такъ какъ спускъ съ горы прямѣе и разстояніе здѣсь гораздо короче, чѣмъ это было при подъемѣ, когда шли въ обходъ. Варвары начали наступленіе. Греки съ Леонидомъ во главѣ, какъ бы идя на смерть, тоже продвинулись впередъ, гораздо дальше, чѣмъ стояли вначалѣ, въ то мѣсто, гдѣ тѣснины расширяются [2]). Въ предшествующіе дни охранялась стѣна, и лишь нѣкоторые греки выходили навстрѣчу дальше, сражаясь все таки въ тѣснинахъ; теперь стычка происходила внѣ тѣснинъ, и варвары падали въ огромномъ количествѣ. Сзади, съ бичами въ рукахъ, шли начальники отрядовъ и гнали каждаго все впередъ и впередъ. Многіе падали въ море и гибли; еще больше людей было растоптано живыми: на погибавшаго никто не обращалъ никакого вниманія. Зная, что предстоитъ гибель разъ уже врагъ обошелъ гору, эллины въ борьбѣ съ нимъ высказывали высшую степень мужества, сражаясь отчаянно и съ слѣпой отвагою.

Когда у большинства копья переломались, они стали поражать персовъ мечами. Въ этой битвѣ палъ и Леонидъ, проявившій необычайную доблесть, а съ нимъ и другіе именитые спартанцы. Я старался разузнать имена этихъ достойныхъ мужей; впрочемъ, я узналъ имена и всѣхъ трехъсотъ.

---

[1]) Жители Беотійскаго города Ѳивъ дали персамъ земли и воды въ знакъ покорности: они надѣялись съ помощью варваровъ восторжествовать надъ своими давнишними соперниками аѳинянами. Ѳеспія— Беотійскій же городъ, южнѣе Ѳивъ, у подошвы Геликона.

[2]) Ѳермопильскій проходъ представлялъ двѣ тѣснины, на востокѣ и на западѣ, лежавшія другъ отъ друга на 15 стадій: тутъ и тамъ дорога шла между нависшими скалами и топкой полосой берега; но въ промежуткѣ между этими тѣснинами скалы нѣсколько отступали отъ берега и образовывали лощину. Стѣна защищала восточный выходъ изъ Ѳермопилъ.

У персовъ тоже пало много знатныхъ людей, въ числѣ ихъ два сына Дарія. Тутъ же пали два брата Ксеркса.

Изъ-за тѣла Леонида произошла жестокая схватка между персами и лакедемонянами, пока эллины, благодаря своей храбрости, не увлекли тѣла къ себѣ; передъ этимъ они уже четыре раза обращали врага въ бѣгство. Такъ битва длилось до тѣхъ поръ, пока не явились отряды съ Эфіальтомъ. Лишь только эллины узнали о ихъ появленіи, ходъ битвы измѣнился: эллины отступили назадъ, въ тѣснину, миновали стѣну и расположились на холмѣ—всѣ вмѣстѣ, кромѣ ѳивянъ. Холмъ этотъ возвышается у входа, гдѣ теперь стоитъ каменный левъ въ честь Леонида [1]). Тутъ эллины защищались мечами (у кого они еще уцѣлѣли), руками, зубами, пока варвары не погребли ихъ подъ градомъ стрѣлъ, причемъ одни напали спереди, разрушивъ до основанія стѣну, другіе обошли со всѣхъ остальныхъ сторонъ.

Между лакедемонянами и ѳеспіянами, проявившими столько доблести, особенно прославился, говорятъ, спартанецъ Діенекъ. Передъ битвой съ мидянами одинъ изъ трахинянъ замѣтилъ, что, если варвары пустятъ стрѣлы, они закроютъ этою тучею солнце,—такъ велико у нихъ количество стрѣлъ. Слыша это, Діенекъ не смутился и, не обращая вниманія на количество враговъ, сказалъ: «Трахинскій гость приноситъ намъ хорошую вѣсть: мидяне закроютъ солнце,—тѣмъ лучше: мы будемъ сражаться въ тѣни, а не на припекѣ». Этимъ и другими подобнаго рода замѣчаніями Діенекъ, говорятъ, оставилъ по себѣ память.

Эллины погребены были на томъ мѣстѣ, гдѣ пали. Надъ ними, а равно и надъ тѣми, которые погибли раньше, до отправленія Леонидомъ союзниковъ, была вырѣзана надпись, гласившая:

«Съ тремя стами миріадъ бились здѣсь четыре
тысячи пелопоннесцевъ».

Эта надпись была надъ всѣми павшими; надъ спартанцами же было особо написано:

«Возвѣсти, гость, лакедемонянамъ, что мы полегли здѣсь, повинуясь ихъ законамъ».

На могилѣ гадателя написано:

«Мегистій славный здѣсь лежитъ. Отъ рукъ
Онъ мидянъ палъ, рѣку Сперхей перешедшихъ.
Провидѣлъ гадатель бѣду неминучую,

---

[1]) Нынѣ здѣсь стоитъ зданіе таможни.

Но не хотѣлъ онъ покинуть Спарты вождей».

Двумя первыми надписями на столбахъ почтили павшихъ амфиктіоны [1]); надпись же надъ гадателемъ Мегистіемъ поставилъ Леонидъ, сынъ Леопрепа, по дружбѣ съ нимъ.

Битва при Саламинѣ. По просьбѣ аѳинянъ, союзный эллинскій флотъ, отплывъ отъ Артемизія, присталъ къ Саламину [2]). А просили объ этомъ аѳиняне для того, чтобы имѣть возможность вывести изъ Аттики дѣтей и женщинъ, а затѣмъ обсудить, что имъ дѣлать. Имъ хотѣлось посовѣтоваться о настоящемъ положеніи дѣлъ, такъ какъ они обманулись въ расчетахъ. Они полагали, что пелопоннесцы со всѣми своими силами будутъ ожидать варваровъ въ Беотіи, но ничего подобнаго не оказалось: напротивъ, они узнали, что тѣ укрѣпляютъ стѣною Истмъ, думая больше всего о томъ, какъ бы спасти и охранить Пелопоннесъ, и не заботясь объ остальной Элладѣ. Получивъ это извѣстіе, они и попросили союзниковъ пристать къ Саламину.

Межъ тѣмъ какъ остальной флотъ сталъ на якорѣ у Саламина, сами аѳиняне возвратились къ себѣ. Тотчасъ же по прибытіи они кликнули кличъ, чтобы каждый спасалъ дѣтей и домашнихъ, куда можетъ. Большинство отправило ихъ въ Трэзенъ, иные въ Эгину или Саламинъ [3]). Всѣ поспѣшили убраться изъ Аттики, желая исполнить повелѣніе оракула, а больше всего вотъ почему. Аѳиняне разсказываютъ, будто у нихъ въ храмѣ живетъ большая змѣя, охранительница акрополя. Мало того, они при каждомъ новолуніи предлагаютъ

---

[1]) Амфиктіонами назывались члены союза, объединившагося вокругъ какого-нибудь святилища для защиты его отъ враговъ и совмѣстнаго отправленія празднествъ. Самой большой и знаменитой была дельфійско-ѳермопильская амфиктіонія, къ которой принадлежало 12 сосѣднихъ племенъ. Она завѣдывала дельфійскимъ храмомъ и устраивала пиѳійскія игры. Каждое племя, входившее въ составъ союза, давало клятву не разрушать другихъ городовъ союза и не преграждать годныхъ для питья водъ ни во время міра, ни во время войны.

[2]) Артемизій—мысъ на сѣверномъ концѣ острова Эвбеи съ храмомъ Артемиды. Здѣсь только что произошло морское сраженіе эллиновъ съ персами. Битва была нерѣшительной; а когда получено было извѣстіе, что персы овладѣли Ѳермопилами, эллинскій флотъ рѣшилъ отступить, чтобы не подвергнуться новому нападенію.

[3]) Саламинъ лежитъ въ Сароническомъ заливѣ противъ самыхъ Аѳинъ; островъ Эгина—нѣсколько южнѣе, городъ Трэзенъ еще южнѣе, а берегу въ Арголидѣ.

ей жертвы, какъ будто она дѣйствительно тамъ находится; жертва состоитъ изъ медовой лепешки. Въ прежнія времена лепешка всегда съѣдалась. теперь же оказалась нетронутой. Когда жрица объявила объ этомъ, аѳиняне тѣмъ скорѣе и охотнѣе покинули городъ, что и богиня тоже оставила акрополь. Припрятавъ все, аѳиняне вернулись къ флоту союзниковъ [1]).

Всего у Саламина собралось 378 кораблей, не считая пятидесятивесельныхъ судовъ. Собравшіеся вожди устроили совѣщаніе. Эврибіадъ предложилъ каждому желающему высказать свое мнѣніе по поводу того, гдѣ удобнѣе всего дать морское сраженіе—въ предѣлахъ той области, которая пока еще въ рукахъ грековъ: Аттику уже не считали, рѣчь шла объ остальныхъ земляхъ. Большинство высказывалось за то, чтобы плыть къ Истму и дать битву передъ Пелопоннесомъ, исходя изъ того соображенія, что, если греки будутъ побѣждены въ морскомъ сраженіи, то, оставаясь при Саламинѣ, они очутятся въ осадѣ на островѣ, куда никто не явится къ нимъ на помощь, тогда какъ у Истма они могли бы укрыться къ своимъ.

Пока пелопоннескіе вожди обсуждали этотъ вопросъ, является одинъ аѳинянинъ съ извѣстіемъ, что варвары добрались до Аттики и предаютъ всю ее пламени. И дѣйствительно. персидское войско, направившееся черезъ Беотію, съ Ксерксомъ во главѣ, сожгло Ѳеспію, жители которой удалились въ Пелопоннесъ, затѣмъ Платеи и проникло до Аѳинъ, опустошая все на пути

Начавши движеніе отъ Геллеспонта, варвары мѣсяцъ пробыли у этого пролива (считая въ томъ числѣ и время самой переправы), а въ три слѣдующіе мѣсяца дошли уже до Аттики. Это было во время архонства Калліада [2]). Они взяли городъ, оказавшійся пустымъ. Кое-кого лишь изъ аѳинянъ они нашли въ храмѣ храмовыхъ казначеевъ и разныхъ бѣдняковъ, которые загородили входъ въ акрополь досками и брев-

---

[1]) Въ акрополѣ стоялъ знаменитый храмъ Эрехтейонъ, сооруженный въ честь трехъ главныхъ покровителей Аѳинъ: Аѳины-Поліады («покровительницы мирной жизни городовъ»), древняго героя Эрехтея, перваго царя Аттики, и Посейдона. По народнымъ вѣрованіямъ, которыхъ Геродотъ не раздѣляетъ, въ храмѣ продолжалъ жить Эрехтей въ образѣ змѣи: ему Аѳина поручила охранять страну.

[2]) Годы у аѳинянъ обозначались именами перваго архонта. Это былъ 480-й годъ до Р. Х.

нами и отражали наступающаго врага. Они не ушли на Саламинъ по своей бѣдности; къ тому же они были увѣрены, что только они одни разгадали смыслъ изреченія, даннаго пиѳіей, и гласившаго, что неодолимой твердыней будетъ деревянная стѣна: они вообразили, что это и есть указанное оракуломъ убѣжище, а вовсе не корабли.

Персы засѣли напротивъ акрополя, на холмѣ, который аѳиняне называютъ Аресовымъ [1]), и стали осаждать акрополь. Обвернувъ стрѣлы паклею, они зажигали ихъ и пускали въ укрѣпленіе. Осажденные аѳиняне, хотя доведены были до послѣдней крайности и хотя укрѣпленіе не давало уже прикрытія, продолжали защищаться и не соглашались на предложеніе пизистратидовъ, совѣтовавшихъ сдаться. Пользуясь всякими средствами защиты, они, между прочимъ, спускали на варваровъ огромные камни, когда тѣ подходили къ воротамъ. Ксерксъ, не будучи въ состояніи захватить ихъ, долгое время совершенно не зналъ, что дѣлать.

Наконецъ, послѣ столькихъ затрудненій, варварамъ представилась нѣкоторая возможность проникнуть въ акрополь, ибо всей Аттикѣ все-таки въ концѣ концовъ суждено было, согласно изреченію оракула, попасть въ руки персовъ. За акрополемъ, на противоположной сторонѣ отъ воротъ и подъема въ него, было мѣсто, гдѣ никто не сторожилъ,— были увѣрены, что здѣсь не взберется ни одинъ человѣкъ. Вотъ тутъ-то, подлѣ святилища Кекропсовой дочери Аглавры [2]), по отвѣсной крутизнѣ, и взобрались нѣкоторые варвары. Увидѣвъ, какъ они влѣзли на акрополь, аѳиняне одни бросились со стѣны внизъ и погибли, другіе бѣжали внутрь храма. Персы же прежде всего устремились къ воротамъ храма, отворили ихъ и перебили всѣхъ искавшихъ у богини убѣжища. Раздѣлавшись съ ними, они ограбили храмъ и сожгли весь акрополь

Завладѣвши совершенно Аѳинами, Ксерксъ послалъ въ Сузы коннаго вѣстника сообщить Артабану о своихъ успѣ-

---

[1]) На этомъ холмѣ происходили засѣданія древнѣйшаго аѳинскаго судилища—ареопага.

[2]) По эллинскимъ легендамъ, Аѳина дала дочерямъ Кекропса на сохраненіе малютку-Эрехтея, спрятавъ его въ ящикъ и запретивъ открывать этотъ ящикъ. Аглавра не послушалась и, открывъ его, увидѣла въ немъ младенца, обвитаго змѣею. Обезумѣвъ отъ ужаса, она бросилась съ крутизны акрополя и погибла; въ воспоминаніе этого событія одна изъ пещеръ у подошвы акрополя посвящена была Аглаврѣ.

хахъ. На другой день послѣ отъѣзда вѣстника онъ созвалъ аѳинскихъ изгнанниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ, и велѣлъ имъ взойти на акрополь и принести жертвы по ихъ обряду. А велѣлъ онъ это или потому, что видѣлъ какой-нибудь сонъ, или потому, что его мучила совѣсть послѣ сожженія храма. Аѳинскіе изгнанники исполнили повелѣніе Ксеркса.

Объ этомъ фактѣ я упомянулъ вотъ почему. Въ акрополѣ есть храмъ Эрехтея, котораго считаютъ сыномъ земли; а въ этомъ храмѣ—маслина и источникъ морской воды, которые, по разсказамъ аѳинянъ, были выставлены Посейдономъ и Аѳиною въ качествѣ доказательства при ихъ спорѣ изъ за обладанія этою страною [1]). Дерево это погибло при пожарѣ вмѣстѣ съ самимъ храмомъ. Но на другой день послѣ пожара, когда аѳиняне, получившіе отъ царя повелѣніе принести жертву, вошли въ храмъ, они увидѣли, что стволъ маслины далъ побѣгъ, почти въ локоть длиною. Обо всемъ этомъ они и разсказали.

При извѣстіи о томъ, что случилось съ акрополемъ, стоявшіе у Саламина эллины пришли въ такое смятеніе, что нѣкоторые изъ вождей, не дождавшись рѣшенія поставленнаго вопроса, бросились на корабли и подняли паруса съ цѣлью бѣжать. Оставшіеся же на совѣтѣ рѣшили дать морское сраженіе передъ Истмомъ. Наступила ночь, и всѣ разошлись изъ собранія по своимъ кораблямъ.

Когда Ѳемистоклъ вернулся на корабль, аѳинянинъ Мнезифилъ спросилъ у него, что рѣшено на совѣтѣ. Узнавши отъ него, что рѣшено плыть къ Истму и дать сраженіе на морѣ передъ Пелопоннесомъ, онъ сказалъ: «Не придется тебѣ сразиться на морѣ за единое наше отечество, если эллины уплывутъ отъ Саламина. Они разойдутся каждый въ свой городъ. Ни Эврибіадъ ни кто либо иной изъ смертныхъ не сможетъ удержать ихъ; войско разбредется, и погибнетъ Эллада по неразумію вождей. Иди же и постарайся разстроить рѣшеніе, если есть еще средства; попытайся, нельзя ли какъ-нибудь разубѣдить Эврибіада, чтобы онъ перемѣнилъ рѣшеніе и оставался здѣсь».

[1]) Посейдонъ, владыка морей, спорилъ съ Аѳиною, въ честь кого назвать вновь основанную столицу и кому управлять Аттикой. Рѣшено было отдать перевѣсъ тому, кто создастъ лучшее произведеніе. Посейдонъ извлекъ трезубцемъ морскую воду изъ скалы акрополя (по другому преданію, создалъ коня); Аѳина произвела маслину. Эрехтей, бывшій третейскимъ судьею, присудилъ побѣду Аѳинѣ.

Предложеніе это очень понравилось Ѳемистоклу. Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, онъ направился къ кораблю Эврибіада. Подплывши къ нему, онъ заявилъ, что хочетъ переговорить объ одномъ важномъ для всѣхъ дѣлѣ. Тотъ просилъ его взойти на корабль и сказать, что ему нужно. Тогда Ѳемистоклъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и сталъ излагать ему мнѣніе Мнезифила, какъ свое собственное, добавляя къ этому и много другихъ доводовъ, пока не упросилъ Эврибіада сойти съ корабля и снова созвать вождей на сходку.

Вожди собрались. Прежде чѣмъ Эврибіадъ открылъ совѣщаніе, Ѳемистоклъ повелъ длинную рѣчь, произнесенную съ большимъ убѣжденіемъ. Его перебилъ было коринѳскій вождь Адимантъ, замѣтившій: «Ѳемистоклъ! вѣдь на состязаніяхъ, кто раньше тронется съ мѣста, тѣхъ бьютъ».

— «Но зато отставшій не получитъ вѣнка», возразилъ тотъ въ свое оправданіе.

Скромно отвѣтилъ онъ коринѳянину, да и передъ Эврибіадомъ онъ не повторялъ уже своихъ прежнихъ доводовъ— что союзники разбѣгутся, если отплывутъ отъ Саламина: въ присутствіи союзниковъ было бы съ его стороны неумѣстно обвинять ихъ. Онъ пустилъ въ дѣло другіе доводы и говорилъ такъ: «Въ твоей власти спасти Элладу, если ты, послушавшись меня, останешься здѣсь и дашь битву, а не направишься къ Истму, какъ уговариваютъ тебя эти люди. Выслушай и сравни то и другое предложеніе. У Истма придется сражаться въ открытомъ морѣ, а это для насъ совершенно невыгодно: корабли у насъ тяжелѣе на ходу и ихъ меньше числомъ. Даже если въ остальномъ мы будемъ имѣть успѣхъ, ты потеряешь Саламинъ, Мегару, Эгину. Вѣдь за непріятельскимъ флотомъ будетъ слѣдовать и пѣшее войско: такимъ образомъ ты самъ поведешь врага на Пелопоннесъ и подвергнешь опасности цѣлую Элладу. Если же ты сдѣлаешь, что я говорю, то смотри, сколько будетъ выгодъ. Прежде всего, если съ немногими судами мы въ узкомъ мѣстѣ будемъ сражаться противъ цѣлой массы судовъ, то мы, если не будетъ никакихъ неожиданностей, окажемся гораздо сильнѣе,—вѣдь узкое мѣсто на руку намъ, широкое на руку имъ. Далѣе, уцѣлѣетъ Саламинъ, гдѣ спрятаны у насъ дѣти и женщины. Наконецъ, здѣсь на лицо и та выгода, о которой вы больше всего заботитесь. Оставаясь здѣсь, ты будешь сражаться за Пелопоннесъ, все равно, какъ и при Истмѣ; да и врага ты не поведешь на Пелопоннесъ, разъ останешься

благоразумнымъ. Если надежды мои оправдаются и мы побѣдимъ съ своими кораблями, то варвары уже не явятся къ вамъ на Истмъ и не пойдутъ дальше Аттики; они отступятъ въ полномъ безпорядкѣ, а мы выиграемъ тѣмъ, что у насъ останется Мегара, Эгина и Саламинъ, у котораго мы и по оракулу должны одолѣть врага. Да и вообще, когда люди задумываютъ разумное, они имѣютъ успѣхъ; а когда замышляютъ что-нибудь несообразное, то и у божества нѣтъ желанія содѣйствовать людскимъ планамъ».

Такъ говорилъ Ѳемистоклъ, но коринѳянинъ Адамантъ снова сталъ нападать на него; онъ совѣтовалъ ему молчать, разъ у него нѣтъ родины, и не позволялъ Эврибіаду пускать на голоса мнѣніе бездомнаго человѣка: пусть Ѳемистоклъ укажетъ свой городъ, и тогда только пусть подаетъ свое мнѣніе. А выставлялъ все это на видъ Адамантъ потому, что Аѳины были уже взяты и находились въ рукахъ врага. Въ отвѣтъ на это Ѳемистоклъ наговорилъ ему и коринѳянамъ много жестокаго; онъ доказывалъ, что у аѳинянъ и городъ сильнѣе, чѣмъ у тѣхъ, и земли больше, такъ какъ они могли снарядить цѣлыхъ двѣсти кораблей; онъ утверждалъ, что нѣтъ въ Элладѣ народа, который былъ бы въ состояніи отразить ихъ нападеніе.

Указывая все это, Ѳемистоклъ подошелъ къ Эврибіаду и повелъ еще болѣе энергичную рѣчь: «Если ты останешься здѣсь, ты окажешься мужемъ доблестнымъ; не останешься—погубишь Элладу. Въ корабляхъ вся наша надежда въ эту войну. Послушайся же меня! Если не сдѣлаешь этого, мы, какъ есть теперь, такъ и отправимся, забравши домашнихъ, въ Сирисъ, въ Италію, [1]),—въ городъ, который съ давнихъ поръ принадлежитъ намъ и, по изреченію оракула, долженъ быть заселенъ нами же. Станете вспоминать мои слова, когда потеряете такихъ союзниковъ».

Эта рѣчь разубѣдила Эврибіада; а перемѣнилъ онъ мнѣніе, мнѣ кажется, больше всего потому, что опасался быть покинутымъ аѳинянами, если отойдетъ къ Истму. Уйди аѳиняне,—остальные уже не могли бы тягаться съ варварами. Потому-то онъ и принялъ предложеніе оставаться на мѣстѣ и тутъ же дать морское сраженіе.

Послѣ всѣхъ этихъ жаркихъ споровъ стоявшіе у Саламина союзники стали, согласно рѣшенію Эврибіада, гото-

---

[1]) Сирисъ—городъ при Тарентскомъ заливѣ, у устья рѣки Сириса.

виться къ битвѣ. Наступилъ день. На разсвѣтѣ произошло землетрясеніе, которое чувствовалось и на морѣ. Эллины рѣшили помолиться богамъ и призвать на помощь эакидовъ. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: помолились всѣмъ богамъ; Эанта и Теламона призвали на самомъ Саламинѣ, а за изображеніемъ Эака и прочихъ эакидовъ рѣшили послать корабль на Эгину [1]).

Персы межъ тѣмъ прибыли въ Фалеръ. Самъ Ксерксъ спустился къ кораблямъ, чтобы переговорить съ предводителями и узнать ихъ мнѣніе Ксерксъ занялъ почетное мѣсто; затѣмъ явились приглашенные имъ управители подчиненныхъ ему племенъ и командиры кораблей; они сѣли по чинамъ, которыми пожаловалъ ихъ царь; первымъ сидѣлъ сидонскій царь, за нимъ тирскій и др. Когда они усѣлись, какъ слѣдуетъ въ порядкѣ, Ксерксъ, желая испытать настроеніе, послалъ Мардонія опросить каждаго: давать ли морское сраженіе?

Мардоній обходилъ всѣхъ и задавалъ всѣмъ этотъ вопросъ, начавши съ сидонскаго царя. Всѣ высказывали одинаковое мнѣніе, предлагая дать битву; Артемизія же отвѣчала ему такъ: «Передай царю, Мардоній, что я вотъ что сказала: не очень труслива я была въ морскихъ битвахъ и не малыя дѣла совершила. Справедливость поэтому требуетъ, чтобы и я высказала передъ тобою, владыка, свое мнѣніе о томъ, что я нынѣ считаю наиболѣе выгоднымъ для твоего положенія. Вотъ мое мнѣніе: береги корабли и не затѣвай

---

[1]) Эакъ, сынъ Зевса и Эгины, за свою справедливость и благочестіе ставшій судьею въ подземномъ мірѣ, былъ родоначальникомъ цѣлаго ряда славныхъ героевъ. Къ эакидамъ («потомкамъ Эака») относятся прежде всего его сыновья: Пелей, Теламонъ и Фокъ, затѣмъ внуки: Эантъ (онъ же Аяксъ), сынъ Теламона, и др. Всѣ эти герои были покровителями Саламина и Эгины. Самое имя свое островъ Эгина получилъ, по словамъ легенды, отъ матери Эака. Эакъ былъ легендарнымъ царемъ Эгины; сынъ его Теламонъ царствовалъ на Саламинѣ; съ Саламина же прибылъ подъ Трою Эантъ, второй послѣ Ахилла боецъ въ эллинскомъ станѣ, достойный противникъ Гектора. На Саламинѣ былъ храмъ въ честь Эанта съ его статуей. Въ Элладѣ вообще культъ героевъ имѣлъ широкое распространеніе. Эллины вѣрили, что эти полубоги своими частыми появленіями выказывали глубокое сочувствіе тѣмъ людямъ, среди которыхъ они провели свою земную жизнь. Призракъ аѳинскаго героя Тезея сражался при Мараѳонѣ, призраки Эанта и Теламона сражались при Саламинѣ. Почти каждый греческій городъ имѣлъ своего особаго героя-покровителя, которому и воздавалъ особыя почести.

морской битвы. Вѣдь эти люди на морѣ настолько же сильнѣе твоихъ, насколько мужчины сильнѣе женщинъ. Что тебѣ за крайность подвергать себя опасности въ морскихъ сраженіяхъ? Развѣ не въ твоихъ-то ты рукахъ Аѳины, изъ-за которыхъ и походъ-то ты предпринялъ? развѣ не въ твоей власти и остальная Эллада? На твоемъ пути нѣтъ противника: кто противозсталъ тебѣ, того постигла заслуженная участь. Я скажу тебѣ, чѣмъ, по-моему, кончатся всѣ хлопоты враговъ. Если ты, вмѣсто того, чтобы торопиться съ морской битвой, удержишь свои корабли здѣсь, у берега, или даже подвинешься къ Пелопоннесу, тебѣ легко все удастся, что ты задумалъ, идя сюда. Неспособны эллины долго сопротивляться тебѣ: ты разсѣешь ихъ, и они разбѣгутся по своимъ городамъ. Вѣдь у нихъ здѣсь на островѣ, какъ я слышала, нѣтъ хлѣба; да и невѣроятно, чтобы прибывшіе сюда пелопоннесцы спокойно оставались здѣсь, когда ты поведешь на Пелопоннесъ свое сухопутное войско: имъ не придетъ тогда охоты сражаться за аѳинянъ. Наоборотъ, если ты поторопишься сейчасъ же дать морскую битву, то я опасаюсь, какъ бы пораженіе флота не повело за собою гибели сухопутнаго войска. Сверхъ того, обрати, царь, вниманіе и на то, что у хорошихъ господъ обыкновенно бываютъ дурные рабы, а у дурныхъ господъ хорошіе рабы. Ты— лучшій изъ людей, но у тебя есть и дурные рабы, которые считаются въ числѣ союзниковъ; это—египтяне, кипряне, киликіяне, памфиляне [1]),—народы совершенно безполезные».

Такъ говорила Артемизія Мардонію. Лица, располо-

---

[1]) Исчисляя силы Ксеркса, Геродотъ такимъ образомъ описываетъ флоты и вооруженіе упоминаемыхъ здѣсь народностей: «Всего триремъ было 1.207. Доставили ихъ слѣдующіе народы: 300 триремъ финикіяне съ палестинскими сиріянами; вооруженіе у нихъ было такое: на головахъ шлемы, устроенные почти по эллинскому образцу, на тѣлѣ льняные панцыри, въ рукахъ щиты безъ ободовъ и дротики. Египтяне доставили 200 кораблей. Они имѣли плетеные шлемы на головѣ, вогнутые щиты съ большими ободьями, копья, годныя для морского сраженія, и огромные топоры; большинство ихъ носило панцыри и вооружено было большими кинжалами. Кипряне доставили 150 кораблей; убранство у нихъ было такое: цари обертывали голову чалмой; прочіе носили хитоны; остальное было, какъ у эллиновъ. Киликіяне доставили 100 кораблей. На головахъ у нихъ были туземные шлемы; вмѣсто щитовъ у нихъ были прикрытія изъ сырой бычачьей кожи; носили они шерстяные хитоны; каждый вооруженъ былъ двумя дротиками и мечомъ, очень похожимъ на египетскіе кинжалы. Памфиляне доставили 30 кораблей и вооружены были по-эллински».

женныя къ ней, огорчались ея словами, опасаясь, какъ бы она не потерпѣла чего-нибудь отъ царя зато, что не совѣтовала сражаться на морѣ. Кто же питалъ къ ней злобу и зависть зато, что она почтена царемъ больше всѣхъ союзниковъ, тѣ радовались этому разногласію, не сомнѣваясь, что оно погубитъ ее. Мнѣнія были доложены Ксерксу. Онъ остался очень доволенъ совѣтомъ Артемизіи и, давно уже считая ее достойной женщиной, съ тѣхъ поръ сталъ еще болѣе восхвалять ее. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ послѣдовать мнѣнію большинства, полагая, что при Эвбеѣ воины его потому не исполнили долга, что тамъ не было его самого; а теперь онъ самъ собирался смотрѣть за битвой.

Данъ былъ приказъ отчалить. Корабли двинулись къ Саламину и спокойно выстроились въ боевую линію. Битву дать въ этотъ день не успѣли: наступила ночь. Стали готовиться къ слѣдующему дню. Эллинами овладѣлъ тревожный страхъ, особенно пелопоннесцами. Они боялись, что, сражаясь у Саламина за аѳинскую землю, будутъ, въ случаѣ пораженія, отрѣзаны и осаждены на островѣ, тогда какъ ихъ страна останется беззащитной.

Сухопутное войско варваровъ къ ночи двинулось на Пелопоннесъ. Впрочемъ, сдѣлано было все возможное, чтобы варвары не вторглись съ суши. Какъ только пелопоннесцы узнали о гибели отрядовъ Леонида при Ѳермопилахъ, они сбѣжались изъ своихъ городовъ къ Истму и расположились тамъ; начальствовалъ ими Клеомбротъ, сынъ Анаксандрида и братъ Леонида. Расположившись на Истмѣ, они засыпали скиронскую дорогу, а затѣмъ, согласно рѣшенію, принятому на совѣтѣ, перегородили Истмъ стѣною [1]). Дѣло быстро подвигалось впередъ, такъ какъ тамъ было много тысячъ людей и каждый работалъ. Одни сносили камни, другіе—кирпичъ, бревна, полныя корзины песку; работы ни минуты не прекращались ни днемъ ни ночью

Стоявшіе у Саламина эллины тѣмъ не менѣе были въ тревогѣ, опасаясь не столько за себя, сколько за Пелопоннесъ

---

[1]) Скиронская тропа вела отъ Мегары къ Истму по скиронскимъ скаламъ, съ которыхъ разбойникъ Скиронъ, по преданію, сбрасывалъ въ море путниковъ, пока его самого не сбросилъ Тезей. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ была сооружена стѣна, перешеекъ не шире 5 верстъ. Въ послѣдующіе вѣка стѣну не разъ возобновляли тѣ или иные народы (напр., венеціане въ 1463 г. по Р. Х.); остатки ея существуютъ и нынѣ.

нѣкоторое время они подходили одинъ къ другому и бесѣдовали втихомолку, дивясь безразсудству Эврибіада; наконецъ недовольство прорвалось наружу. Собралась сходка; тутъ много толковали все объ одномъ и томъ же; одни настаивали, что слѣдуетъ отплыть къ Пелопоннесу и за него рисковать жизнью вмѣсто того, чтобы оставаться на мѣстѣ и сражаться за страну, уже покоренную; аѳиняне же, эгиняне и мегаряне были того мнѣнія, что слѣдуетъ защищаться, оставаясь на мѣстѣ.

Когда предложеніе пелопоннесцевъ стало брать верхъ, Ѳемистоклъ тайкомъ выходитъ изъ собранія и посылаетъ къ стоянкѣ мидянъ человѣка въ лодкѣ съ наставленіемъ, что онъ долженъ тамъ сказать. Имя посланнаго было Сикинъ; онъ былъ слугой у Ѳемистокла и воспитателемъ его дѣтей. Впослѣдствіи, когда ѳеспіяне принимали новыхъ гражданъ, Ѳемистоклъ сдѣлалъ его ѳеспійскимъ гражданиномъ и обогатилъ. Подплывши на лодкѣ къ варварамъ, онъ обратился къ военачальникамъ съ такою рѣчью: «Меня послалъ аѳинскій военачальникъ тайкомъ отъ прочихъ эллиновъ. Онъ сочувствуетъ царю и больше вамъ желаетъ побѣдъ, чѣмъ эллинамъ. Онъ велѣлъ сказать, что эллины, перепугавшись, замышляютъ бѣжать и что теперь вамъ представляется случай совершить прекраснѣйшій въ мірѣ подвигъ, если вы не дадите разбѣжаться имъ. Они не въ ладахъ другъ съ другомъ; имъ не устоять противъ васъ; вотъ увидите, что они будутъ сражаться другъ съ другомъ, сочувствующіе вамъ съ тѣми, кто не сочувствуетъ».

Объявивши это, Сикинъ тотчасъ же удалился. Варвары повѣрили извѣстію и прежде всего высадили массу персовъ на островокъ Пситалею, лежащій между материкомъ и Саламиномъ; затѣмъ, когда наступила полночь, западное крыло двинулось къ Саламину съ цѣлью окружить эллиновъ; корабли, стоявшіе у Кеоса и Киносуры, тоже отплыли и заняли весь проливъ до Мунихіи [1]. Корабли были двинуты для того, чтобы не дать эллинамъ убѣжать, чтобы захватить ихъ у Саламина и такимъ образомъ отомстить за битву при Артемизіи. А на островъ Пситалею персы высадились съ

[1]) Эллинскій флотъ стоялъ въ гавани города Саламина въ узкомъ проливѣ между Аттикой и островомъ Саламиномъ. Главная часть персидскаго флота стояла у Фалера, на востокъ отъ Саламина. Западное крыло персы двинули въ Элевсинскую бухту, обогнувъ Саламинъ съ сѣвера, и заперли эллинскій флотъ съ сѣвера. Восточное же крыло

тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ морской битвы, когда люди и обломки кораблей будутъ приставать преимущественно къ этому мѣсту,—островъ лежитъ въ проливѣ, гдѣ должно было произойти сраженіе,—они могли спасать одних и истреблять другихъ. Все это дѣлалось втихомолку, чтобы не узналъ объ этомъ противникъ: готовились ночью, не смыкая ни на минуту глазъ.

У Саламина межъ тѣмъ шелъ сильный споръ между вождями; они еще не знали, что варвары стали окружать ихъ флотомъ, и думали, что тѣ стоятъ на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ видѣли ихъ днемъ.

Въ то время, какъ вожди спорили, къ нимъ явился изъ Эгины аѳинянинъ Аристидъ, сынъ Лизимаха. Народъ подвергъ его остракизму [1]; но, разузнавъ о его характерѣ, я убѣдился, что онъ былъ лучшимъ и справедливѣйшимъ мужемъ въ Аѳинахъ. Подошедши къ мѣсту собранія, онъ вызвалъ Ѳемистокла, который былъ не другомъ, но злѣйшимъ врагомъ его. Въ виду важности наступившихъ бѣдствій онъ забылъ о враждѣ и хотѣлъ переговорить съ нимъ, такъ какъ слышалъ, что пелопоннесцы спѣшатъ отплыть къ Истму. Когда Ѳемистоклъ вышелъ къ нему, Аристидъ сказалъ: «Какъ во всякое другое время, такъ въ особенности теперь намъ слѣдуетъ состязаться въ томъ, кто изъ насъ сдѣлаетъ больше добра родинѣ. Скажу тебѣ прямо: сколько вы тутъ ни толкуйте объ отплытіи къ Пелопоннесу, теперь—говорю, какъ очевидецъ—ни коринѳяне ни самъ Эврибіадъ, при

загородило весь проливъ съ юга, начиная отъ саламинскихъ мысовъ Киносуры («собачій хвостъ»,—эта длинная коса замыкала съ юга стоянку эллинскаго флота) и Кеоса (немного южнѣе) и до полуострова Мунихіи, выдѣляющагося изъ аттическаго побережья противъ Киносуры и Кеоса. Кромѣ того, персы заняли островокъ Пситалею, лежащій между Киносурой и Мунихіей при южномъ выходѣ изъ пролива.

[1] Аристидъ противился планамъ Ѳемистокла относительно сооруженія флота, находя, что эти новыя затѣи слишкомъ будутъ обременять казну и народъ. Борьба между противниками приняла такой острый характеръ, что «справедливѣйшій изъ гражданъ» былъ наконецъ подвергнутъ остракизму по проискамъ Ѳемистокла. Болѣе 6.000 дощечекъ съ именемъ Аристида (такое число голосовъ нужно было для постановленія рѣшенія объ изгнаніи) подано было въ народномъ собраніи. Покидая городъ, изгнанникъ поднялъ руки къ небу и молилъ боговъ, чтобы они не посылали аѳинянамъ такой бѣды, которая заставила бы ихъ вспомнить объ Аристидѣ. Граждане скоро раскаялись и вернули его: самъ Ѳемистоклъ подалъ голосъ за возвращеніе Аристида на родину.

всемъ своемъ желаніи, не могутъ отплыть: мы окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Иди туда и объяви это».

Ѳемистоклъ на это отвѣтилъ: «Прекрасный совѣтъ ты даешь и добрую приносишь вѣсть. Ты видѣлъ своими глазами какъ разъ то, чего я самъ желалъ. Знай же, что это сдѣлано мидянами по моему внушенію. Эллины добровольно не хотѣли вступить въ битву: приходилось принудить ихъ къ этому. Разъ ты пришелъ съ доброю вѣстью, ты самъ ее и сообщи. Если я скажу это, подумаютъ, что я сочинилъ; мнѣ не убѣдить ихъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, персы ни за что не сдѣлали бы этого. Поди и объяви имъ самъ, въ какомъ положеніи дѣло. Если они повѣрятъ твоему сообщенію, тѣмъ лучше; если не повѣрятъ, намъ будетъ все равно: они уже не разбѣгутся, разъ мы окружены со всѣхъ сторонъ, какъ ты говоришь».

Аристидъ подошелъ и разсказалъ все, прибавивъ, что онъ прибылъ съ Эгины и тайкомъ едва пробрался между стоявшими на якорѣ кораблями, ибо эллины совершенно окружены флотомъ Ксеркса. Онъ совѣтовалъ поэтому готовиться къ отраженію врага. Сказавъ это, онъ удалился, а между вождями опять начались споры: большинство ихъ не хотѣло вѣрить извѣстію.

Пока они сомнѣвались, явилась теносская трирема съ перебѣжчиками, подъ командой Панетія, сына Созимена; перебѣжчики передали все, какъ было. За эту услугу теносцы записаны на треножникѣ въ Дельфахъ въ числѣ эллиновъ, сокрушившихъ варвара.

Повѣривъ сообщенію теносцевъ, эллины стали готовиться къ битвѣ. На зарѣ воины съ судовъ были созваны на сходку. Лучшую рѣчь произнесъ здѣсь Ѳемистоклъ. Она вся состояла изъ сопоставленій прекраснаго съ постыднымъ. Онъ убѣждалъ выбирать лучшее изъ того, что проявляется въ природѣ человѣка и соотвѣтствуетъ положенію, и въ заключеніе велѣлъ расходиться по кораблямъ. Воины пошли садиться, а въ это время прибыла съ Эгины трирема, отряженная за эакидами. Затѣмъ эллины стали выводить всѣ свои корабли въ море.

Лишь только они отчалили, варвары тотчасъ же на нихъ напали. Эллины стали грести обратно, кормою впередъ, и приставать къ берегу; одинъ только Аминій, аѳинянинъ изъ дема Палены [1]), двинулся впередъ и напалъ на непріятель-

[1]) Демы—это общины, на которыя дѣлилось населеніе Аттики.

скій корабль. Корабли сцѣпились и не могли уже разойтись; тогда и прочіе бросились на помощь Аминію и завязали битву. Такъ началось сраженіе—по разсказу аѳинянъ; по словамъ же эгинянъ, сраженіе было начато той триремой, которая ходила на Эгину за эакидами. Разсказываютъ, кромѣ того, что эллинамъ явился призракъ женщины, которая побуждала ихъ такъ громко, что слышно было по всему эллинскому флоту; а сначала она имъ бросила упрекъ: «Трусы! до какихъ же поръ вы будете грести назадъ»!

Противъ аѳинянъ выстроились финикіяне, занимавшіе сѣверозападное крыло, со стороны Элевсина, а противъ лакедемонянъ - іоняне, занимавшіе юговосточное крыло, со стороны Пирея. Однако лишь немногіе изъ іонянъ, по внушенію Ѳемистокла, дѣйствовали измѣннически, большинство же не слѣдовало ихъ примѣру [1]). Я могъ бы перечислить имена многихъ начальниковъ триремъ, захватившихъ эллинскіе корабли, но укажу только двухъ—самосцевъ Ѳеоместора и Филака. Объ нихъ я упоминаю потому, что Ѳеоместора за этотъ подвигъ персы назначили тираномъ на Самосѣ, а Филакъ записанъ былъ въ число «благодѣтелей царя», и ему пожалована была большая область. Благодѣтели царя называются по-персидски о р о с а н г а м и.

Такова была судьба этихъ начальниковъ; большинство же варварскихъ кораблей погибло: одни были уничтожены аѳинянами, другіе эгинянами. Такъ какъ эллины сражались по правиламъ военнаго искусства, а варвары не успѣли построиться и дѣйствовали безъ всякаго толку, то случилось, конечно, то, что и должно было случиться. Впрочемъ въ этотъ день варвары сражались гораздо храбрѣе, чѣмъ при Эвбеѣ, и превзошли самихъ себя: каждый проявлялъ усердіе изъ страха передъ Ксерксомъ; каждому казалось, что на него глядитъ царь.

Я не могу, конечно, разсказать въ точности, какъ сражались тѣ или иные изъ варваровъ и эллиновъ; но съ Артемизіей произошелъ такой случай, послѣ котораго она еще болѣе вошла въ честь у царя. Когда дѣла Ксеркса пришли уже въ большое разстройство, въ это самое время за кораблемъ Арте-

---

[1]) Когда персидскій флотъ стоялъ у Эвбеи, Ѳемистоклъ объѣхалъ вокругъ острова и вездѣ, гдѣ была вода, годная для питья, и гдѣ, значитъ, можно было ожидать высадки, начерталъ на прибрежныхъ скалахъ надписи, приглашавшія іонянъ перейти на сторону эллиновъ или, по крайней мѣрѣ, не принимать участія въ битвахъ съ эллинами.

мизіи погнался одинъ аттическій корабль. Не будучи въ состояніи ускользнуть, такъ какъ впереди были другіе союзные корабли, а ея корабль былъ ближе всѣхъ къ непріятельскимъ, она быстро приняла рѣшеніе, которое оказалось полезнымъ. Преслѣдуемая аттическимъ кораблемъ, она стремительно бросилась на дружественный корабль калиндянъ, на которомъ плылъ самъ царь калиндійскій Дамасиѳимъ [1]), и затопила его. Изъ этой счастливой случайности она извлекла двойную выгоду; ибо начальникъ аттической триремы, видя, что Артемизія напала на варварскій корабль, принялъ ея корабль за эллинскій или подумалъ, что онъ перебѣжалъ отъ варваровъ и помогаетъ эллинамъ, поэтому пересталъ ее преслѣдовать и устремился противъ другихъ.

Такимъ образомъ Артемизіи удалось, съ одной стороны, избѣжать гибели, съ другой—коварнымъ поступкомъ пріобрѣсти себѣ величайшее уваженіе со стороны Ксеркса. Наблюдая за битвой, царь, говорятъ, замѣтилъ, какъ ея корабль несется на другой. Одинъ изъ окружающихъ сказалъ ему при этомъ: «Владыка! видишь, какъ храбро бьется Артемизія? она потопила непріятельскій корабль». Тотъ переспросилъ, дѣйствительно ли это дѣло Артемизіи. Ему отвѣчали утвердительно, ибо всѣ хорошо знали отличительный знакъ ея корабля, а погибшій корабль сочли за непріятельскій. Все, какъ мы видѣли, было ей на руку; и теперь, на ея счастье, съ калиндійскаго корабля не спасся ни одинъ человѣкъ, который могъ бы обличить ее. Ксерксъ, говорятъ, на замѣчаніе приближенныхъ воскликнулъ: «Мужчины у меня стали женщинами, а женщины мужчинами»!

Въ этой битвѣ палъ вождь Аріабигнъ, сынъ Дарія, братъ Ксеркса; пало много и другихъ именитыхъ персовъ, мидянъ и прочихъ союзниковъ; изъ эллиновъ пали лишь немногіе. Эллины умѣли плавать; поэтому тѣ, которые, потерявши корабли, не погибли въ рукопашномъ бою, переплывали на Саламинъ. Большинство же варваровъ погибло въ морѣ, не умѣя плавать. Какъ только первые корабли обратились въ бѣгство, варвары стали погибать въ огромномъ количествѣ, ибо задніе воины старались пробраться на своихъ корабляхъ впередъ, чтобы отличиться подвигами передъ царемъ, и сталкивались съ своими же кораблями, убѣгающими прочь.

---

[1]) Калинда—городъ въ Малой Азіи, въ Каріи.

Среди этого смятенія произошелъ, между прочимъ, такой случай. Нѣсколько финикіянъ, потерявши корабли, явились къ царю и стали клеветать на іонянъ, будто корабли ихъ погибли вслѣдствіе измѣны этихъ послѣднихъ. Однако вышло такъ, что іонійскіе вожди остались цѣлы, а получили возмездіе оклеветавшіе ихъ финикіяне. Послѣдніе не кончили еще своей жалобы, какъ на аттическій корабль напалъ самоѳракійскій; первый сталъ тонуть, а налетѣвшій эгинскій корабль, въ свою очередь, потопилъ самоѳракійскій. Но самоѳракіяне, будучи искусными метателями копій, сбили копьями воиновъ съ потопившаго ихъ корабля, взошли на него и овладѣли имъ. Этотъ случай и спасъ іонянъ. Увидѣвши этотъ подвигъ, Ксерксъ въ сильнѣйшемъ негодованіи обрушился на финикіянъ, обвиняя ихъ всѣхъ, и велѣлъ отрубить имъ головы, чтобы, будучи сами трусами, не клеветали на людей доблестныхъ. Ксерксъ сидѣлъ у подошвы Эгалейской горы, противъ Саламина [1]), и всякій разъ, какъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ его воиновъ особенно отличается въ битвѣ, разспрашивалъ о немъ, а писцы вносили его въ списокъ, съ прибавленіемъ имени отца, записывая также имя начальника корабля и городъ.

Когда варвары обратились въ бѣгство и искали убѣжища у Фалера, эгиняне, устроивъ засаду въ проливѣ, отличились здѣсь на славу. Аѳиняне истребляли тѣ корабли, которые шли имъ навстрѣчу или бѣжали, а эгиняне—тѣ, которые хотѣли уплыть подальше: кто убѣгалъ отъ аѳинянъ, тотъ попадалъ прямо къ эгинянамъ.

Когда сраженіе, съ наступленіемъ ночи, прекратилось, эллины вытащили на Саламинъ обломки кораблей, какіе оставались еще подъ рукою, и готовились къ новой битвѣ, въ ожиданіи, что царь еще разъ употребитъ въ дѣло уцѣлѣвшіе корабли. Межъ тѣмъ западный вѣтеръ подхватилъ массу этихъ обломковъ и понесъ ихъ къ берегу Аттики, къ такъ называемому Коліаду [2]). Такимъ образомъ совершенно оправдалось не только изреченіе объ этой битвѣ, данное Бакидомъ и Музеемъ [3]), но даже и предсказаніе

---

[1]) Гора Эгалей—на аттическомъ берегу. Одинъ выступъ горы и нынѣ называютъ «трономъ Ксеркса».—Островъ Самоѳракія лежитъ противъ устья Гебра, у ѳракійскаго берега.

[2]) Коліада—одинъ изъ выступовъ берега къ востоку отъ Фалера.

[3]) Бакидъ и Музей—легендарные предсказатели доисторической эпохи. Ихъ считали составителями старинныхъ сборниковъ изреченій и предсказаній, ходившихъ по рукамъ у эллиновъ.

аѳинскаго прорицателя Лизистрата, касавшееся занесенныхъ сюда обломковъ и непонятое никѣмъ изъ эллиновъ. Оно гласило:

«На веслахъ станутъ жарить
«Поселянки Коліада».

Этому именно и суждено было исполниться по удаленіи царя.

Ксерксъ, видя постигшую его бѣду, боялся, какъ бы эллины по совѣту іонянъ или сами не вздумали плыть къ Геллеспонту съ тѣмъ, чтобы разрушить мосты; чтобы не быть отрѣзаннымъ въ Европѣ и не погибнуть такимъ образомъ, онъ сталъ подумывать о бѣгствѣ. Желая скрыть это намѣреніе отъ эллиновъ и своего войска, онъ пытался сдѣлать насыпь отъ Фалера по направленію къ Саламину, велѣлъ связывать финикійскія транспортныя суда, чтобы они служили и мостомъ и стѣною,—однимъ словомъ, продолжалъ военныя приготовленія, какъ бы собираясь дать еще разъ битву на морѣ. Видя эту дѣятельность, всѣ были увѣрены, что онъ совершенно серьезно рѣшилъ остаться и воевать. Только отъ Мардонія, отлично знавшаго его образъ мыслей, не скрылись эти замыслы.

Межъ тѣмъ Ксерксъ послалъ въ Персію гонца съ извѣстіемъ о постигшемъ его несчастіи. Нѣтъ въ свѣтѣ живого существа, которое было бы быстрѣе этихъ гонцовъ: такъ искусно придумано это у персовъ. Насколько бы дней ни тянулся путь, столько же на немъ, говорятъ, разставлено и людей съ конями,—по человѣку и лошади на каждый дневной переходъ; ни снѣгъ, ни дождь, ни жара, ни ночь не мѣшаютъ имъ совершать надлежащій пробѣгъ съ возможно наибольшей быстротой. Первый гонецъ передаетъ порученіе второму, второй третьему; передача идетъ такимъ образомъ все дальше и дальше, какъ это бываетъ у эллиновъ при бѣгѣ съ факеломъ, который устраивается въ честь Гефеста. Такую ѣзду на коняхъ персы называютъ **ангареемъ**.

Первая пришедшая въ Сузы вѣсть, что Ксерксъ занялъ Аѳины, привела почти въ восторгъ оставшихся дома персовъ, такъ что они всѣ улицы усыпали миртами, воскуряли ѳиміамъ, приносили жертвы и устраивали пиршества. Второе же дошедшее до нихъ извѣстіе такъ потрясло ихъ, что они всѣ разорвали на себѣ одежды и предавались неудержимымъ воплямъ и стенаніямъ, обвиняя во всемъ Мардонія. При этомъ они не столько были огорчены потерею кораблей,

сколько боялись за самого Ксеркса. И это продолжалось все время, пока не прибылъ самъ Ксерксъ.

Изъ добычи первую захваченную часть эллины выдѣлили богамъ—и, между прочимъ, три финикійскія триремы; одну они пожертвовали на Истмъ, гдѣ она и теперь еще, другую на Суній [1]), третью Эанту на Саламинъ. Затѣмъ они раздѣлили добычу между собою, а первую часть отослали въ Дельфы; на счетъ ея тамъ сдѣлали статую въ двѣнадцать локтей вышины, державшую въ рукѣ корабельный носъ. Стоитъ она тамъ же, гдѣ и золотая статуя македонянина Александра [2]).

Пославъ дары въ Дельфы, эллины спрашивали божество отъ имени всѣхъ, сполна ли оно получило первую часть и пріятны ли ему дары. Божество отвѣчало, что отъ прочихъ эллиновъ оно получило сполна, а отъ эгинянъ нѣтъ, и требовало отъ послѣднихъ дара за морскую битву при Саламинѣ. Услыхавъ объ этомъ, эгиняне пожертвовали три золотыхъ звѣзды, которыя стоятъ на мѣдной мачтѣ въ углу, почти рядомъ съ чашей Креза.

Послѣ дѣлежа добычи эллины поплыли къ Истму, чтобы воздать награду тому изъ эллиновъ, который оказался достойнѣйшимъ въ этой войнѣ. Прибывъ сюда, вожди у Посейдонова жертвенника раздѣлили между собою камешки, чтобы голосованіемъ рѣшить, кого считать первымъ, кого вторымъ. Каждый изъ нихъ клалъ первый камешекъ себѣ самому, считая себя наиболѣе доблестнымъ; второй камешекъ большинство положило Ѳемистоклу. Такимъ образомъ всѣ прочіе получили по одному голосу, а Ѳемистоклъ далеко превзошелъ ихъ при второй подачѣ голосовъ.

Изъ зависти эллины не хотѣли остановиться на этомъ рѣшеніи и разъѣхались по своимъ городамъ, не рѣшивъ вопроса. Тѣмъ не менѣе слава о Ѳемистоклѣ прогремѣла по всей Элладѣ, какъ о человѣкѣ мудрѣйшемъ изъ всѣхъ эллиновъ. Не будучи почтенъ за побѣду сражавшимися при Саламинѣ

---

[1]) Мысъ Суній (нынѣ Колона)—южная оконечность Аттики. Недалеко отъ него и нынѣ виднѣются развалины великолѣпнаго храма Аѳины. На Истмѣ былъ знаменитый храмъ Посейдона, близъ котораго праздновалось истмійскія игры. Развалины храма, театра и стадія видны и нынѣ.

[2]) Александръ I, сынъ Аминты, царь Македоніи, эллинъ родомъ, помогавшій не разъ эллинамъ своими полезными совѣтами во время борьбы ихъ съ персами, снискалъ себѣ въ Элладѣ такія симпатіи, что эллины поставили въ Дельфахъ его золотую статую.

эллинами, онъ тотчасъ же послѣ этого ушелъ въ Лакедемонъ, разсчитывая тамъ получить награду. Лакедемоняне прекрасно приняли его и оказали ему высокій почетъ. Эврибіаду они за мужество дали оливковый вѣнокъ, а Ѳемистокла наградили такимъ же вѣнкомъ за мудрость и проницательность; они подарили ему также колесницу, самую лучшую въ Спартѣ. Послѣ того, какъ онъ былъ превознесенъ всяческими похвалами, его проводили при отъѣздѣ до тегейской границы триста отборныхъ спартанцевъ, тѣ самые, которые называются у нихъ «всадниками». Это единственный человѣкъ, насколько мы знаемъ, котораго спартанцы такъ провожали.

ОГЛАВЛЕНІЕ